

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Александр

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Проза

Волгодонск
2021

84 Рос 6
С 79

Степанов А.В.

Собрание сочинений Т. 6: Проза /
Александр Владимирович Степанов. –
Волгодонск: Самиздат, 2021. 268с.

*В шестом томе собрания сочинений
собраны рассказы, сказки и другие
прозаические произведения для взрослых
читателей и детей, написанные в 2019 -
2020 годах.*

РАССКАЗЫ

Жизнь насекомых

Есть книги, что совершили переворот в науке, политике и вообще в истории человечества. Вспомните хотя бы Библию, «Капитал» Карла Маркса, «Происхождение видов» Чарльза Дарвина и ещё тысячи подобных им книг.

Семёна Сивоконя сразила на веки веков книга Фабра «Жизнь насекомых». Попала она ему в руки случайно от внука, который притащил её из библиотеки. Внуку книга, видимо, не понравилась, он полистал, полистал странички и отстал от неё. Книга долго валялась то тут, то там, пока не попала к деду. Тот нехотя открыл её, насекомые и его не очень-то интересовали, разве иногда приходилось комаров гонять или давить на огороде зловредную медведку.

Но тут что-то зацепило Семёна и это, что зацепило, необыкновенным образом совпало с тайной философией, которая была уже давно выработана у него, но которую он

тщательно скрывал не только от жены и прочих родственников, но даже от себя самого.

Читал он эту книгу долго, почитай всю зиму, когда долгими вечерами заняться было нечем. Телевизор он не любил, водку пить не хотелось, в гараже возле мотоцикла мёрзнуть не находил нужным. А книга увлекла. Прочитав её и отложив в сторону, Семён, тем не менее, не забывал о прочитанном. В его голове застряла одна, но великая, как ему казалось, мысль: «Надо вплотную заняться изучением насекомых. Вот Фабр, был простым учителем, то есть не учился на энтомолога, а сам до всего дошёл. Да и если сказать по правде, то учитель из тех времён по своим знаниям равняется нынешнему десятикласснику, а я как раз и закончил эту самую десятилетку. Над Фабром смеялись, издевались, а он делал своё дело, не обращая внимания на критику соседей. И правильно, если ты вплотную занимаешься своим делом, продвигаешь науку вперёд, пусть смеются хоть соседи, хоть жена с ребятами, не надо отчаиваться и обижаться на них. Не даром тёща говорила, что на обиженных воду

возят. Если они достанут тебя вконец, надо с высоко поднятой головой гордо уйти от них. Наука гораздо важнее этой социальной надстройки: жена, дети. Они временное явление, а наука вечна».

Важно, посчитал Семён, и то, что для изучения жизни насекомых не требуется никакого инструмента, приспособлений и приборов. Просто лежи на травке возле гнезда какого-нибудь насекомого и наблюдай, всё, что увидишь, записывай в блокнот или тетрадь. Это называется дневник полевых наблюдений. Всё лето ты вносишь туда записи, а зимой, когда лежать на траве будет холодно, перебираешься в кабинет и обрабатываешь летние записи.

Это так зацепило Семёна, что однажды он объявил жене:

– Что хочешь думай, я больше на работу не пойду. Стану заниматься наукой. Вон Фабр тоже не большого ума был, то есть без высшего образования, а ведь такую научную революцию совершил, что и подумать страшно.

– Да какой из тебя учёный? – засмеялась жена, – ты читаешь и то по складам. Ты кроме «Робинзона Крузо» хоть

что-то прочёл?

– Фабр, может, тоже ничего не прочёл, а поди-ка книги писал, и вклад в науку такой внёс, что тебе и не снилось.

– Не смейся людей, Сеня.

– Ничего, посмеются и перестанут. А когда поймут, какими важными делами занимаюсь, охота смеяться пропадёт. Над Фабром, думаешь, не смеялись. Дураки не только у нас плодятся, их и там водится не меньше.

В конце концов, жена сдалась.

– Ладно, занимайся своей наукой, только с работы пока не увольняйся. Возьми отпуск. А там видно будет.

Семён сразу же отправился на работу, оформил отпуск, зашёл в магазин, купил лупу. Без неё мелких насекомых не разглядишь.

Придя домой, он сел на диван и задумался: с чего начать изучение этих насекомых. Вернее кого изучать?

– А начну я, наверное, как Фабр с ос. Когда на практике проверю всё, что написано в книжке, тогда перейду к таким насекомым, которых ещё ни один учёный не изучал.

Итак, решено. Утром, захватив с собой кусок хлеба с салом, бутылку минеральной воды, лупу, небольшую лопатку, чистый блокнот с карандашом, на случай, если придётся что-нибудь зарисовать или записать, он отправился за огороды, за которыми расстилалась широкая поляна – великое поле деятельности для учёного-энтомолога. Над ней порхали разноцветные бабочки, суетились невзрачные мотыльки, пролетали, словно реактивные самолёты разъевшиеся шмели. В траве разнообразие мелких зверушек было значительно большим. Туда-сюда сновали расторопные жучки, червячки, какие-то неведомые козявки, стрекотали кузнечики, скакали кобылки. Под листочками то там, то сям прятались пауки, поджидающие лакомое блюдо к обеду.

У Семёна разбежались глаза. Сердце радостно заколотилось от ощущения новой жизни, которая обещала ему свободу от серой обыденности и реализацию своей яркой немного безумной мечты.

Он медленно побрёл по поляне, зорко всматриваясь под ноги. Это не то и это не то, всё не то. И вдруг на глаза попалась

небольшая норка с насыпанным рядом с ней холмиком свежевырытой земли.

– Удача, – подумал Семён, – не придётся мотаться по поляне. Для начала надо зарисовать норку и поставить какую-нибудь вешку, чтобы завтра было проще её найти. В качестве вешки он приспособил большой ком земли, валявшийся на обочине пролегавшей неподалёку дороги, вытащил блокнот и карандаш, присел на траву и начал рисовать. Когда-то давно, ещё учась в школе, рисование различных предметов не представляло для него трудностей. А вот сейчас... загрубевшие, нетренированные пальцы выводили совсем не то, что видели глаза и что замышлял художник.

– Надо дома потренироваться. Видишь, как всё запустил.

Он сунул блокнот в сумку и начал внимательно следить за норкой. «Кто-то ведь вырыл её, значит, этот кто-то должен непременно явиться сюда», – подумал Семён и прилёг на траву, чтобы лучше видеть объект наблюдений. Он замер, боясь лишними движениями спугнуть хозяйку или хозяина подземного жилища, глаза уставились в одну точку. Прошло несколько

минут, но обстановка не менялась: перед глазами по-прежнему круглое отверстие в земле и маленький остроконечный холмик той же самой земли. Ничего живого пока не появлялось.

Время шло, солнце забиралось по небосклону всё выше и выше, щедро припекая живой и неживой мир. Вот уже листочки и лепестки луговых трав стали прятаться от жгучих лучей, пригибаясь к земле, вот и насекомые утратили свою живость, и только Семён, дожидаясь объекта своего исследования, лежал на траве с открытыми глазами, зорко вглядываясь в норку.

Ожидание оказалось не напрасным. Вскоре прилетела и хозяйка земляной квартиры: шустрая ярко-жёлтая оса с чёрными полосами. Она несла мёртвую пчелу. Опустившись возле норки, оса, не раздумывая потащила свою добычу вглубь тёмного подземелья. Все её движения были чёткими, быстрыми, тяжёлая ноша, казалось, ничуть не мешала ей.

Только Семён, к сожалению, этого уже не видел. Разморённый безжалостными солнечными лучами он сладко спал, время

от времени отдуваясь от мелких вездесущих земляных муравьёв. Он улыбался, наверное, снилось ему что-то необычайно интересное и приятное.

За этим занятием его и застала жена:

– Ты что, Семён, совсем сдурел что ли, лёг бы где-нибудь в теньке да изучал своих бабочек. Вставай, говорю, а то кондрашка хватит, а мне потом маяться с тобой.

На следующий день Семён встал пораньше и стал не торопясь собираться.

– Ты куда это такую рань, – поинтересовалась жена, – опять на поляну? Подушку прихвати.

Семён хотел было возмутиться, но передумал, не цапаться же с бабой из-за пустяка.

– Не больно-то умничай, лучше завтрак сваргань. Надо на работу сходить, как-то они там без меня управляются.

Рыбалка

– Виктор Иванович, не хочешь с нами на рыбалку?

– Почему бы нет. Я в отпуске, домашние дела давно переделаны. А куда?

– В рям. Мы там озерцо небольшое надыбали. В нём столько рыбы, что хоть руками лови. Правда добираться до него нелегко, от захода побольше километра будет, и идти надо по зыбкой почве, местами ноги чуть ли не до колен проваливаются.

– Чепуха. Километр можно и ползком одолеть.

– Твоя правда. Собирайся. Приготовь рюкзак, как-никак за спиной тащить сподручнее. На зорьке заедем.

Утром компания из пяти человек уже прибыла в рям. Мужики вывалились из машины, переобулись. Вместо туфлей натянули резиновые сапоги; переоделись – спрятались под толстыми куртками от стосковавшихся по человеческой крови комаров; взяли бредшок, вещмешки и тронулись по едва заметной тропе к недавно открытому рыбаками-любителями озеру.

Озеро и вправду было крошечным, метров 200 в длину, а в ширину, наверное, и того меньше. Суть рыбалки заключалась в том самом бредешке. Кто не знает что это такое, поясню. Бредень – такая сеть, которую надо тянуть по воде вдвоём, каждый за свой конец. Вся рыба, которая по глупости или неосторожности попадает в неё, вытаскивается на берег. После чего процесс повторяется до тех пор, пока не удовлетворятся аппетиты рыбаков. С бреднем можно ходить по воде вдвоём, а можно одному идти по берегу, а второму по воде.

Виктор Иванович, как самый большой и здоровый из всех присутствующих (ростом почти два метра, весом за сто килограммов) добровольно забрался в воду и рьяно потянул свой конец бредня. Пройдя несколько шагов остановился. Ему показалось, что тот за что-то зацепился.

– Мужики, – крикнул он, – бредень зацепился. Давай кто-нибудь на помощь!

– Какая тебе помощь! Налегай пошвытче! Бредень не зацепился, в нём рыба, выволакивай на берег.

Но всё же кто-то из друзей тоже

кинулся в воду. Вдвоём с невероятным трудом они выволокли улов на берег. Рыбы в нём было немереное количество. Столько Виктор Иванович не видел отродясь. Глаза у него разгорелись:

– А как делить будем?

– Никак. Выбирай, которая на тебя смотрит. Только не жадничай, – предупредил старший, – бери не больше ведра.

– А почему?

– Больше не утащишь.

– Чушь какая-то, – подумал Виктор Иванович, – я и три утащу. Не в руках же, а за спиной.

Рюкзак у него и вправду был вместительным, ведра на три, не меньше. Он с азартом выбирал рыбку покрупнее и заталкивал в мешок. Старший ещё раз предупредил:

– Не жадничайте, не упрёте.

Виктор Иванович усмехнулся, он вспомнил свою работу на стройке. Доводилось и не такие тяжести таскать. Бывало, мешки с цементом таскали на пятый этаж, по несколько тонн за смену.

Выходить начали, как и заходили.

Впереди старший, вроде дядьки Черномора, замыкающим – Виктор Иванович.

– Не отставать и не растягиваться, – крикнул старший и пошагал вперёд, не оглядываясь и не раздавая команды. Да если честно говорить, то и присмотр, и команды здесь были не очень-то нужны. В группе все взрослые мужики, с богатым жизненным опытом. Конечно, силёнки у всех были разными, но каждый знал их и понимал, на что они могут сгодиться.

С грузом за спиной идти было тяжелее, кроме рыбы приходилось по очереди тащить бредень. Когда снасть перешла к Виктору Ивановичу, он понял, что с такой выкладкой далеко не уйти. Ноги под невероятной тяжестью утопали в болотной трясине, каждый шаг становился подвигом. Вот уже взмокла спина, вот пот полился через брови в глаза. Чем больше делалось попыток избавиться от него, тем настойчивее он просачивался на лицо. Шаг, ещё шаг, набитый до предела рюкзак всё уверенней придавливал к земле, мощный организм Виктора Ивановича начал сдаваться. Шедшие впереди друзья медленно, но верно удалялись от него.

– Всё, – выдохнул он, завалился на бок и несколько минут тяжело с хрипом дышал, пытаясь уменьшить одышку и удержать от глупостей вырывавшееся из грудной клетки сердце. Он снял рюкзак, развязал его и вывалил в траву половину всё ещё шевелящихся карасей. Ему не хотелось расставаться с частью улова, но он понимал, что с таким грузом дойти до машины не сможет. Тем более ушедшие вперёд друзья ещё не хватились отставшего товарища, предоставив ему право тащить не только рыбу, но и бредень.

Немного отдышавшись, Виктор Иванович всё-таки собрался с силами и двинулся вдогонку за ними. Он уже почти настиг их, но силы снова покинули его. Он, правда, успел крикнуть, чтобы кто-нибудь забрал бредень, но то ли голос его ослабел, то ли друзья не захотели услышать призыв. Они опять стали удаляться. Виктор Иванович снова сел на траву и снова отсыпал половину рыбы. Рюкзак стал лёгким и, уже не пытаясь догнать товарищей, он пошагал дальше.

Когда он вышел из яма, друзья уже переоделись и ждали в машине.

– Устал, Виктор Иванович?

Тот хотел прикинуться бодрячком, сказать, с чего это, мол. Но не смог. Ноги гудели как телефонные провода, тело болело, будто по нему потопталось десяток здоровенных мужиков, губы отказывались шевелиться. Он обречённо махнул рукой и завалился на землю, не снимая рюкзака, в котором покоились остатки его улова.

Когда дома он высыпал рыбу из рюкзака, оказалось, что вся она уместилась в одном ведре.

В поликлинике

В поликлинике возле двери кабинета номер 218 небольшое столпотворение. Здесь собрались больные, которые в крайне стеснённых условиях узенького коридора ожидают врача. Очередь состоит в основном из женщин далеко не бальзаковского или тургеневского возраста. Но, тем не менее, большая часть этих старушек, или правильнее, умудрённых жизненным опытом особ женского пола были принаряжены в лучшие одеяния своих гардеробов. Лица, выражающие страдания,

слегка, а где и обильно намазаны дешёвой косметикой.

Первоочередные сидели на двух обшарпанных придвинутых к стене банкетках, остальная очередь томила на ногах, которые от долгого стояния отказывались поддерживать вертикальное положение тел. Поэтому их хозяевам ни чего не оставалось делать, как ежеминутно переступать с ноги на ногу или искать возможность опереться на стену. Последнее было сделать так же нелегко, как простому смертному попасть в рай.

Приём должен начаться в 9 часов. Без 15 минут явилась медсестра Шурочка, по возрасту чуть моложе своих пациентов. Она улыбалась, что отличало её от притомившихся больных, громко приветствовала знакомых, показывая всем видом, что и в эти лета можно оставаться здоровым и жизнерадостным. Само появление Шурочки наполнило очередь оптимизмом. Наверное, не зря в народе говорят, что лечат не таблетки, а врачи.

Шурочку в очереди знал всякий и больной, и здоровый, а вот врача пока ещё не видел никто. Кто он, что он – неизвестно,

как лечит, как ведёт приём – то же. Очередь немного волнуется, да и как ей не волноваться, если каждого ждёт впереди terra incognita. Известно только одно. На двери висит табличка, из которой ясно, что врача зовут Аллаберды Махмудович Атамамедов, а значит человек он не нашей веры и, наверное, не наших понятий. Тем более, сегодня он впервые войдёт в кабинет № 218 и впервые приступит к исполнению обязанностей участкового терапевта участка № 2 города Селивановска.

Врач пришёл, как и положено врачу, точно по расписанию. Он быстренько прошёл вдоль очереди, здороваясь с каждым, кто приветствовал его, и так же быстро захлопнул за собой дверь. Очередь не успела толком взволноваться, как дверь снова открылась, и улыбающаяся Шурочка торжественно провозгласила:

– Товарищи, не волнуйтесь, всех примем. Заходите по очереди.

Старушка Алпатьева была первой. Она заняла очередь ещё ночью и не потому, что что-то изменилось в течение её болячек, а потому, что очень уж хотелось взглянуть на нового врача и составить о нём

собственное мнение. Она точно знала, что от её слова будет зависеть слава доктора и вера в него пациентов.

А дело заключалось в том, что Алпатьева была не простая старушка, а ценный когда-то медицинский кадр городской больницы. Она, как говорили тогда, честью и правдой отслужила санитаркой в хирургическом отделении сорок с лишним лет. По её рассказам, за это время сменилось пять главных врачей, 15 заместителей, сорок заведующих отделениями, а уж простым врачам и счёта нет. Но главное, по её же словам, что она научилась с первого взгляда определять стоимость, вернее, значимость нового врача – будет с него толк или же нет. О том, что она говорит правду, знали все постоянные пациенты поликлиники города Селивановска.

С таким настроением старушка Алпатьева и пришла на приём. Она присела на стул и внимательно осмотрела врача: врач как врач, человек как человек, мужчина как мужчина. На нём белый халат, правда, слегка не проглаженный, но это не его вина, а сестры-хозяйки, светлая рубаха, которая

красиво оттеняет смуглое лицо. Азиатская внешность ничуть не отталкивает и не пугает, разве что на лице нет улыбки, как у Шурочки, но это дело не особой важности. Мужчина, имеющий суровый вид, всегда кажется более серьёзным и знающим человеком.

– Здравствуйте, – сказала она, – я Алпатьева.

Врач взял её пухлую карточку и медленно и чётко произнёс:

– Алпатьева Матрёна Селивановна, 68 лет, – он бегло пролистал карточку и повернул к пациентке лицо. – Так, вы больны с пятнадцати лет, двенадцать раз лежали в стационаре, принимали стероидные и нестероидные препараты, проходили физиолечение, дважды побывали на курортах, где проходили грязелечение, но, к сожалению, полиартрит ваш никуда не исчез. Я правильно всё понял?

Человека можно удивить, обрадовать, напугать, ввести в заблуждение и, наконец, шокировать или вогнать в ступор. Алпатьева ожидала всего, но не такого. Она рассчитывала, что врач будет долго расспрашивать её, а она рассказывать о

своих болячках, показывать больные места, жаловаться, стонать, доказывать, что имеет право на чуткое и заботливое внимание со стороны медицинской науки. А тут раз и приём, считай, окончен. Такого в её жизненной практике ещё не было.

– Так и что с вами будем делать, продолжим лечение или устроим небольшой перерыв? Может быть, в это время вы попробуете некоторые средства народной медицины. Я понимаю, что это не радикальная терапия, но облегчить ваше состояние она сможет. Вы ведь сами медик, столько лет стояли на страже охраны здоровья земляков. Отдохните от этих пилюль, а через месяц-другой придёте вновь. К тому времени мы подберём вам что-нибудь получше. Ну как, по рукам?

– По рукам, – прошептала ещё полностью не пришедшая в себя старушка Алпатьева, – так значит, я через месяц приду?

– Всенепременно, Матрёна Селивановна, всенепременно. Я буду вас ждать.

Старушка, прихрамывая, вышла в коридор и остановилась возле двери, чтобы

перевести дух. Какие-то таинственные флюиды тянулись за ней из кабинета, казалось, они проникали во всё её существо, обволакивали каждую больную клеточку и врачевали опостылевшие болячки.

– Ну что там? Как он? – посыпались со всех сторон вопросы жаждущей узнать как можно больше о новом человеке очереди.

Старушка легонько охнула и вдруг улыбнулась:

– Хороший врач, всё знает и понимает. Ему даже рентген не нужен, насквозь видит...

– Спасибо, Александра Николаевна, – сказал врач улыбающейся Шурочке, когда за старушкой Алпатьевой закрылась дверь. – Сам бы я не догадался изучить историю болезни первого пациента. Это был гениальный ход с вашей стороны.

Три счастья (Рассказ в письмах)

* * *

Здравствуй, дорогой брательник и всё твоё многолюдное семейство. Искренне приветствуем вас я, моя супружница Мария Семёновна и, как писали в старые времена, все мои чада и домочадцы. В первых строках своего письма хочу поделиться с тобой радостью и даже счастьем оттого, что мечта всей моей нелёгкой жизни наконец-то претворилась в быль. Как поётся в известной песне «сказка стала былью». Ты, брательник, знаешь, сколько горьких мук и страданий пришлось пережить мне, сколько лишений и бед протащил я по жизни на своём горбу, сколько лет и зим с моих ладоней не сходили кровавые мозоли, сколько насмешек и издевательств пришлось выслушать и пережить, причём не всегда от врагов и недругов, но и от близких людей. Я уж не говорю о своей супружнице, она ума недалёкого, но как я понял из твоих писем, даже ты не особо верил, что я смогу ухватить судьбу за нос и добиться всего, чего желал сызмальства.

Но трудности уже позади, говорить о них, наверное, не стоит, хотя бы потому, что в настоящий момент я самый счастливый человек из всей нашей родни. Теперь уже никто не посмеет смеяться надо мной, посылать едкие колючки в мой адрес и судить обо мне со своей колокольни, потому что я наконец-то добился своего – купил новенькую машину, и это не «Москвич», не «Жигули», а самая настоящая иномарка – французская «Рено».

О таком повороте дела я даже и не мечтал, сам понимаешь, трудновато было с деньгами: то дети росли, то жена болела и вообще, как говорят в народе в таких случаях, «то сахар кончался, то трусы рвались». А тут счастье как с неба свалилось: на работе премию дали, тёща дом продала и мне половину выручки отвалила, и жене в «Сбербанке» в кредите не отказали. Так что копейка к копейке, рублик к рублику и насобиралось на машину.

Я её только сегодня пригнал, правда, сам за руль ещё не сел. Решил завтра с утра пробный выезд сделать. Покатаюсь с недельку, пообвыкну, а потом всей семейной оравой махнём на море.

Ладно, брательник, оставайся с добром, а я завтра перед выездом сфоткаюсь рядом с машиной и тебе вышлю. Так что ты порадуйся со мной и раздели с братом его счастье.

* * *

Здравствуй, брательник. Прости, что долго не писал, не до писем было. Я ведь чуть не погиб на дороге из-за какого-то идиота. Я, как писал тебе в последнем письме, встал утром пораньше, собрался сделать пробный выезд. Выгнал машину из гаража, помыл её, проверил тормоза, поворотники, шины. Всё было в норме, работало исправно. Попросил Машу, чтобы она сфоткала меня, я же хотел тебе показать, что у меня за машина. Маша сфоткала и позвала завтракать. А я почему-то отказался, сказал, что через десять минут вернусь, тогда и постолюемся.

Конечно, лучше бы я задержался, но утро было воскресным и солнечным, очень уж захотелось в полной мере ощутить праздник. Я тогда и подумать не мог, что солнце могло сыграть в моей жизни такую зловещую роль. Когда я выезжал на главную

дорогу, какой-то олух царя небесного на допотопном «Запорожце» въехал в мою иномарку. Его драндулету почти ничего не сделалось, моя же француженка сложилась напополам. Он, гад, потом сказал, что не видел меня, солнце, мол, светило в глаза, и вообще он оказался во всём прав, хотя и ехал на «Запорожце».

Конечно, жалко мою француженку, но бог с ней. Хирург, когда я пришёл в себя, сказал: «Ну, ты, брат, счастливый человек, видно в рубашке родился. Обычно в таких авариях человек не выживает. Считай, что это счастливый случай, да ещё со счастливым концом». И все мои родные, и знакомые поражаются такому везению и вот уже почти два месяца только и говорят об этом: «Да чёрт с ней с этой машиной, главное, что ты живой остался. Это же истинное счастье для всех».

* * *

Здравствуй, брательник, отвечаю на твоё письмо. Я жив и здоров, уже самостоятельно могу передвигаться по комнате, правда хромаю на левую ногу и хожу с костылём. Врачи говорят, что кости

срослись неправильно, но есть вероятность, что со временем всё устаканится, и я смогу ходить без всяких подпорок. Но распространяться об этих мелочах не хочется, перейду сразу к главной новости.

Ты, может быть, не поверишь, но нашёлся у нас тут один мастер, который подшаманил мою машину. Обошлось это конечно не дёшево, но зато, если кто не знает, тот не поймёт, что она побывала в аварии. Но это не всё. Нашёлся на моё счастье ещё и дурачок, который сразу же купил её. Уже и машину угнал, и деньги отдал. Мы тут с Марией прикинули, если немного добавить, то хватит, чтобы погасить кредит. Это редкое счастье, чтобы всё так складно получилось. Все родные и знакомые радуются за меня. Пишу тебе, чтобы и ты поделил со мной мою радость.

Рыбак

Деревня наша маленькая. Она всегда такой была. Как говорили остряки: сорок домов да сорок коров. Жил здесь простой народ, скотину водил, землю пахал, по

праздникам брагу пил, веселился, детей рожал. Жили хоть и бедно, но дружно, всё всегда поровну делили. Даже когда война началась, и мужики ушли на фронт, всё вроде по-прежнему осталось. Старались бабы не отделяться друг от друга, помогать, кому не в мочь становилось.

Однако когда война не по нашему сценарию пошла, а власть начала с них по три шкуры драть, стало доходить и до баб, что на всё и на всех их просто не хватит. С утра до ночи на ферме, в поле, на покосе – везде они были потребны. Казалось бы, что же с той доярки взять. Пришла на ферму, подоила коров, сдала молоко, помыла посуду и свободна, шагай домой. Свои личные дела обустройвай.

Но не получалось так. Коров приходилось доить три раза, а между дойками чистили базы, подвозили сено, раздавали его, гоняли коров на водопой, чистили их. А летом ещё больше работы наваливалось: готовили сено, топтали вместо лошадей силос, городили загоны и ремонтировали скотные дворы. Домашние дела приходилось делать по ночам. Хорошо у кого большеенькие дети были, они хоть

чем-то матерям помогали.

В первый военный год бабы ещё как-то крепились, у всякой, почитай, довоенные припасы оставались. А вот когда и их подобрали, голод стал в двери стучаться.

Вот тогда Алёшка Пермяков и наладился уходить с удочкой на озеро. День просидит на берегу, смотришь, на уху, а то и на жарёнку натягает карасиков. Мать придёт с работы, еле ноги приволокёт, а дома её разносол ожидает. Алёшка сам и рыбу почистит, и пожарит, и на стол подаст.

Однажды он шёл на рыбалку мимо дома, где жил дед Афанасий. Тот раньше слыл самым заядлым рыбаком в округе. Дед сидел на завалинке и, когда Алёшка поравнялся с ним, окликнул его:

– Не торопись, Лёха, подь сюда, погутаим малость.

– Да на рыбалку надо, – попытался отговориться Алёшка.

Но дед возражений не принимал:

– Скажи мне, что у тебя это за снасть така?

– Да удочки, дедушка.

– Забрось ты их подальше. Ты теперь в деревне главный мужик. Баб да дитёв

кормить надо. А с удой много не споймашь. Эх, годы мои, был бы чуток помладше. Да что теперь об этом. Бери, Лёха, мои сети да рыбаль по сурьёзному.

– Ну что ты, дедушка, да я их на себе вовек не утащу.

– А ты не боись. Я тебе для такого случая лисапет подарю. У меня от сына остался. Бери, пользуйся. А коли Андрюха мой с войны возвратётся, новый себе купит.

Так Алёшка стал самым настоящим рыбаком. В первый же день он выбрал из сетей два ведра рыбы. А дальше больше, приловчился, опыта набрался и стал снабжать рыбёшкой добрую половину деревенских солдаток с их выводками. Каждый день к моменту Лёшкиного возвращения во дворе уже толпились старушки, ребятишки и свободные от работы женщины с котелками, чашками, горшками. Каждый пришедший получал свою порцию, старушки крестили его, некоторые даже кланялись, те, кто помоложе, благодарили его и мать за сына-кормильца.

Наконец кончилась война. Деревня с нетерпением и тревогой ждала возвращения

своих сынов, защищавших страну, свою деревню, матерей, сестёр и братьев. Первым вернулся Иван Сидоров, бывший бригадир животноводов без правой ноги, на костылях, злой и нелюдимый, следом пришли ещё три мужика и всё. Остальные так и не объявились. На кого похоронка пришла, а кто пропал без вести.

– Ну вот, – горевали бабы, – война прошла, а легче не стало. Спасибо Алёшке, выручает, что бы без него делали.

С возрастом Лёшкина любовь к рыбалке не пропала. По совести сказать, ему нравился не сам процесс вылавливания рыбы, а процесс раздачи её соседям. Ему было приятно видеть довольных старушек, накладывать в котелки ещё взбрыкивающую рыбёшку, слушать слова благодарности в свой адрес.

Однажды Алёшка привёл в дом свою подружку Алёну.

– Мама, – сказал он твёрдым голосом, – это Алёна, я на ней женюсь.

Мать вытерла заслезившиеся глаза передником и благословила молодых. Она знала, что её сын самостоятельный человек, настоящий мужчина, его выбор не может

быть неправильным.

Справили негромкую свадебку и стали жить втроем. Все у них получалось. Молодые ходили на работу, мать копошилась во дворе и в доме. Выходные дни Алексей по-прежнему проводил на рыбалке, по-прежнему радовал соседей свежей рыбкой.

Как-то Алёна за обедом обмолвилась:

– По-моему, Алексею уже неудобно мотаться на рыбалку на велосипеде. Не маленький ведь. Люди и бестолковее его мотоциклы покупают.

– Это ты правильно говоришь, дочка, - поддержала сноху мать.

Алексей слушал их разговор и только покачивал головой, а когда остался с женой наедине с ехидцей в голосе спросил:

– А где же мы денежек возьмём на мотоцикл? наших зарплат и на колёса не хватит.

– Ну надо что-то придумать, ты ведь мужик. Да и мотоцикл не мне нужен.

– Может, занять у кого... – начал уступать Алексей.

– Ищи дурака, во всей деревне не найдёшь.

– Тогда надо осенью бычка продать...

– Лёша, а сами зимой будем лапу сосать?

– Тогда не знаю и без мотоцикла проживу.

– Вот ты всегда такой, для людей готов все жилы порвать, а для себя боишься палец о палец ударить.

Алексей уже начал сердиться:

– Что ты меня донимаешь? Если знаешь, где деньги лежат, то прямо скажи.

– Ну, может, не знаю, но догадываюсь. Давай весной посадим побольше картошки. Уродится, сдадим, вот и денежки. Я летом буду за ягодой ходить, стану продавать, а ты рыбу не раздавай бесплатно, а тоже продавай. Так смотришь помаленьку и насобираем. Она смотрела на Алексея такими невинными глазами, показывая всем видом, что это не указание, а предложение к размышлению, что Алексей даже не понял, как реагировать на такое предложение.

– Не знаю, Алёнка, только я рыбой торговать не стану. Ты, видно, не понимаешь, о чём говоришь. Я же с самой войны людям рыбу раздавал, ни разу в головы ни мне ни им не приходило, что её

продавать можно.

– Вот именно, – не унималась жена, – сколько можно бесплатно на всех работать. Они тебе хоть чем-то помогли? Нет. А ты посмотри вокруг. Все до одного торгуют. Один ты – простофиля.

– Какой уж есть, – рубанул Алексей и раздосадованный неприятным разговором, выкатил велосипед и начал что-то колдовать над ним.

Напрасно он решил, что последнее слово осталось за ним. Не родилась ещё та женщина, что правдами или неправдами не возьмёт верх над мужем. Ночью она отвернулась от него, и как тот не вертелся возле её спины, она не повернулась и не ответила на ласки. Утром, не сказав ни слова, ушла на работу раньше обычного. Алексей завтракал один и думал, как это можно продавать рыбу. По сути, Алёнка права. Он ведь тратит своё время, силы, порой и здоровье, и всё это за «спасибо». Но в то же время, с какими глазами он скажет тёте Лене или тёте Маше, мол, гоните за рыбку денежку. Вот ведь какая чертовщина получается и с Ленкой ругаться не хочется, и перед соседями стыдно.

Весь день он бился над решением этой проблемы, а вечером подошёл к жене:

– Ладно, Ленка, не дуйся, продавать так продавать. Но как только купим мотоцикл, всё станет на свои места.

– Конечно, дорогой, я и сама хотела предложить это. Ты и соседям можешь об этом сказать. Я, думаю, они поймут.

В воскресенье Алексей вернулся с богатым уловом. Он высыпал рыбу из мешка в ванну, отобрал несколько карасиков для себя, сел на чурбан для колки дров, стоящий посреди двора, и стал ждать соседей. Первой пришла тётя Маша с небольшой чашкой. Она жила одна и всегда брала по чуть-чуть.

– Куда мне одной, – говорила она, когда Алексей накладывал в чашку рыбу «с горкой», – не солить же её.

– Бери, тётя Маша, не стесняйся. Рыбы много.

– Спасибо и на том. Пусть другим больше достанется.

– Здравствуй, Алёшенька, – едва войдя во двор, с почтительным поклоном сказала старушка. – Приехал уже?

– Приехал, приехал.

– И рыбку привёз?

– Привёз, привёз. Только знаете, тётя Маша, я теперь рыбу продавать буду. Как в городе. Два рубля десятков.

– Ой-ой, – запричитала старушка, – а я, дура, денежку не захватила. Но ты уж поверь мне, я вечером занесу. Ты только скажи сколько.

Алёшка стоял, накладывал в чашку карасиков и сгорал от стыда. Он презирал себя, жену, что подбила его на такую аферу, ненавидел деньги и мотоциклы, которые достаются такой ценой.

Тётя Маша ушла, шаркая большими разношенными калошами, а Алёшка смотрел ей вслед и смахивал грязными руками застилающие глаза слёзы.

Прошла неделя, наступило очередное воскресенье. Солнце едва показало свой красный нос, как Алёнка толкнула мужа под бок.

– Ты что не собираешься на рыбалку?

Алёшка повернулся носом к стене, фыркнул и сквозь зевоту пробормотал:

– А я тебе разве не говорил, что у меня сети украли? Нашлись ведь какие-то шустряки.

Любовный треугольник

Всё было, как обычно. Муж Маргариты Петровны уехал в командировку на три дня, а она сидит перед трюмо и ждёт в гости любовника. К его встрече она уже почти готова, сделала макияж, причёску, приготовила ужин. Коньяк и шампанское он всегда приносит с собой. Она взглянула на часы: без четверти восемь. Сергей Сергеевич обещал быть к восьми, значит явится, как всегда, тютелька в тютельку. Он человек слова и дела, не то, что её законная половина – Семён Неустроев, который вот уже двадцать лет пытается выбиться в люди, а что толку, как был простым инженеришкой так им и остался. Этот не только любовницу не заведёт, но и жену в ресторан не сводит. Самое большое, что он может сделать – купить бутылку водки и пачку дешёвых сигарет. Устроился в какую-то частную фирму и гоняет по командировкам.

Вначале это Маргариту Петровну раздражало и напрягало, но когда она познакомилась с Сергеем, вечные отлучки мужа стали только радовать её.

Маргарита ещё раз осмотрела себя в зеркале. Вроде всё на месте, хоть и не совсем молода, но свежа и красива: тёмные глаза и тёмные волосы, вальяжно раскинувшиеся по плечам, придавали ей вид восточной красавицы – Шамаханской царицы, как в пылу страсти называл её любовник.

Она снова взглянула на часы: без десяти восемь. И тут звякнул дверной звонок. Маргарита вскочила со стула и, оглаживая немного помятую юбку, чуть ли не бегом кинулась на встречу с любимым. «Что-то он сегодня не пунктуален, наверное, соскучился», – только и успела подумать она. Щёлкнул замок, распахнулась дверь... на пороге стоял неожиданный негаданный муженёк. Глаза его сверкали счастьем, как перья жар-птицы светом, рот, словно резиновый, растянулся в улыбке.

– А вот и я, Ритуля! Принимай мужа!

Он кинул в угол прихожей пузатый портфель, с которым обычно уезжал в командировки, раскинул в приветствии руки и полез к жене с поцелуями. Пока он лобызал её, она только и делала, что бормотала: «Сеня, Сеня, да как же так, да

как же так?». А сама замирала от ужаса, представляя, что через восемь минут в эту самую дверь позвонит Сергей Сергеевич и нос к носу, если, конечно, она не успеет первой отворить дверь, столкнётся с её мужем, который минуту назад свалился, как кирпич на счастливую голову. Семён всё ещё целовал жену, а та уже всюду искала выход из непредвиденной ситуации.

В народе говорят, что у женщины волос длинный, а ум короткий. Увы, это не совсем так, более того, совсем не так. У женщин не ум короткий, а мысль быстрая, способная в одно мгновение решить неразрешимую мужской половиной человечества задачу. То, что мужской ум обдумает за пять минут, женский пробежит за пять секунд. Спасительная мысль, как электрический разряд, мелькнула в голове Маргариты Петровны.

– Ой, Сенечка, – с деланной радостью запричитала она, – как хорошо, что ты раньше вернулся. Значит, мы устроим настоящий праздник. Ужин у меня готов, а ты, пока не раздевался, сбегай за коньяком и шампанским. Гулять, так гулять!

– Не беспокойся, родная, я уже всё

продумал.

Он поднял портфель, расстегнул его и вытащил на свет божий бутылку армянского коньяка «Арагат» и бутылку игристого вина. Он отнёс напитки на кухню, вернулся и стал раздеваться.

– Какой же ты молодец! – она отпустила ему иудин поцелуй. – Тогда не мешкай, быстренько в душ, а я пока на стол соберу.

– Хорошо, хорошо. А ты знаешь, дорогая, кого я сейчас встретил?

– Кого?

– Сергея Сергеевича.

– Какого ещё Сергея Сергеевича? – внешне изумилась Маргарита, а внутри что-то ёкнуло, напряглось, сердце застучало с переборами.

– Как какого? Митрофанова. Помнишь, мы вместе гуляли у Дурневых на Настиных именинах. Высокий такой, в очках. Ты даже танцевала с ним.

– Ах, этот! Помню немножко. Да, да. Точно, танцевала. Просто я и не знала, что он Митрофанов. Она ещё что-то говорила, а душа трепетала от радости как божий мотылёк в солнечных лучах. Слава богу,

теперь Сергей Сергеевич знает, что муж дома и никакой неприятности ожидать не стоит. Жалко, конечно, что ожидаемое свидание не состоится, но...

– Так вот, – продолжал муж, – я спросил его: «Ты что здесь делаешь?», а он, мол, бутылку хочу взять, выпить что-то хочется. Вот только куда пойти, не решил. Ну ты, Ритуля, не обижайся, я взял и пригласил его к нам. Чего хорошему человеку по улице шляться, посидим, поговорим, выпьем по чопочке.

– Боже, какой же ты бестолковый, Семён. В кои времена могли бы вдвоём посидеть, без чужих людей. Ну зачем он нам. Ни ты, ни я толком его не знаем. Человек с улицы. Господи, последний ум мужик потерял.

– Ну прости, Ритулька, прости дурака.

– Что ж, – горько скривила свои красивые губки она, – вечер на смарку. А душа её в это время летала, плясала, пела и играла музыку на всех струнах её мутненькой души. – И когда он соизволит прийти?

Громко брякнул звонок.

– А вот и он! – радостно воскликнул

Семён и побежал открывать дверь...

Утро наступало через силу, тяжело, с головной болью, непомерной жаждой и лёгкой тошнотой. Семён попытался вспомнить вчерашний вечер и не смог. Где-то в закоулках памяти отложилось что-то не главное, совсем не существенное, вроде того, что сначала выпили Сергееву бутылку водки, потом принялись за коньяк, потом пили на посошок, а потом... какая-то непроглядная тьма. Не открывая глаза, он провёл ладонью по подушке, жены рядом не было. Он прислушался: на кухне кто-то вполголоса разговаривал.

– А, – промелькнуло в голове Семёна, – жена разговаривает с кем-то по телефону.

Послышался её сдержанный смех. Семён стал ещё напряжённей вслушиваться в едва слышимый разговор, но разобрать хоть что-нибудь в потоке едва различимых звуков снова не удалось. От напряжения он как-то незаметно отключился, а когда вновь пришёл в себя, в квартире стояла мёртвая тишина. «Да, – понял Семён, – Ритуля на работу ушла. Не стала меня будить. Заботушка!

Кряхтя и охая, он встал. На кухонном

столе стояли бутылка шампанского и бокал, а рядом на блюде лежало пирожное.

– Ишь, жена позаботилась.

Он открыл бутылку, налил полный бокал шипучего напитка, выпил. «Значит, Ритуля вчера не пила, – сообразил он. – Конечно, знала, что завтра на работу.

Он налил ещё бокал, выпил. Жизнь и способность мыслить снова стали возвращаться на свои законные места. Кое-какие ассоциации зарождались в глубине мозга, пробегали по его поверхности, а потом снова прятались во мраке. Но одна вдруг без особых причин задержалась. «Интересно, а как Сергей нашёл нашу квартиру, я вроде адрес ему не давал, и раньше он у нас никогда не был. Не был? Не был. Факт». Семёна опять потянуло спать. Он забрался в постель, укрылся одеялом и сладко захрапел, не заметив, что рядом с ним уснула и эта интересная мысль.

Целитель

Иван Горохов приехал из Чулыма довольный. Ещё бы, пока жена бегала за покупками по продовольственным магазинам, он зашёл в книжный. Там в этот день как раз была привозка. Народу в него набилось, как хворосту в печку, человек сто. Там не то, что купить, посмотреть за благо считалось. Продавцы выносили из склада по несколько книжонок, и не успевали ступить два шага, как книги буквально выхватывались из рук. Толпа гудела, возмущалась, волновалась, как море в бурную погоду, шарахалась вслед за продавцами, сбивая по пути с ног самых неустойчивых. Но получали вождеденный товар совсем немногие.

Иван, по правде сказать, к таким проявлениям читательской агрессии не привык. Книги он покупал не часто и как вести себя в книжном магазине не знал. Он пробовал держаться пристойно, но после того, как чей-то локоть смазал его по лицу, а чья-то лапища, ухватившись за подол новенькой куртки, стала вырывать из неё

ключки, Иван тоже пошёл в атаку, как он потом говорил «на бордаж».

Выросшая активность нового книголюба неожиданно принесла такие плоды, какие не снились самому Мичурину во время его великих опытов по преобразованию природы. Он и не понял сначала, что за счастье улыбнулось ему. Правду говорят в народе, что дуракам и новичкам почему-то везёт. Пока Иван толкался по залу, к нему в руки нечаянным образом попала толстенная книга. Кто-то пытался вырвать её из рук, но Иван вцепился в неё мёртвой хваткой бульдога и, протаскивая на себе несколько метров какого-то неудачника, добрался до прилавка. Продавец быстренько рассчитала его, минут десять ушло на попытку выбраться из магазина. Когда же и эта акция увенчалась успехом, Иван взглянул на книгу и чуть не обмер от удивления. О такой покупке он даже и не мечтал, даже в самых красочных снах не могло пригрезиться подобное. Рот сам собой раскрылся, дыхание спёрлось, сердце застучало как ботало у коровы на шее. Ещё бы, у него оказалась не простая

книга, а травник Крылова «Травы жизни и их искатели».

Дома он подробнее рассмотрел этот подарок судьбы: книга толстая 448 страниц, обложка твёрдая синяя, а на синем фоне цветы разные размещены. К тому же книжка новенькая, краской типографской пахнет, душу греет и сердце радует.

Теперь каждый вечер после ужина он надевал очки, доставал из верхнего ящика комода заветную книгу, садился с ней за стол и начинал внимательно и с интересом читать. Надо конечно сразу чистосердечно признаться, что читал он плохо, как первоклассник, медленно, с трудом разбирая текст. При этом он смешно шевелил толстыми губами.

Жена иногда подшучивала над ним, просила вытащить изо рта конфетку, или перестать петь песни втихую. Что поделаешь, не каждому дано умение читать по диагонали и понимать смысл прочитанного. Иван этого не умел. И вообще он никогда не стремился к чтению. В школе был троечником, а после школы кое-как окончил курсы шоферов, отслужил в армии, где тоже крутил баранку.

Вернувшись домой, женился на своей возлюбленной Варваре, которая терпеливо, как и полагается честной девушке, ждала его все три года, получил в совхозе новую машину и ушёл с головой в семейную жизнь и работу. Всё бы так и текло потихоньку, если бы не эта книга.

Как-то вечером к ним на огонёк забежала вдовая соседка, Дуняшка. Вот уже пятнадцать лет, как она схоронила своего Семёна. Сразу после его смерти захворала, лечилась с попеременным успехом. Бывали дни, что болезнь отступала куда-то, вроде, как на заранее подготовленные позиции, но потом выбиралась на свет божий и вновь атаковала беднягу. Она и раньше забегала в гости. Придёт, дрёпнется на стул или диван и рассказывает Варваре, как она ездила в больницу, сколько врачей обошла, как они у неё гастрит нашли и что за лечение назначили. И сегодня Дуняшка себе не изменила:

– Не поверишь, Варвара, пью всякую химию по целой горсти да не раз, а пять раз в день. Никакой подмоги. Как горело нутро, так и горит, словно, кто кипятка в живот налил. Прямо не знаю к кому бы обратиться.

Помог бы кто, так я бы всю зарплату за раз отдала. Может, ты какую бабушку знаешь?

Варвара рассмеялась:

– Бабушку не знаю, а дедушку сыскать помогу.

– Помоги, Варварушка, помоги. Ты только скажи, я хоть на край света поеду.

– Зачем так далеко забираться. Он у нас живёт. – Всё также смеясь, проговорила Варвара, – Да вот он, – и она указала пальцем на Ивана, – мужик мой. Он уже все травы изучил, думаю, тебе по-соседски поможет.

Дуняшка с сомнением посмотрела на Варвару, а когда увидела, что та смеётся, засмеялась сама:

– Да ну тебя, Варвара, чего мужика обижаешь? Он бы машину какую починил, может, девку какую обиходил, а со мной, старухой, не управится.

– Зря ты так думаешь, Дуняша. Видишь у него какая книга толстая. В ней все травы описаны. Что за трава, где растёт, как собрать, от какой хворобы использовать и как настои из них делать. Я сама в книжку эту заглядывала, только не всё понимаю. А

Иван её уже наизусть выучил. Эй, Иван, ты чего молчишь, скажи что-нибудь соседке.

Иван оторвался от книги, снял очки и положил их на стол.

– Чего тут можно сказать. Лечиться тебе, Дуняшка, надо. Трав у нас от твоей болезни тысячи. Надо только под твой диагноз подобрать.

– Так ты подбери, Ванечка, век тебя помнить буду, день и ночь за твоё здоровье молиться.

– Чего за меня молиться? Совсем не обязательно. Я тебе и так травку подберу. Я тут сегодня покумекаю малость, а ты завтра подходи.

Когда Дуняшка убежала домой, Варвара подступила к мужу:

– Ты что, Иван, всерьёз решил знахарем заделаться? Ты ж в этом, как я в твоей машине. Звон слышала, а откуда он идёт, не знаю.

– Это потому, что ты учиться не хочешь. А захотела бы, за пару месяцев любую машину освоила. Я вот смотри, ползими за книжкой просидел и уже кое-что понял. Травку для Дуняшки подобрать не мудрено, пусть пользуется.

– Ох, Иван, смотри, доиграешься. По закону ты не имеешь права лечить, у тебя диплома нет.

– Да что я больницу открыл? Соседке помочь – не грех. Это если бы я с людей деньги брал, тогда да, нельзя. А так можно. Только ты не мешай.

Иван опять надел очки и уткнулся в книгу.

Назавтра Дуняшка явилась в назначенный час:

– Ну что, Иван Терентьевич, приготовил что-нибудь для меня?

– Приготовил, конечно, – солидно ответил тот, ему очень понравилось, что Дуняшка его по отчеству повеличала и ещё солиднее добавил: – Тут на бумаге всё прописано, но я тебе ещё и на словах поясню. Перво-наперво нарви цветов ромашки, засуши их, да смотри не на солнце, а в тенёчке. У тебя можно на летней кухне, дверь на день откроешь, чтоб проветривало. Ромашку ты, надеюсь, знаешь?

– Знаю, Иван Терентьевич, как не знать.

– Да ещё смотри, в деревне не

собирай, а то тут от машин экология плохая.

– Это чё тут плохое?

– Я говорю, воздух грязный. А травы всю грязь в себя впитывают, и пользы тогда от них никакой.

– Ясно, Иван Терентьевич, я за деревню выйду, зайду, куда поглубже.

– А второе тебе лекарство – чага. Его ты тоже знаешь, гриб такой, на берёзе растёт. Его тоже надо высушить. А как готовить отвары и пить, всё в бумаге прописано. Да не затягивай с лечением, а главное не отлынивай от него, пей регулярно и в нужной пропорции.

Он протянул Дуняшке листок бумаги.

– Вот спасибо, Иван Терентьевич, уважил так уважил. Если только полегчает, до самой смерти буду о тебе молиться.

– Ладно, ладно, лечись не ленись. В травах вся сила. Вот смотри, что в книге написано, – Иван открыл книгу на нужной ему странице, и надев очки, внятно прочитал: – Действие препаратов из сырья растительного происхождения более эффективно, чем действие химически чистых веществ. – Он снял очки, положил их на стол, – вот видишь, это не я придумал,

это профессор пишет. Травы лучше твоей химии, ими всё, что захочешь вылечить можно.

– Ну, дай тебе Бог, Иван Терентьевич, здоровье. Я всегда знала, что у тебя светлая голова. Если бы ты малость подучился, сам бы смог такие книги писать.

– Ну не знаю, такие или не такие... – заскромничал Иван, а сам подумал: «Что и говорить, грамотёшки мало, а так конечно бы...»

Назавтра Дуняшка забежала опять. В руках у неё было несколько цветочков с белыми лепестками и жёлтыми сердцевинками.

– Что-то неясно бабе, – подумал Иван, а вслух спросил, – что-то забыла, Дуняша?

– Нет-нет, всё помню. Только ты мне присоветуй, какие ромашки лучше – большие или маленькие?

Такого вопроса Иван не ожидал, он и сам не знал, какие лучше, какие хуже. Ромашка она и есть ромашка. Но поразмыслив немного, авторитетно заявил:

– Конечно, лучше крупные. Ты вот мелкую картошку куда деваешь? Правильно,

свиньям варишь, а морковку мелкую отдаёшь корове. Чем крупнее, тем больше в ней разных полезных веществ будет.

Это он уже от себя, как от важного лекаря, добавил. – Вроде как ему всё это давно известно.

Из кухни появилась Варвара:

– Ты что к моему доктору?

– Да я на минутку.

– Куда же ты так торопишься, посиди с нами, поболтаем, чаю попьём.

– Ох, Варварушка, некогда мне сегодня, сын позвонил, в гости надумал приехать.

– А как же он надумал? Он ведь всегда зимой приезжает.

– Сама не знаю, позвонил, говорит, что Татьяна, жена его, в отпуске, а его на несколько дней отпустили, пока ещё к сенокосу не приступили. Побегу, у меня квашня стоит, пироги затеяла.

– Конечно, беги, привет от нас Михаилу передай.

– Да вы сами к вечеру подходите, посидим, поужинаем. Миша, правда, не выпивает, так мы с Иваном Терентьевичем по рюмке пропустим.

Вечером Иван и вправду засобирался к Дуняшке, очень уж ему захотелось пообщаться с её сыном. Как-никак он всё-таки агроном и должен бы разбираться в растениях. А о них Иван в настоящее время готов был говорить много и с интересом. Что поделаешь, раз с ним такая оказия вышла.

Но Варвара почему-то заупрямилась, и поход в гости сорвался. А сама приготовила ужин, налила обидевшемуся Ивану большую стопку водки, чем вполне испустила свою вину в глазах мужа

После ужина он вновь уткнулся в свою книгу, и за этим занятием застала его ночь, спать лёг со спокойной совестью и спал до самого утра, как говорится, сном младенца.

Утром выспавшийся и отдохнувший, с хорошим настроением Иван пошагал на работу. Дорога вела мимо Дуняшкиного дома, и он издали увидел возле него Мишкин «жигулёнок», в багажнике которого копался сам Мишка.

– Никак уезжать собрался? Может, помочь, чем надо? – Подойдя ближе поздоровался.

– А-а-а, дядя Ваня, – отозвался Михаил и протянул ему руку, – что же ты вчера не пришёл, посидели бы, поговорили.

– Да неудобно как-то. Ты вот на денёк вырвался, а тут я. Вы здесь собрались свои и разговоры у вас свои. Чего чужому человеку под ногами путаться.

– Так-то оно так. Сейчас гостить некогда, сам знаешь, у агронома работа летняя. Вот зимой в отпуск приеду, там и посидим. А поговорить нам есть о чём. Ты, я гляжу, у нас лекарем стал, как говорили старые врачи, людей пользуешь. Вон и матери моей кое-что присоветовал. Только вот... – он немного замялся, видимо, пытаюсь подобрать слова, которые бы помогли потоньше описать ситуацию, в какой оказались и его мать и народный лекарь.

– Что-то не так, наверное, написал, не то лечение назначил, – с ужасом промелькнуло в сознании Ивана. – Мишка-то грамотный, сразу и обнаружил. – Ну, нет, не может быть, – отмахнулся Иван от этой мысли. – Я всё правильно сделал. Ни слова от себя не добавил, всё из книжки выписал. – А Михаила спросил: – Я что-то не то сделал?

– Нет, всё то. Лечение правильное: отвар ромашки и чаги ещё никому не навредили. Их даже наши доктора иногда прописывают. Одно ты, дядя Ваня не учёл. Мать-то моя – человек тёмный, она не знает и не ведаёт, как ромашка растёт, где чагу искать. Вот она и нарвала вместо ромашки поповник. Он конечно похож на ромашку, но не совсем, лепесточки вроде такие и сердцевинка жёлтая. Да всё не то. У ромашки цветы мельче и листочки другие. А вместо чаги она трутовиков нарубила. А их только пчеловоды собирают. Они ими дымари заряжают. А мать уже себе питьё приготовила, хорошо, что я вовремя приехал.

Иван слушал и медленно-медленно покрывался потом, лицо краснело, как у нерадивого школьника, которого воспитывает учительница перед классом. сердце застучало с перебоями, на душе, несмотря на тёплое солнечное утро, сделалось погано-препогано. Он понимал, что всю вину за историю с лекарством Михаил кладёт не на свою мать, что с неё тёмной взять можно, а на него возомнившего из себя учёного человека,

способного постоять за жизнь и здоровье лучше всякого дипломированного врача.

Весь день слова Михаила звучали у него в ушах. Да, натворил он дел. Дуняшка ведь его спрашивала, какие ромашки рвать. Это он посоветовал рвать те, что покрупнее. Как это он говорил? Чем крупнее, тем лучше. А насчёт чаги он и сам не знал, что это такое. В книжке написано, что на берёзах растёт. Стыд, как теперь с Дуняшкой встречаться.

Придя с работы, он долго ходил по комнатам из угла в угол, потом бестолково мотался по двору и, наконец, решившись на что-то, натаскал в баню воды, растопил печь. И как только огонь облизал сухие поленья, без всякого сожаления бросил в него уже не нужную ему книгу.

Рой

Николай Маслов – заядлый пчеловод. Таковых в нашей деревне немало, но заядлее его свет белый не видывал. Если все остальные пчеловоды выкачивали к медовому спасу по пуду мёда из каждого домика, то он по два, а то и по три. Страшно завидовали ему мужики, костями ложились, чтобы Кольку перешибить, что только не предпринимали: породистых пчёл заводили, ульи каких-то немыслимых для наших мест форм и систем мастерили, сахаром пчёл кормили, стимуляторами подкармливали, журнал «Пчеловодство» выписывали и даже шпионили за Николаем, но стать с ним на одну ступень не получилось ни у кого.

Постепенно мужики махнули на его успехи рукой, и лишь иногда от кого-нибудь можно было услышать:

– Нет, братцы, дело тут непростое, знает этот мудрец что-то, то ли секрет какой, то ли слово особое, заветное, то ли с нечистой силой спутался.

Те, кто слушали такого краснобая понимали, что про нечистую силу это шутка, для красного словца и большего эффекта сказано и рассчитано оно на какого-нибудь

Гоголевского персонажа из Миргорода или Диканьки. Пчеловоды, что постарше да поумнее, только посмеивались над рассказчиком, а молодые да глупые иной раз и призадумывались: чего только в жизни не бывает. Посмотришь телевизор и волос дыбом встаёт: там потомственные колдуны порчу насылают и сами же её снимают, неучи-экстрасенсы затыкают за пояс докторов медицинских наук, а знаменитые астрологи провидят будущее, как мы прошлое. И всё это преподносится на полном серьёзе. Где уж тут молодой не засорённый наукой мозг сможет не принять такую информацию за реальность, истину в первой инстанции. Тем более, сам Николай с удовольствием распускал по случаю и без случая подобные слухи о себе.

Он говаривал, будто ему много чего известно, научился, например, понимать язык пчёл и даже отдавать им команды, когда вылетать из улья, когда залетать, с каких растений собирать мёд, а с каких пыльцу. Рассказывая байки, он никогда не улыбался, говорил серьёзно и настолько убедительно, что все сочинённые им небылицы казались цитатами из какого-

нибудь научного журнала по пчеловодству.

Но что бы ни говорили завистники о Николае, в деревне он считался авторитетом. Пчеловоды не упускали момента, чтобы не воспользоваться его знаниями. Шли к нему с разными просьбами, кто просил совета, кто помощи. К чести сказать, ни одному человечку он не отказал.

Вот и вчера вечером к нему забежал местный лесник Генка Симонов.

– Здорово, Николай.

– Привет, коли не шутишь.

– Какие тут шутки. Я по серьёзному делу.

– Выкладывай, буду слушать.

Генка немного помялся, не зная с чего начать, но всё-таки нашёлся и начал с главного:

– Ты знаешь, я пчёл завёл.

– Теперь знаю. Молодец, со своим мёдом будешь.

– До мёда ещё далеко. Я только сейчас их выгрузил. Купить-то купил, а вот как им ума дать, не знаю. Зашёл бы ты завтра, поглядел мою покупку, может, подскажешь чего.

– А почему бы и не зайти? Готовься.

Утро было светлое и воскресное. Николай не торопясь управился с хозяйством, позавтракал с женой, покурил, сидя на крылечке, и только потом отправился на помощь к новоявленному пчеловоду. Генка жил на краю деревни, дом его прятался в куще высоких старых берёз, которые летом спасали всю домашнюю живность от нестерпимого зноя, а зимой вставали грудью на пути ледяных ветров. Кольке нравилась эта усадьба, он уже прикинул, где должны стоять ульи, где построить омшанник, а где соорудить сарайчик, который будет служить складом для пчеловодческого инвентаря и маленькой мастерской. Без этого никак нельзя. У хорошего пчеловода всё должно быть своё.

Генку Николай увидел издалека. Тот бегал по ограде с лестницей, показывал жене пальцем на верхушку самой высокой берёзы, что-то кричал, наконец, бросил лестницу и убежал в дом. Когда Николай подошёл к калитке, Генка вынырнул из дома, держа в руках ружьё.

– Всё ясно, – понял Николай, – отошёл рой. Залезть на берёзу, чтоб снять его, он не

может, решил расстрелять из ружья. Постой, не стреляй, охотничек... Я ульи погляжу.

– Так рой улетит, – заволновался Генка.

– Не улетит, я ему уже установку дал. Неси роевню.

– Да причём здесь роевня, до роя не добраться. Видишь, он на самой верхушке привился. Шею хочешь сломать?

– А я и не собираюсь туда лезть.

– Я тоже. Пусть он пропадом пропадёт.

– Гена, неси роевню, – словно непослушному ребёнку приказал Николай.

– Тьфу ты, – чертыхнулся Генка, но всё-таки пошёл за ней.

– Роевня у тебя хорошая. Поставь вон тот столик под дерево и отойди подальше, не мешай.

Генка принёс столик и отошёл на несколько шагов в сторону. Подошла и его жена. Ей тоже было интересно, как же Колька снимет рой. А тот взял роевню, снял с неё крышку, поставил на столик и начал размахивать над ней руками, точь-в-точь как это делают маги, колдуны и прочие экстрасенсы, призывая на помощь

потусторонние силы.

– Придуривается, – прошептал на ухо жене расстроенный Генка. – Надо было всё-таки из ружья пальнуть.

– Подожди, – удержала его жена, – лучше смотри.

А смотреть было на что. Рой, сидевший до этого спокойно, вдруг заволновался, стал рыхлым, часть пчёл оторвалась от клуба и полетела прямо в роевню, возле которой стоял Колька и продолжал делать свои колдовские пассы. Минута и остальные пчёлы, как заговорённые, широкой серой лентой нырнули в приготовленное им место.

– Ну вот и всё. А ты стрельнуть, да стрельнуть. Рой отнеси в погреб. А потом пойдём семьи посмотрим...

После второй рюмки Генка немного осмелел:

– Коль, друг, расскажи, как ты пчёл в роевню загонял. Как ты эти пассы делал, что говорил?

Николай выпил третью рюмку:

– Генка, ты убиваешь меня. Ты в школе учился?

– Учился.

– В техникуме учился?

– Учился.

– Неужели тебе, дураку, никто не рассказал, что нет на свете колдунов и экстрасенсов. Всё это блажь и глупость.

– Погоди, погоди. Я не дурак. Я сам видел, как ты делал над пчёлами пассы, а они слушали тебя и лезли в роевню. Что я не прав?

– С точки зрения дикаря ты прав. – Николай налил себе четвёртую рюмку, выпил её, занюхал зелёным лучком, – а, может, тебе и вправду рассказать?

– Расскажи, расскажи, – заволновался Генка, – в жисть тебя не забуду.

– Ну слушай. То, что у тебя отошёл рой, я издали понял и в том, что он никуда не улетит я тоже не сомневался.

– А почему? – не выдержал Генка и перебил рассказчика.

– А потому, что ты купил старые семьи, притом у Ермолая. А Ермолай, хоть и пчеловод, но немного жуликоватый, продать тебе семьи с молодыми матками не мог, а старая далеко не улетит. Так и вышло, я эту старушку недалеко от летка приметил, посадил её в клеточку, я её с собой всегда

ношу, – пояснил Николай, – а потом положил её в роевню и выставил пчёлам на показ. Они её унюхали и потянулись к ней. А мои пасты – воздействие на твою психику. Так-то, – Николай засмеялся и потянулся за бутылкой.

– Пстой, пстой, – не совсем переработав поступившую информацию, воскликнул Генка, всё равно, без тебя ничего бы не вышло. Рой всё равно бы слетел.

– И без меня бы не слетел, без матки рой не улетает. Посидели бы на берёзе да вернулись в улей. Вот тебе и колдовство. Я думаю, что все колдуны хорошо знали своё дело и конечно психологию тёмных людей. Умный человек на сказку не клюнет.

Детективная история

Ваське Селивёрстову накостыляли по шее, сказать точнее, набили морду, а если ещё точнее, то и разбили её. Братьям Семивёрстовым (надо же такое совпадение) не понравилось, как Васька вёл себя на дискотеке. Он весь вечер цеплял молодых

девчонок, придирался к пацанам, которые были явно слабее его и вообще вёл себя нагло и вызывающе. Одного из братьев, младшего Кольку, толкнул плечом и прошёл мимо, словно он тут и ни при чём. Когда подоспевший на помощь Мишка предложил хулигану извиниться, тот презрительно посмотрел на братьев сверху вниз и послал их разом в какую-то неизвестную точку планеты.

Васька ничуть не боялся братьев, он даже и не думал остерегаться их, потому что он уже был зрелым мужиком, ему недавно исполнилось полных тридцать, а этим молокососам тоже было тридцать, но только на двоих. Это, во-первых. А во-вторых, Васькин кулак был побольше, чем у каждого из братьев головёнка. Случайная встреча его кулака с любой из этих голов сулила им в лучшем случае серьёзное сотрясение мозгов с обязательной последующей госпитализацией. И наконец, силой и ростом Господь Ваську не обидел, даже, по-моему, дал лишка. Роста он был богатырского – почти 190 сантиметров – это если босиком, а в сапогах или ботинках и того более.

В общем, он развлекался по-прежнему

весело и беззаботно. Выпитая накануне бутылка водки гоняла по жилам кровь и звала на немалые подвиги, будоража затуманенное воображение. В своём обычном состоянии он, скорее всего, не то что связаться с мальцами, а вообще не попал бы на эту дурацкую дискотеку. Да он, по правде сказать, и не собирался сюда, просто так вышло. Ну а здесь шлея попала под хвост, он почувствовал себя таким же молодым, как все собравшиеся ребяташки.

А главная причина его похождения заключалась в том, что дожив до тридцати лет, он всё ещё оставался необъезженным жеребцом, ни одна женщина не приглянулась ему да и на него ни одна женщина глаз не положила. А раз у мужика нет сдерживающего фактора в виде жены и семейных обязанностей, то и тянет его, как правило, на чёрт знает какие подвиги.

Думать о том, что Васька забрёл на дискотеку в поисках своей Марфуты, глупо. Все подходящие ему по возрасту женщины уже давно были за мужьями, растили детей, работали, вели хозяйство. И если кто-то иногда и поглядывал на него, то только из жалости, надо, мол, такой детина, а счастья

своего найти не может.

Дискотека уже расходилась по заранее намеченным целям: кто домой, кто на свидание, а кто просто побродить по заснеженным улицам родного села. Посмеяться, подурачиться, погорланить песни. Васька тоже засобирался домой, хмель уже почти улетучился, протрезвевшая голова стала отчётливее воспринимать действительность. Однако этого не хватило, чтобы осознать опасность, исходящую от обиженных им подростков.

Братья Семивёрстовы, спрятавшись в тени соседнего с клубом здания, поджидали обидчика с длинным обрезком трубы. Когда ничего не подозревающая жертва поравнялась с ними, Мишка сделал шаг вперёд и ловко обездвигил Ваську ударом по шее. Тот упал, малолетние преступники ещё несколько минут пинали его тяжёлыми ботинками. К чести их сказать трубой они больше не орудовали. Однако, увы! И без неё Васькино лицо украсилось ссадинами и кровоподтёками, губы вывернуло наружу, а глаза напротив почти закрылись. Так Васька в единый миг превратился из европеоида в типичного монголоида.

Когда пацаны убежали, он ещё некоторое время полежал на снегу, понятно, для того чтобы встать на ноги, надо было прийти в себя, осознать всю степень своего поражения и всю гнусность нынешнего вечера. Поднатужившись, он встал, ощупал лицо, огляделся, вокруг ни души, только деревья, сгрудившиеся возле клуба, прятались под снежными шапками, делая вид, что они не видели разыгравшейся неподалёку трагедии.

Васька себя не винил ни в чём. «Ну и что, подурачился немного, никого не ударил, не обругал, танцевал как все люди. А эти щенки паскудные... – Васька накручивал в себе злость, строил простые но жестокие планы мести, – кровью умоются. Я им сделаю, поубиваю, кишки выпущу, на кулак намотаю. Завтра в землю зарою.

Но завтра он никого убить не смог, месть пришлось отложить на целых десять дней. И даже на десятый он всё ещё чувствовал слабость и лёгкое головокружение. Давала знать и боль в разбитом затылке. Но в основном Васька был готов встать на тропу войны.

Вечером он накинул лёгкую куртку,

чтобы не сковывать движения тяжёлой зимней одеждой, направился в клуб, в котором уже играла музыка и тусовалась молодёжь. Васька, как ему казалось, незаметно проскользнул в зал и скромно устроился в тёмном уголке, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание. Он исподлобья осмотрел зал, братьев ещё не было. Это было досадно, потому что охота на них из засады не входила в его планы, он надеялся управиться без проволочек быстро и решительно. Васька не собирался рассусоливать, предъявлять братьям свои претензии, он знал, как расправится с ними. Все планы о кровавой мести он уже давно отбросил, это прямой путь в тюрьму, а шагать по этой дорожке ему не хотелось. Он рассчитывал подозвать их, взять обоих за шиворот и пару раз стукнуть лбами, чтобы они на всю оставшуюся жизнь запомнили этот день.

Вдруг кто-то окликнул его. Васька повернул голову. Рядом с ним стояла молодая женщина в бобриковой шубке и песцовой шапке и, улыбаясь, смотрела на него.

– Что, Василий, не узнаёшь?

Тот изумлённо захлопал глазами, ну как можно не узнать Наташку Сафронову, самую красивую девчонку в школе. Она училась в параллельном классе. Все пацаны увивались за ней, а она уцепилась за Кольку Денисова ещё в пятом классе и так от него не отстала до самой свадьбы. Но, как говорили деревенские сударушки, потом почему-то их пути дороженьки повиляли и, в конце концов, разошлись в разные стороны.

– Ну почему не узнаю. Тебя трудно не узнать. Надо же, сколько лет прошло, а ты по-прежнему самая красивая. Мужики, поди, клюют, как щуки на блесну.

– Шутишь?

– Нет, чего мне шутить.

– А ты что потанцевать решил?

– Не угадала, знакомых жду, дело у меня к ним. А тебя каким ветром сюда занесло?

– Племяшку привела. Пристала: «Пойдём да пойдём». Я говорю: «Годы уже не те, чтобы по клубам отираться» А она: «Ты в уголке постоишь». Хорошо, что и ты в уголке оказался.

Они рассмеялись, и Ваське почему-то

стало легко на душе. Он слушал Наташкино щебетанье, и все заботы, планы мести стали уплывать от него, казаться настолько никчёмными, что не могли занимать внимание серьёзного мужчины.

– А знаешь что, пойдём отсюда, погуляем по улице. Сегодня погода как раз для прогулок.

– А как же племянка, я не могу оставить её одну.

– И не надо, – он окинул взглядом танцующую молодёжь. «Ого, – отметил он, – и братики здесь». Я сейчас, – бросил он Наташе, – подожди.

Васька зашёл на круг, легонько расталкивая пары, подошёл к Мишке Семивёрстову и положил ему на плечо тяжёлую руку, сразу остановив на месте танцоров. Мишкина напарница отпрянула в сторону, а Мишка попробовал было похорохориться, но сломленный силой решил сдаться на милость победителя.

– Не бойся, Мишка, у меня к тебе важное дело.

– Да я и не боюсь...

– Это хорошо, – перебил его Васька, – но осторожным надо быть всегда. Иногда

рот разинешь, а тут тебя палкой из-за угла хрясь. Но я не об этом. Видишь вон ту девочку в зелёной кофточке, что стоит у окна?

– Вижу, это Маринка Пригожева, она никогда на дискотеку не ходит.

– А вот сегодня пришла. Я тебя, Мишка, прошу присмотреть за ней и, конечно, домой проводить. Мало ли какие люди по улицам бродят.

Мишка пожал плечами:

– И это всё?

– Всё.

– Хорошо, без проблем.

– Ну бывай, Мишка, я на тебя надеюсь.

Протолкавшись назад к Наташе, он объявил:

– Всё, можем со спокойной совестью идти гулять. Я твою племянницу поручил надёжным ребятам. Они сами не обидят и другим обидеть не позволят.

Степан

Подходя к дому, Степан заметил вывешенное на улице выстиранное бельё.

– И когда она успевает, – подумал он о жене, – вроде тоже работает и ребятишки на руках. А вот поди-ка, – он мысленно усмехнулся, – жалеет меня. Понимает, что шахтёрское дело нелёгкое.

Дома вкусно пахло свежим борщом, на столе уже стояли наготове столовые приборы, дожидались хозяина аккуратно нарезанные кусочки хлеба и любимые им солёные грездочки. Их тоже собирала и солила его любимая жена.

– Всё она да она, – подумал Степан, – а самому и пожалеть её некогда.

Однако сегодня жена не вышла, как обычно, встречать, она, к удивлению Степана, лежала в кровати.

– Ой, Стёпа, прости, я что-то приболела, морозит, зуб на зуб не попадает.

Она попыталась встать, но Степан удержал её:

– Лежи. Температуру мерил?

– Да. Под сорок.

– О, чёрт! – выругался он и, не переодеваясь пошёл в местную больничку, в

которой всегда находился дежурный фельдшер.

Он выслушал Степана и сразу же поставил диагноз:

– Простыла, наверное, с кем не бывает. Вот возьми порошки, пусть попьёт, а завтра с утра – на приём.

Всю ночь Степан воевал с болезнью, жена провожала его спать, но тот не отошёл от неё ни на шаг. Рано утром он снова отправился в больничку. Фельдшер встретил вопросом:

– Ну что, полегчало?

– Ничего не полегчало, температура не спадает, кашель такой, что слушать страшно. Надо что-то делать.

– А что тут сделаешь. Сейчас врач придёт, она решит.

К тому времени, когда пришла врач – молодая, как показалось Степану, сердитая женщина возле регистратуры собралось не менее двадцати человек. Она проскользнула мимо больных в кабинет и минут через пять крикнула оттуда:

– Заходите на приём.

Степан был первым.

– Садитесь, больной.

– Я не больной, – перебил её Степан, – у меня жена больная.

– Где же она?

– Дома.

– Что же вы не привели её.

– Она не может ходить, у неё температура под сорок и кашель сильный.

– Ясно. Я вызова обслуживаю после обеда. Ждите.

– Как ждите? – возмутился Степан. – Да до обеда она умрёт уже.

– Не возмущайтесь и не отнимайте у меня время. Вы видели сколько в коридоре больных, всех принять надо, у меня не вы одни. Кстати, зайдите в аптеку, купите жаропонижающие и что-нибудь от кашля. А лучше привезите её сюда на приём. Пройдёте без очереди.

Степан выскочил на улицу. От отчаяния он перестал ориентироваться в событиях. Нужно было бежать к жене, посмотреть на неё, хоть чем-нибудь помочь. Господи, а ведь там ещё малолетние дети, он как-то забыл о них. А ещё надо забежать в шахтоуправление, отпроситься с работы. А ещё в аптеку, а ещё найти подводу, чтобы увести жену. Степан растерялся и

неожиданно для себя расплакался. В такие минуты женщины никогда не теряются, а мужчины становятся слабыми и беспомощными, словно дети.

Всё же Степан управился: попросил соседку присмотреть за детьми, поймал на улице подводу и отвёз жену на приём. Врачиха только взглянула на больную, сразу же выписала направление в стационар. В приёмном покое приняли без проволочек. Знакомая санитарка сказала, что надо принести из дома: тапочки, халат, стакан, ложку, щётку зубную.

– И подушку лучше свою, – посоветовала санитарка, – наши-то как блин, да и те комок на комке.

Всё сделал Степан и в шахтоуправление сбегал. Мастер помог ему оформить отпуск без содержания на три дня.

– А там, Степан, видно будет.

Видно стало уже на второй день. Ночью разлюбезная его супруга приказала долго жить. Три дня эти прошли как в тумане. Хорошо, что соседи, родственники со стороны жены, друзья шахтёры не оставили одного. Снарядили и проводили покойницу, как положено, крест на могиле

поставили, угостили людей.

Хотел Степан запить горькую, да не получилось, спасибо детям. Они вились возле него и помогали хоть как-то отвлечься от горя. А потом приехали родственники жены и забрали детей к себе в деревню.

– Ты, Степан, не расстраивайся, как приведёшь свои дела в порядок да соскучишься, так сразу и приезжай. А пока пусть они у бабушки поживут.

Как ни тяжело было расставаться с детьми, всё-таки Степан согласился. Он прекрасно понимал, что одному с ними не управиться: Любе только-только исполнилось три года, Юре едва перевалило за год. Такой возраст, когда ребятишкам нужна мать, без неё никак детей на ноги не поставишь. Наверное, надо было бы поискать какую ни возьми женщину, но он за женой никогда и подумать не мог, что ему когда-нибудь придётся искать другую супружницу. Перебрал в памяти всех женщин, которых знал, и оставил эту затею на потом. Ни одна из них на роль матери его детей не годилась.

Приехавшая за детьми свояченица сказала:

– Ты, Степан, отведи поминки, устрой свою жизнь, может, женщину какую найдёшь, пусть не жену, так помощницу. А когда у тебя всё наладится, тогда и приезжай за ребяташками.

Сначала Степан был доволен, что дело так обернулось. Какое-то время ему действительно было не до детей: то работа, то поминки, то дрова, то огород, сделал мало-мальский ремонт, обустроил могилку, оградку сварил, а когда подошла осень, полили дожди, затосковал. Трудно человеку жить одному, а тому, кто испытал счастье в любви и в одночасье лишился его, вдвойне трудно. Нельзя вытравить из памяти хорошее, заменить его каким-нибудь эрзацем. Хочешь, пей, гуляй, развлекайся, работай до изнеможения, но до конца забыть то дорогое, что потерял навсегда, не получится.

Степан приехал в деревню уже вечером, добирался, как придётся, где пешком, где на попутке, а последнюю пару километров подвёз на бричке какой-то добрый человек.

– Ты в гости, али как? – спросил мужик в тёмном дождевике, притормозив

коня.

– Не знаю, – сразу не нашёлся, что отвечать, Степан, – за детьми я. Они тут у бабки гостят.

– Ну, тогда к Барановым. Я их сосед, довезу до калитки.

– Вот хорошо.

На этом их разговор и оборвался. А о чём ещё говорить незнакомым между собой мужикам, если и без разговора всё понятно.

Ребятишки ещё не спали. Встретили отца вроде бы и с радостью и вроде бы с каким-то едва заметным испугом. Надо полагать, за три месяца отвыкли уже.

Слух о том, что Степан приехал за ребятишками пронёсся по деревне со скоростью пулемётной очереди. В течение нескольких минут собралась почти вся деревенская родня. Женщины тут же сообразили ужин, вытащили на свет божий пузатые бутылки с самогоном, выпили по рюмке, закусили и принялись за распросы.

Деревенские жители встают рано. Степан тоже проснулся чуть свет и сразу же почувствовал какую-то не совсем здоровую обстановку в доме. В дальней комнате кто-то громко шептался, потом раздалось

топанье босых ног, ворчанье шурина, его по-видимому разбудили, а он этого не хотел, упирался, молодому всегда не легко вставать, выбираться из-под одеяла. Но наконец, и он встал. Степан слышал, как он быстро оделся и стукнул входной дверью.

– Куда-то пошёл, не случилось ли что.
– Тревожно застучало сердце, – А вдруг ребятишки.

Степан ещё одевался, как в комнату, где он спал на диване, тихонько вошла тёща:

– Ты уже не спишь? У нас беда, Юрочка заболел, температура под сорок. Володя за фельдшером побежал.

Степан собирался что-то сказать, но рассудок на мгновение покинул его, изо рта вырывались какие-то нечленораздельные звуки, а перед глазами за это же самое мгновенье промелькнула вся история болезни жены: все фельдшера и врачи, все думы, надежды, скорбь и высокий красивый памятник в тенистом уголке кладбища.

Фельдшер молодая и шустрая женщина пробежала в спальню и уже через минуту крикнула оттуда:

– Володя, беги к Фёдору, пусть срочно заводит машину. Ребёнка надо в больницу.

Так Степан оказался с двумя малышами в чужой районной больнице в инфекционном отделении. Юру сразу окружили врачи, медсёстры и санитарки, что-то колдовали над ним, делали уколы, чем-то поили, а может, ещё что-то делали, Степан, как и большинство молодых мужиков ничего в этом не понимал. Он, если сказать честно, толком и не представлял, как надо ухаживать за больным ребёнком, как накормить его, как напоить.

На второй день малышу стало несколько лучше, снизилась температура, но он по-прежнему лежал, не реагируя ни на чьи слова, а только смотрел перед собой и громко плакал. Степан пробовал уговаривать его, пытался рассказать сказку, пел колыбельную, но тот сразу же начинал капризничать, и плакать ещё громче. Этот плач сводил Степана с ума.

Санитарки время от времени забегали в бокс, узнать, может, ребёнку что-нибудь надо. Степан и сам готовый зареветь вместе с сыном лишь пожимал плечами. Любаша, маленькая, сестрёнка глядела на плачущего брата с испугом, она, видимо, жалела его, потому что слёзы текли и из её глаз.

На третий день, Степан, измученный плачем сына, сидя на табуретке возле кровати, уснул. Вернее он не совсем уснул, а просто отключился, хотя и во сне слышал, как плачет ребёнок. Этот плач уже не мог разбудить измученного отца, но, тем не менее, он проснулся, Юра молчал, и именно это напугало отца сильнее всего. Он подскочил на ватных ногах, и ещё не успев открыть глаза, кинулся к кровати. Мальчика там не было. Он как раненый волк крутнулся на месте и сразу же обессиленный упал на свой табурет. На Любиной кровати сидела незнакомая санитарка, держала на руках Юру, который прижался к ней и безмятежно спал. Рядом с женщиной сидела Люба, она тоже прильнула к ней головой и блаженно, как ангелочек, улыбалась.

Степан глядел на женщину и не мог понять, что она сделала, чтобы дети сразу же поверили ей, забыв о боли, бессонных ночах и отсутствии материнской ласки.

– Вам надо поспать, – как-то тепло по-домашнему сказала она Степану, – я буду забегать к вам, но... сами понимаете.

Ночь была не простой. Как только Вера заходила в бокс и брала Юрика на

руки, тот успокаивался и засыпал, но как только она убегала по служебным делам, он опять принимался за своё. К утру сил не осталось ни у кого.

Сдав смену, Вера заглянула в бокс. Степан взглянул на неё: бессонная ночь наложила на молодую женщину отпечаток: покрасневшие глаза, бледное лицо, небрежность в одежде – всё указывало на сильную её усталость. Степан не мог не отметить это, а в душе усмехнулся:

– Сам-то, наверное, не лучше. Вон даже руки трясутся.

А тут проснулся Юра, увидев Веру, он улыбнулся и протянул к ней руки.

– Юрочка, – воскликнул Степа и погладил малыша по головке, – тётя Вера устала, ей надо домой идти.

Но тот не слушал отца и по-прежнему тянулся к понравившейся ему женщине.

– Никуда мне не надо идти, – засмеялась та, – скажи папе, что тётю никто не ждёт, она вольная птица. – Она взяла Юру на руки и подсела к Любаше, – только Юра с Любой ждут меня и любят.

Степан с умилением глядел на эту троицу, и слёзы, как говорил известный

персонаж известного кинофильма, величиной с яблоко текли по его щекам и падали на пол.

– Степан Иванович, перестаньте плакать, я вас на руках не удержу.

– Зато я вас троих удержу.

Мыслелёт

Фрау Берта выскочила из-за стола и грудью закрыла амбразуру двери кабинета своего босса герра Хофмана, главного редактора журнала «Политика и инновации».

– Господин Хофман не принимает! – стальным, не допускающим возражений голосом проговорила она.

– Я понимаю, – вежливо ответил ей молодой мужчина, вошедший в приёмную редактора и попытавшийся беспрепятственно пройти в его кабинет. – Но мне, фрау Берта, обязательно надо с ним встретиться.

Он ловко подхватил 80-тикилограммовую женщину подмышки, на вытянутых руках приподнял над полом и,

словно ненужную игрушку, отставил в сторону.

– Прошу прощения, фрау, – кивнул он растерявшейся секретарше и смело толкнул ладонью дверь.

Господин Хофман не ждал в данный момент ни гостей, ни посетителей, поскольку он с минуты на минуту должен был на редакционном автомобиле ехать на аэродром. В 12:00 ему предстояло вылететь в Санкт-Петербург на экономический форум, который ежегодно проводится в этой варварской стране. Хофман не считал это мероприятие интересным или полезным. Но его читатели, почему-то думали иначе. Посылать туда какого-нибудь сотрудника он не хотел, потому что ни один из них не знал так хорошо русский язык, как он сам. Кроме того, он не мог допустить на такую грандиозную тусовку, где собираются все акулы журналистики и бизнеса, а также многие представители сильных мира сего, какого-нибудь недотёпу, который может скомпрометировать имидж его солидного журнала.

– Фрау Берта, – закричал он, увидев в своём кабинете незваного гостя, – я ведь запретил принимать посетителей.

Фрау Берта, появившись в двери, попыталась что-то объяснить возмущённому шефу, доказать ему каким-нибудь образом свою невиновность. Не успела она закончить даже первую фразу, как незнакомец прервал её:

– Не волнуйтесь, фрау Берта, вы ни в чём не виноваты. Я сам вошёл, несмотря на ваше отчаянное сопротивление. Простите, но у меня не было другого выхода.

Он элегантно одной головой поклонился испуганной женщине, давая понять, что разговор с ней закончен и инцидент с незаконным проникновением в редакторский кабинет исчерпан. Однако главный редактор, видимо, думал по-другому. Он встал во весь рост из-за стола, а рост его, надо признать, был не маленьким, и грозно прорычал:

– Освободите кабинет немедленно. Сегодня я не принимаю посетителей, в том числе и вас!

– Успокойтесь, герр Гофман, я не обычный посетитель. Меня надо принять

обязательно, потому что я знаю и имею в наличии то, что сможет обессмертить ваше имя и сделать ваш журнал самым читаемым.

Услышать такое предложение, наверное, было бы лестно каждому человеку. И герр Гофман не стал исключением. Он более внимательно осмотрел своего посетителя. Перед ним стоял крепкий, высокий мужчина, не ниже его ростом, лет сорока пяти, одетый в недорогой, но приличный костюм, при галстуке. Лицо его было чисто выбрито, на нём читались решимость и упрямство.

– Хорошо, я приму вас, – неожиданно скоро сдался Хофман, но поговорим о деле в моём автомобиле по дороге на аэродром.

– Спасибо, конечно, но я думаю, вам не стоило бы это делать.

– Разговаривать с вами?

– Нет, лететь на самолёте неизвестно куда.

– Интересно, почему?

– Потому что я доставлю вас гораздо быстрее и безопаснее в любую точку земли. При этом поездка со мной не будет стоить ни цента.

– Да? – состроил изумлённую гримасу герр Гофман, а сам подумал: «Боже, очередной псих. Надо каким-то образом срочно избавиться от него».

Громкий телефонный звонок прервал поток его нерадужных мыслей. Звонил водитель, который никак не мог выбраться из пробки в центре города.

– Фрау Берга, – истошно закричал редактор, бросая телефонную трубку, – срочно вызывайте такси. Я и в самом деле могу опоздать на самолёт.

– Не надо такси, – спокойным и твёрдым голосом погасил начинавшуюся было панику неизвестный посетитель. – Мой автомобиль под окном, и я с удовольствием доставлю вас, куда только пожелает ваша душа.

Тонуций человек нередко хватается за соломинку, опаздывающему редактору тоже ничего не оставалось, как ухватиться за сомнительное предложение незнакомца.

– Ну что ж, – засуетился он, заталкивая в портфель какие-то бумаги, – с вами, так с вами. Только я очень попрошу успеть к самолёту.

– Успеем, – улыбнулся мужчина, – идите за мной.

Герр Гофман кинулся к лестнице, на ходу отдавая какие-то приказания семенящей за ним фрау Берте.

Автомобиль незнакомца и в самом деле стоял под окном. Но что это был за автомобиль. Обыкновенная русская, а вернее советская «копейка» серого цвета, изрядно потрёпанная, а местами и даже побитая. В другое время герр Гофман и на пушечный выстрел не подошёл бы к такой машине, но сегодня безысходность сыграла с ним поганую шутку. Ворча и побряхтывая, он втиснулся в неудобную и маломерную для его фигуры кабину, захлопнул со второго раза дверь и стал безуспешно искать ремень безопасности.

– Что вы ищите? – поинтересовался водитель.

– Ремень, конечно.

– Он вам не нужен.

– Почему же? – ворчливо поинтересовался герр Гофман.

– Потому, что мы уже прибыли на аэродром. Поглядите сами.

Герр Гофман поднял глаза и оторопел

от неожиданности. Нижняя челюсть его отвисла и некоторое время существовала отдельно от всего организма. Разум тоже отказывался служить. То, что произошло, не могло быть реальностью.

«Скорее всего, – подумал он, – это обычный трюк хорошего иллюзиониста, на худой случай начинающееся сумасшествие. Хотя здание аэропорта вот оно. Вывеска, реклама, электронные часы – всё на месте».

Редактор резко повернулся к водителю, надеясь застать его врасплох за каким-нибудь мошенническим действием, но тот сидел, расслабленно откинувшись на спинку сиденья, и слегка улыбаясь смотрел на суетящихся на улице людей.

Герр Гофман настолько растерялся, вернее сказать, он настолько был ошарашен случившимся, что не мог выговорить ни единственного слова. Наконец он всё-таки попытался что-то сказать, но изо рта вырвалось какое-то невразумительное мычание.

– Что понравилось? – с лёгкой ноткой иронии спросил незнакомец, – но это чепуха, мелочь. Сейчас мы сгоняем в Санкт-Петербург, а потом вернёмся и, если вы

захотите, то ещё успеете на свой самолёт. – Он наклонился к панели приборов, нажал какую-то кнопку. – Здравствуй, Петербург. Вот, герр Хофман, мы и на месте. Завтра в этом городе будет проходить конференция, на которую стремитесь вы. А пока можете осмотреться и убедиться, что здесь нет никакого обмана, никакой мистики.

Трудно описать состояние редактора, ещё труднее заглянуть в его душу, прочитать мысли. Можно, конечно, предположить, о чём думал он, о чём хотел спросить водителя, но мне кажется, что допущения и предположения в данной ситуации были бы неуместны. Тем более шофёр сам начал разговор.

– Господин Хофман, не кажется ли вам, что эта штуковина, – он легонько ударил обеими руками по рулю, – достойна внимания вашего журнала. Она, – он ещё раз легонько ударил по рулю, – чистой воды инновация и в то же время вещь, которая может повлиять на политику не только какой-нибудь компании, но и государства, причём любого великого государства. Эта машина управляется мыслью и

перемещается в пространстве со скоростью мысли. Управлять ею может даже ребёнок.

– А я смогу? – наконец немного придя в себя робко спросил герр Хофман.

– Бесспорно. Садитесь за руль. – Так, так, перестаньте волноваться, – усаживая редактора на своё место, приговаривал незнакомец. – Одну минуту, сейчас я сяду на ваше место, и мы продолжим обучение. Итак, куда бы вы хотели поехать?

– Мне бы очень хотелось домой.

– Можно и домой. Нажмите вот эту большую чёрную кнопку и, не отпуская её, мысленно назовите адрес, а потом отпустите кнопку.

– А как же называть адрес.

– Просто, как на конверте. Вы где живёте?

– Норденштрассе, 33, Гамбург.

– Вот и хорошо, так и скажите, только мысленно.

Дрожащей рукой он нажал большую чёрную кнопку и мысленно сказал:

– Гамбург, Норденштрассе, 33. Он убрал палец с кнопки и приготовился к путешествию домой.

– Ну что вы так напряглись? – раздался голос сидящего рядом пассажира, – мы уже дома.

Хофман недоверчиво выглянул в окно, автомобиль стоял напротив его собственного дома.

Прошло ещё несколько минут и сидящие в машине мужчины окончательно познакомились.

– Зовите меня просто Генрих, – сказал редактор.

– А я Александр, моя фамилия Беляев, да, да я из России и моя машина оттуда же.

– Неужели в России делают такие машины? – изумлённо воскликнул Генрих, – я почему-то ничего об этом не знал. Боже, это прорыв, революция. Эта страна сможет теперь завоевать весь мир. Если снабдить такими интеллектуальными механизмами танки, они смогут вырастать как из-под земли в любой точке планеты. Они будут прямой наводкой уничтожать наши ракеты, наших солдат, самолёты, командные пункты. Вы представляете, куда скатится мир? Нет, вы не представляете. – Он задумался, а потом снова спросил, – а много таких машин у русских?

Александр засмеялся:

– Перестаньте нагонять на себя страх. У них всего одна машина и та здесь. Мы с вами сидим в ней и ведём мирную беседу.

* * *

Беседа затянулась далеко за полночь. Хофмана так заинтересовало сегодняшнее приключение, что он напрочь забыл о работе, поездке в Санкт-Петербург, о доме со всем ждущим его там семейством и вообще обо всём на свете. Его привлекал только один объект – советская машина «Жигули» первой модели, в которой он сидел сейчас и с которой ни за какие деньги не хотел расставаться.

А русский собственник, кроме всего прочего, ещё и намекнул, что он в принципе готов продать это чудо техники, потому что оно успело надоесть ему, так как он уже успел побывать во всех уголках земли, а главное, почему он хочет избавиться от автомобиля – деньги. Ему позарез нужны деньги.

Деньги, слава богу у господина Хофмана водились, и он, чтобы сразу

расставить все точки над «i», предложил за машину изрядную, по его понятиям, сумму.

Беляев рассмеялся:

– Генрих, ты же покупаешь не автомобиль, а нечто несоизмеримое с ним по стоимости – мыслелёт. Это даже не эсминец, не самолёт и не ракета. Это даже не космический корабль, потому что с его помощью можно побывать на Луне, Марсе и даже в самых отдалённых уголках вселенной. Везде, куда может вас доставить собственное воображение. Так что скупиться не стоит. Через неделю я заеду к вам, а вы попытайтесь найти всего-навсего миллиард евро, на меньшую сумму я не согласен.

* * *

За ночь к господину Хофману пришло понимание, что он никогда не сможет приобрести мыслелёт самостоятельно, даже если сумеет обобрать всех родных, друзей и просто знакомых. Следовательно ему стоит обратиться за помощью к государству. Там найдутся люди, которых сделка купли-продажи старого советского автомобиля могла бы заинтересовать. Рано утром он

позвонил в военное ведомство и поросился на приём к министру обороны. Герр Хофман и предположить не мог, что в его стране существует такое громадное число людей, желающих попасть к министру обороны. Кое-как ему всё-таки удалось встроиться в очередь.

Через неделю в назначенный час он уже был в кабинете министра. Министр был сама любезность.

– Проходите, герр Хофман. Я рад, что вы решили навестить меня. Вы не поверите, но я с удовольствием читаю ваш журнал и нахожу его одним из лучших в своём роде. Присаживайтесь, располагайте мной.

На столе министра лежала справка о всех сегодняшних посетителях. И он знал, что редактор паршивенького журнала «Политика и инновации» господин Хофман, – человек добропорядочный, хороший семьянин и к тому же патриот. Кроме всего, он довольно-таки обеспеченный человек, а значит за деньгами в министерство обороны он не пойдёт. Больше всего министр недолюбливал людей желающих обогатиться за счёт вверенного ему ведомства.

– Господин министр, у меня крайне важное дело. Я предлагаю вам, нет-нет, не лично вам, а министерству купить у меня машину...

Если бы редактор вдруг попросил на какие-то нужды и даже без нужды денег, министр бы удивился меньше, чем от такого предложения.

– Простите, господин Хофман, а зачем нам машина. Мы не знаем как самим избавиться от части автомобилей, но всё-таки мне интересно, – министр был культурным человеком, – что же это за автомобиль.

– О, это не простая машина, а советские «Жигули» первого выпуска.

– Господин Гофман, – министр засомневался в состоянии психического здоровья посетителей, – вы уж простите меня, но машины нам никакие, в том числе и советские, не нужны. – И с огромной долей иронии добавил, – да и куда нам на ней ездить.

– Господин министр, это ведь не простая машина, будь она неладна, – это мыслелёт.

И он подробно рассказал обо всём, что произошло с ним несколько дней назад.

– Хорошо, – подыграл больному человеку министр, а где же ваша машина?

– Она будет завтра, ровно в это время.

– Вот и славно, завтра вы подъедите к зданию министерства, позвоните моему секретарю, к вам выйдет человек, который проверит правдивость ваших слов. А пока до свидания.

Господин Хофман остался доволен министерским приёмом, одно сомнение грызло его печень. Ни министр, ни он сам не заговорили о цене машины, и вот теперь он сомневался согласится ли министр на трату такой огромной суммы. Хотя, если говорить о пользе для государства, то лучше потратить один миллиард, чем тратить многие миллиарды на вооружение. Ведь достаточно построить сотню танков, способных управляться мыслью, и весь мир ляжет у твоих ног. Такие думы вызывали лёгкую эйфорию в душе редактора, теперь оставалось одно – дождаться Беляева, попросить разрешения прокатиться на автомобиле самостоятельно без хозяина и подкатить к министерству обороны на

мыслелёте, как гость из будущего. В том, что машина понравится министру, он не сомневался. Боялся он лишь одного: сумеет ли министерство наскрести в ближайшее время необходимую сумму.

На завтра всё пошло согласно намеченному плану. Возле министерства его встретил человек, который, тут же засомневался в целесообразности покупки такой машины. Он обошёл её вокруг, покачал головой и прямо спросил господина Хофмана:

– И сколько же вы просите за этот утиль?

– Простите, но это не утиль. Садитесь в кабину, и вы увидите, что ничего подобного на вашем жизненном пути не встречалось.

– Что верно, то верно, на такой машине, – он сделал очень сильный акцент на слове «такой», – я ещё не ездил.

– А всё-таки садитесь: не откусив не проглотишь.

– Хорошо, я сам поведу.

– Вы сядете за руль на обратном пути. Эта машина имеет маленькие хитрости.

– А мы с вами не разобьёмся из-за этих маленьких хитростей?

– Это исключено.

– Тогда ладно, – человек взгромоздился на переднее сиденье, – а куда поедем?

– На ваше усмотрение.

– Тогда к вокзалу.

– Это не серьёзно. Давайте куда-нибудь подальше.

– Тогда уж в Париж, – человек громко захохотал над своей шуткой.

– А вот и Париж, – господин Хофман указал рукой на лобовое стекло. – Можете погулять по Елисейским полям, полюбоваться красотой.

– Не может быть...

– Может. А теперь в Лондон.

* * *

Несколько часов спустя в машину на сиденье рядом с господином Хофманом сел сам министр.

– Мой человек очень положительно отозвался о вашей машине. Вы утверждаете, что на ней можно со скоростью мысли перемещаться в пространстве?

- Утверждаю.
- На ней можно ездить не только по земле, но и по всей вселенной?
- И это верно.
- Что ж тогда на Луну.
- Как скажите.

* * *

Через несколько дней все столичные средства массовой информации писали и говорили только об одном. Недавно среди белого дня в столице произошло необъяснимое происшествие. Кто-то похитил министра обороны и журналиста, главного редактора журнала «Политика и инновации» господина Хофмана. Все службы государства брошены на поиски этих людей, однако первые результаты поисков оказались нулевыми. Единственное, что удалось установить, это момент, когда оба разыскиваемых сели в неизвестно какую машину серого цвета. Как утверждают очевидцы это была русская машина, которую в народе называют «копейка». Но проследить путь её следования так и не удалось.

Термос

Таисия Петровна приехала в деревню на всё лето. Как всегда, привезла всем подарки: махровые китайские полотенца, огромные и все в ярких цветах, ещё какие-то тряпки, а брату Володе термос, тоже китайский и тоже в ярких цветах. Подарки всем понравились, все остались довольны, особенно радовался Владимир, потому что ему по долгу службы нередко приходилось отлучаться из дома. И он предполагал, что в обед у него всегда будет горячий чай.

Надо сказать, что Таисия Петровна жила в Средней Азии, где служил её муж. В то время там нередко продавали такие вещи, о которых в забытой богом сибирской деревне никто даже слыхом не слыхал.

Однажды руководство совхоза объявило субботник по уборке сена. Собрался на покос и Владимир. Бабушка приготовила ему сумку с обедом, а чай в термос он налил сам. Чай с пылу с жару – крутой кипяток.

Народу на субботник собралось много. За работу взялись дружно. Сумки с провиантом, чтобы не мешали, отнесли под

кусты в тень. Работали дружно, весело, до обеда сметали несколько больших стогов.

В обед уселись в кружок под теми самыми кустами, где стояли их сумки. Разложили на травке еду и так же дружно, как работали, стали есть. Захрустели свежие и малосольные огурцы, застучали друг о друга сваренные вкрутую яйца, рассыпчатая картошечка, посыпанная свежим укропом, быстро исчезала из чашек. Мужики нахваливали сало толщиной в ладонь, макали в соль зелёные перья лука и всё это заедали блинами да пирогами. А к пирогам полагался холодный чай, закупоренный в стеклянные бутылки или же простокваша, приготовленная добрыми и умелыми хозяйками.

Владимир достал из сумки свой термос, открутил крышку и налил в неё чай. За время работы он нисколько не остыл, был таким же горячим. Владимир хлебнул глоток, обжёгся и стал дуть на него.

Мужики засмеялись:

– Вот Бунин даёт, дурака включил. Чай полдня простоял в железной банке и не остыл. Ха-ха-ха!

Владимир не выдержал:

– Возьми, попробуй, – и передал крышку с чаем соседу.

Ну тот и попробовал, глотнул от души, поперхнулся, обжёг язык и губы, от неожиданности выронил крышку из рук и обварил себе колени. Ругался он и клял эту проклятую железную банку ещё долго. Досталось, конечно, и её хозяину. Правда, в итоге все едоки оценили китайское изделие по достоинству.

Так вот деревенские мужики в первый раз познакомились с одним из благ цивилизации.

История с пивом

Пиво в деревню привозили редко. Ну а когда привозили, для деревенских мужиков наступал праздник.

Этот случай произошёл в один морозный зимний вечер. Машина из райцентра пришла поздно, и чтобы разгрузить бочки с пивом, пришлось вместо закончивших рабочий день грузчиков приглашать мужиков, толкавшихся возле сельского клуба. Мужики согласились при

условии, что им сегодня же продадут пиво. Как продавец, пожилая уже бабёнка по-деревенски Лапичиха, ни упиралась, мужики настояли на своём, и той пришлось согласиться.

Бочки сгрузили мигом. Лапичиха отдала помощникам насос и указала на бочку:

– Открывайте сами, меня уже ноги не держат от усталости.

Мужиков упрашивать не пришлось. Раз-два, и пиво полилось в подставленное ведро.

– Пошли в кочегарку.

Идея понравилась всем, тем более кочегарка располагалась недалеко от магазина, и работал там дядя Митя, который всегда был не прочь принять на рабочем месте любителей выпить. И сегодня он с распростёртыми объятиями принял жаждающих выпить мужиков. Вся ватага уселась в кружок и с удовольствием занялась смакованием пива.

– Вот это пиво, – с восхищением говорили мужики, – такого ещё не доводилось пробовать: и вкусное, и хмельное.

Кто-то из компании подбросил идею:

– А это потому, что бочки мы разгружали и сами наливали. Лапичиха не успела ещё водой разбавить.

Захмелевшие мужики с удовольствием восприняли эту мысль.

Однако всё хорошее быстро кончается. Закончилось хорошее пиво, переговорили все разговоры, настало время расходиться по домам. Шли по улицам с песнями, смехом, довольные и даже немного счастливые.

Утром ни свет, ни заря, несмотря на ворчавших жён, они все как один собрались возле магазина. Расчёт оказался верным: Лапичиха тоже пришла пораньше, поэтому желание и возможности мужиков слились воедино, материализовавшись в полные трёхлитровые банки пива.

Пьянка начиналось, как и вчера, но когда все снова уселись в кружок и хлебнули по изрядному глотку вожделенного напитка, стало понятно, что вчерашнего чуда сегодня не повторится.

Васька Дружинин, самый молодой, а от этого и самый крикливый из всей компании, первым отставил банку в сторону

и, скорчив недовольную мину, проворчал:

– Вот зараза, успела когда-то разбавить. Мужики, да ведь это не пиво, а вода. Сейчас пойду и в морду ей эту бурду выплесну.

Дядька Митька, он ещё не уходил со смены, тоже отпил глоток:

– И верно вода. – Он ещё сделал глоток и тут до него дошло, – мужики, а сколько градусов на улице?

– Под сорок.

– Ох и дураки же вы. Поспешили – людей насмешили. Пиво-то в открытой машине везли. Оно в бочках замёрзло в лёд, вернее вода замёрзла, а спирт перекочевал в средину бочки. Его мы вчера и выпили. А за ночь лёд в тепле растаял, и в бочке осталась водичка, которую мы с вами сейчас и пьём.

Погоревали мужики, допили воду и, не солоно хлебавши, разошлись по домам к вящему удовольствию жён.

Химики

Дочка у Семёна Агафонова росла болезненной, даже хилой. Вот уже и год исполнился, а она не только не ходит, но и ползает с трудом. Целыми днями лежит или сидит в подушках, не плачет, не смеётся, глядит куда-то в пустоту, вроде ей всё до фени. Правда, в последние дни у неё появился интерес. Как только кто-то из нянек на минутку ослаблял внимание, она тут же ковыряла стенку и тащила, как заядлый наркоман, кусочки оторванной извести в рот. Наши женщины по такому случаю кинулись в больницу. Их заверили, что ничего страшного в этом нет, просто в организме не хватает кальция, надо попросту купить его в аптеке и в течение месяца-двух попить таблетки. И дурная привычка, в конце концов, обязательно пройдёт.

– Выпишите рецепт, – попросили женщины.

– Зачем? Это лекарство выдаётся без рецепта, оно совершенно безвредно.

– Хорошо, – согласились бабушки и тётушки и командировали в город Семёна и

племянника Павлика, который учился в школе в районном центре, и который считался самым начитанным и продвинутым в вопросах городской жизни и городской инфраструктуры.

Аптека оказалась рядом с вокзалом. Дядюшка отстоял небольшую очередь, поздоровался с фармацевтом и вдруг понял, что напрочь забыл название лекарства.

– Павлик, – позвал он племянника, – как лекарство называется?

– О, Боже, – спохватился и тот, – как же, как же? Ах да, хлоралгидрат!

– А, да, да, – подхватил и Семён, – хлоралгидрат.

Фармацевт в изумлении выгнула брови, как выгибает кошка свою спину, вставая после долгого сна с лежанки.

– Хлоралгидрат выдаётся только по рецептам. А у вас он есть?

– Какой рецепт?! – искренне возмутились мужики, – нам сказали, что на него рецепт не нужен.

– Нужен, – твёрдо ответила фармацевт, давая понять, что больше на эту тему она не разговаривает.

– Пойдём в другую аптеку, – махнул

рукой Семён, – аптекари здесь какие-то бестолковые.

Во второй аптеке действия обеих сторон удивительным образом повторились. Не солоно хлебавши наши ходоки прошли ещё две аптеки. И только в пятой уже достаточно уставший Семён догадался просто побеседовать с фармацевтом.

– Мне надо лекарство, – слегка трясущимися губами пролепетал он.

– Какое?

– Забыл название. Его детям дают, чтобы извёстку не ели. Только у меня рецепта нет.

– А рецепт и не нужен. Берите сколько хотите. Вот оно, – она подала маленький стеклянный пузырёк с таблетками. – Это глюконат кальция.

Семён уложил лекарство в сумку, а потом уже довольный спросил:

– А что такое хлоралгидрат? Мы его в других аптеках спрашивали, а нам везде отказали.

Женщина рассмеялась:

– Это средство для наркоза, оно токсично и на руки больным не выдаётся.

Всю дорогу домой Семён

подсмеивался над племянником.

– Хлоралгидрат. Ишь чего выдумал.
Все аптеки на уши поставил. Химик!

БАСНИ В ПРОЗЕ

Концерт в лесу

Задумали как-то Козёл и Осёл устроить в лесу концерт.

– Я, – сказал Козёл, – буду устроителем, а ты, Осёл, распорядителем.

– Хорошо, на том и порешим, – согласился Осёл, – а кто у нас петь будет?

– Конечно Соловей, – не задумываясь ответил Козёл, – лучше его никто не споёт. Можно, если захочешь, Скворца подключить. У него тоже неплохо получается.

– Так-то оно так, – засомневался Осёл, – только сдаётся мне, что они уже всем в лесу надоели, на каждом углу поют. Какой же дурак за их пенье деньгу платить будет. Тут надо крепко подумать на эту тему.

Думали они думали, день думали, другой, наконец, кому-то из них пришло в голову:

– Надо нам кого-нибудь из-за бугра пригласить. Вот будет диво так диво!

Напарник поддержал эту идею, и

послали Козёл с Ослом телеграмму заморскому Попугаю. Тот обрадовался. На родине таких, как он, хоть пруд пруди, давно их уже никто не слушает. А там целый лес почитателей. А тем более за каждый концерт денежки платят да такие, что в их заморстве за всю жизнь не заработаешь.

Козёл с Ослом развесили в лесу на деревьях объявления, придуманные самой умной Совой:

«Всем, всем, всем!

Приглашаем!

Послушать и посмотреть

на заморского Попугая!

Для бедных и богатых

одинаковая плата!»

А сами ещё для полного счастья по лесу побегали, о Попугае всякие чудеса порассказывали, мол, и красив он, и статен, и голос его приятен не то, что у наших певцов – соловьёв да скворцов.

Звери, конечно, повелись на такую рекламную атаку. Что ни говори, а послушать заморского певца, посмотреть на него – это не пустяк, а духовный рост, приобщение, так сказать, к общемировым ценностям.

Настал назначенный срок, собрались звери со всего леса на огромной поляне. Но и она, как ни огромна была, не смогла вместить всех желающих окунуться в благостное море иноземной культуры. Пришлось некоторым на деревья лезть.

Но наконец, зрители уселись, немного успокоились, а тут на высокий пенёк, торчащий посреди поляны, выскочило заморское чудо. Оно с первых же секунд удивило и восхитило публику. В отличие от всем надоевших Соловья и Скворца Попугай не сел скромненько на веточке, а начал ходить, скакать, кувыркаться, махать крыльями и даже кататься по сцене. При этом он кричал, как резанный, противным голосом на непонятном языке, что, в общем-то, и привело в восторг всю лесную братию.

Концерт продолжался долго, кто-то стонал от восторга и счастья, неожиданно почувствовав себя особо культурным животным. Другие звери пожимали плечами, затыкали уши и уходили, чтобы не видеть и не слышать это позорище.

Расходились звери поздно ночью. И только Соловей со Скворцом остались на своих местах.

– А что это было? – спросил Скворец.

– Не знаю, – тихо ответил Соловей.

– А давай мы споём.

– Так уже никого нет, нас никто не услышит.

– Это не беда, мы споём для себя.

И они запели. Их чистые голоса разнеслись по всему лесу, радуя любителей настоящего пения.

Умная Зайчиха привела на полянку своих зайчат:

– Слушайте, дети, запоминайте, как поют наши певцы. Если услышите когда-нибудь такое пение, знайте, что вы на родине.

Соловей со Скворцом всё пели, а на полянку подходили всё новые и новые слушатели и даже Солнце, поднявшись над горизонтом, заулыбалось певцам и послало им в подарок тёплые и нежные лучи.

И только Козёл с Ослом ворчали:

– Нет бы, у Попугая поучиться, их бы на руках носили. Так нет, они всё по-своему да по-своему. Что за глупые птицы.

Копилка

Жена принесла из магазина игрушку – глиняного медвежонка и сказала:

– Это копилка. Сюда, – она указала на прорезь в его горбушке, – будем кидать денежки, кто сколько может. А когда наберётся полная копилка, купим какую-нибудь полезную вещь. И сама тут же кинула первые десять рублей.

С этой минуты у копилки началась самостоятельная жизнь. Медвежонок посмотрел влево от себя. Рядом стояла статуэтка Хозяйки Медной горы в красивом зелёном платье, на котором покоились несколько крохотных ящерок. Справа выстроилась в ряд целая семья матрёшек, раскрашенных под русских красавиц. Медвежонок смущённо покашлял, а потом тихонько спросил их:

– А вы тоже копилки?

– Нет, – ответила самая большая Матрёшка, – мы стоим для красоты, создаём уют в комнате.

– А вы? – всё также робко спросил Медвежонок у Хозяйки Медной горы, повернув к ней голову.

– А я сама – красота, – сказала Хозяйка, – и стала смотреть в сторону.

Дни шли за днями, всё больше и больше денежек скапливалось в копилке. Медвежонок уже сам стал ощущать всё возрастающую тяжесть внутри себя. Одновременно с этим он видел всё усиливающееся внимание к своей персоне. К Хозяйке и Матрёшкам люди прикасались разве что за тем, чтобы стереть с них пыль. А к нему каждый день. То один поднимет, покачает в воздухе, послушает, как перекатываются внутри денежки, то другой. И каждый раз они радостно сообщали друг другу:

– Тяжелеет наш Мишка, и мы богатеем.

Они смеялись, радовались и от этого Мишкина гордость за себя росла не по дням а по часам и однажды достигла таких размеров, что он начал с презрением смотреть на своих соседок.

– Нищета, бездельники, только и можете, что пыль собирать, глаза бы на вас не смотрели. С вами рядом стоять противно. Надо сказать хозяевам, чтобы меня переставили на почётное место.

И вот однажды его мечта сбылась. Хозяин подошёл к шкафу, взял Медвежонка, потряс его и сказал подошедшей жене:

– Смотри-ка, Мишка уже полный, прекрасная копилка получилась, здесь ему уже не место.

– Я так и знал, – хотел закричать Медвежонок, – меня переставят на почётное место.

Но не успел. Хозяин поставил его на кухонный стол, легонько стукнул молотком по голове, копилка развалилась на части.

– Иди, деньги считать, – позвал он жену. – Надо будет ещё такого Мишку купить.

Волк и Баран

Повстречались как-то Волк с Бараном. Разговорились о том, о сём, мол, жить стало трудно, погода никудышная, то дождь, то засуха, продукты дорожают, натуральных днём с огнём не найдёшь.

– Я считаю, – сказал Волк, – что и мясо сейчас отравленное. Говядина – дрянь, свинина – один жир, курятина – тощая, как смерть. Единственное, что можно похвалить

– это баранину.

– Ошибаешься, – солидно со знанием дела ответил Баран, – баранина – не самое вкусное мясо, к тому же в желудке переваривается плохо. Для здоровья один вред.

– Нет Баран, это ты ошибаешься, баранина – вкусное мясо.

– Ничего ты, Волк, не понимаешь.

Спорили, они спорили и решили пари заключить, кто проиграет, тому десять щелбанов. Ударили по рукам.

– Ну что, Баран, а теперь давай баранинки попробуем.

Не успел баран и слово сказать, как Волк уже проглотил его. Сел на травку, облизнулся и призадумался:

– Неужели Баран прав оказался. Мясо действительно жестковатое, жилистое, жир на губах застывает. Обидно, чёрт возьми, пари проиграл.

Диван и табуретка

В мебельном магазине стояли недалеко друг от друга диван и табуретка. Диван был высоким и пузатым, очень походил на директора магазина, табурет же напротив – маленьким и сухощавым, как дворник Митрофанович. Диван всё время задира л нос и даже не хотел смотреть на табуретку. Но дни шли, проходили и покупатели, к великому разочарованию все как один мимо. Диван и табуретка повесили носы и заскучили. И однажды от этой самой скуки они завели разговор.

Я, – сказал диван, – эксклюзивная вещь. Не каждый хозяин может оценить мои достоинства, он тоже должен быть эксклюзивным. А ты, табуретка, ширпотребное изделие, тебя можно и на кухню, и на дачу – везде сгодишься. Но вот, поди ты, и ты никому не нужна.

– Я, думаю, подождать надо, на каждую вещь свой покупатель найдётся.

– Ну меня-то непременно купят. Просто не у каждого покупателя деньги на такую дорогую вещь есть. Я думаю, что меня обязательно поставят в какой-нибудь

шикарной зале, где будут проходить какие-нибудь важные встречи больших людей.

– Это точно, – тяжело вздохнула табуретка, – мне бы хоть к кому-нибудь на кухню. Хорошо, если хозяйка окажется доброй, не станет ставить на меня горячие кастрюли.

В это время к ним подошли продавец – высокий красивый парень – и какой-то невзрачный старичок в мятой рубашке навывпуск и поношенных джинсах.

– А этот диван что у вас стоит? – присаживаясь на него, спросил старичок.

– На этот мы можем сделать скидку. Но можем и не делать, если в придачу возьмёте вот эту табуретку.

– Да, – задумался старичок, – а ведь и табуретка сгодится. Беру и то и другое. Табуретку я возьму с собой, унесу в руках, а диван уж будьте добры доставить ко мне на дачу.

Он подхватил табуретку и поспешил за продавцом выписывать документы.

Пиво

Зашли мужики в пивбар, заказали пиво. Первый отпил глоток, причмокнул:

– Хорошее пиво.

Попробовал второй:

– И правда вкусное.

А третьему пиво не понравилось:

– Ерунда какая-то, вода водой.

Обиделось пиво:

– Ну хорошо, покажу я тебе воду.

Через часок-другой первые мужики заторопились домой, а третий задержался:

– Посижу немного, допью водичку.

– Допей, допей, – прошептало про себя пиво и стало ему понемножку затуманивать мозги и с каждым выпитым бокалом всё сильнее и сильнее. Наконец он и вовсе потерял память.

Шёл мужик по ночному городу, шатаясь из стороны в сторону, пока не оступился где-то и не свалился в лужу. Долго не мог подняться, встать на ноги, а когда он всё-таки выполз из воды, пиво спросило его:

– Ну и как водичка, мужичок?

– Холодная, – не попадая зуб на зуб от

дрожи, – пробормотал тот.

– То-то, знай наших, от воды шаг до беды.

Вода и огонь

Хозяйка поставила на огонь кастрюлю с водой.

– Что, – шикнул на воду огонь, – живая ещё? Ты думаешь, я миловать тебя стану? Не надейся, поджарю, сожгу, превращу в пепел. Я и не таких, как ты на небеса отправлял. Ты для меня полное ничтожество, во мне сила бушует, а в тебе один только пшик. Я – власть, а ты плебей.

– Успокойся, огонь, не серди меня.

– Ах, ты ещё пугать собралась, вот я сейчас тебе поджарю бока, вовек не забудешь.

И огонь прибавил жару.

А тут и вода разозлилась, забурлила, закипела, выплеснулась из кастрюли и залила огонь.

Зашипел огонь, закричал и окончил свою жизнь. А вода успокоилась, остыла немного и беззлобно проворчала:

– Эх, огонь ты огонь, на каждую силу

есть другая сила, и на каждую власть есть своя власть.

Мышь

Та мышь, что помогла деду вытащить из земли репку, вдруг возгордилась:

– Да если бы не я, эта семейка ни за что бы не справилась с такой репищей. Они полдня, считай, тужились, а толку с гулькин нос. Пускай спасибо говорят, что я подвернулась. В принципе я и без них могла бы справиться. Они только мешались под ногами. Я должна была и репку, и деда с бабкой, и их бездельницу внучку со зверями-прихлебателями тянуть. Но ничего, управилась.

Слушали её мыши, верили каждому её слову, хвалили за силу и отвагу. Не каждая мышь рискнёт за kota ухватиться и победителем выйти.

Но вот однажды случился в мышинном царстве переполох. То ли ветер, то ли землетрясение, то ли чья-то злая шутка прикатили неизвестно откуда большой камень, который наглухо запечатал вход в

одну мышиную норку. Попытались мыши оттащить его в сторону, но ничего из этого не вышло. Камень стоял как приклеенный.

Сели мыши возле камня, горюют. И тут один мышонок хлопнул себя лапкой по лбу и закричал:

– Эврика! Я придумал! Давайте позовём мышку, которая одна репку вытащила. Что для неё этот камень, пустяк!?

– Ура! – обрадовались остальные мыши и послали этого мышонка за знаменитой соплеменницей.

Пришла мышь:

– А что случилось?

– Помощь нужна. Видишь, камень вход в норку завалил. Убери его, ты ведь сильная.

Походила мышь вокруг камня, посмотрела, поняла, что одна с ним не справится. Испугалась, что мыши смеяться над ней будут:

– Камень пустяковый, – сказала она. – Не такие тяжести ворочать приходилось. Я бы его вмиг с места стащила, только уцепиться мне не за что.

– А ты не цепляйся, просто столкни его, – посоветовали старшие мыши.

– Да я бы с радостью, только толкать тяжести не научена, у меня сила на то, чтобы тащить, вот как репку. Чтобы камень убрать, надо деда с бабкой призвать, а ещё внучку и Жучку. Без кота можно обойтись. Я и за Жучку ухватиться могу.

Послушали её мыши, почесали затылки и решили:

– Легче новую норку выкопать, чем ждать, когда эта силачка свою компанию соберёт.

Червяк, Рыбак и Карась

Червяк извивался, метался из стороны в сторону, упирался, сжимался и разжимался, ругался на своём червячном языке. Ему очень не нравилось поведение Рыбака, который спокойно и дотошно пытался насадить его на ужасный рыболовный крючок.

– Ну чего ты так разволновался, – приговаривал Рыбак, обращаясь к Червяку, – подумаешь невидаль какая, не всем ведь одинаково везёт.

Молодой Карась, сидя в воде, подслушал рыбака.

– Какой всё-таки умный этот человек, – рассудил он, и правда не всем везёт одинаково.

А в это время Червяк опустился на дно, продолжая судорожно, но в то же время обворожительно извиваться, словно пьяная барышня, танцуя на столе среди пустых бутылок и опрокинутых грязных бокалов. Карась ахнул и, расталкивая менее расторопных сородичей, рванулся к нему, навстречу своей мечте.

– Не всем везёт одинаково! - громко крикнул он отставшим от него товарищам на карасином языке и с шумом проглотил жирного аппетитного червяка вместе с крючком.

Дед Мороз

Стоял морозный солнечный день. Один мальчик долго играл на улице, лепил снежки, строил в сугробе пещеру и не заметил, как отморозил на ногах пальцы. Только придя домой, он почувствовал, что пальцы у него болят. Мама и бабушка несколько дней лечили их: мазали мазями, бинтовали, поили таблетками.

Подошёл праздник Новый год. Все ребяташки с нетерпением ждали его. Они знали, что с Новым годом приходят в гости дед Мороз и Снегурочка. Они приносят конфеты, мандарины, украшают ёлку и кладут под неё подарки.

И у нашего мальчика была ёлка и к нему пришли дед Мороз и Снегурочка. Он тоже водил хороводы вокруг ёлки, пел песни, рассказывал стишки. Но когда дед Мороз стал раздавать детям подарки, мальчик разрыдался и не стал брать кулёк со сладостями.

Вечером мама спросила его:

– Милый мой мальчик, почему ты не стал брать подарок, ведь дед Мороз так старался для тебя.

– Ничего он не старался, он притворяется добрым. На самом деле он злой. Добрый бы мне не отморозил пальцы.

Нельзя быть одновременно и добрым, и злым, хорошим и плохим. Нельзя сделав зло, исправлять его с помощью подарков.

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Пикник

На детской площадке столпотворение. Собралась детвора со всех окрестных дворов. По периметру на лавочках устроились бабушки. Краем глаза они присматривают за родными чадами и в то же время с удовольствием говорят друг с другом о чём-то своём. Малыши роются в песочнице, кто-то пытается взобраться на горку, а кто-то просто бежит от одной группы к другой, пытаясь найти себе применение. Девочки постарше скучковались и о чём-то оживлённо разговаривают, к ним подошла маленькая девочка. Она внимательно слушает старших с таким выражением лица, что сразу становится ясно, ребёнок сделает всё лишь бы старшие не оттолкнули её. А те совсем не замечают ребёнка, а одна даже прикрикнула, что, мол, толкаешься тут, играй с малышкой. Но девочка никуда не уходит и преданно смотрит на старших. Ей очень хочется иметь

таких подруг.

И вдруг самая старшая девочка повернулась к ней и что-то стала объяснять. Малышка внимательно слушает и кивает головой. Потом вдруг срывается с места и бежит к бабушке.

– Бабушка, – издалека кричит она, – дай мне денег, я что-нибудь куплю.

– Тебя что старшие девчонки послали?

– Да.

– Я тебе дам денег, ты купишь что-нибудь, а они отберут у тебя и съедят.

– Да нет, бабушка, они не съедят, они пикник будут устраивать.

– Ну и пусть у своих бабушек деньги просят, ты каким боком к ним прилепилась?

– Как ты не понимаешь, бабушка, я же тоже с ними пикникчию.

Мишкина каша

Вчера к нам в гости приехал Мишка, мой двоюродный брат, мамин племянник. Мы с ним ровесники, он родился в сентябре, а я в августе. Я как-то намекнул ему, что я старший, так он рассмеялся и говорит:

– Старший не тот, кто раньше

родился, а тот, кто больше знает и умеет.

Мне показалось, что это с его стороны простое хвастовство, а знает и умеет он ничуть не больше моего, потому что мы оба учимся в пятом классе, вернее будем учиться с нового года. А умения он в своём городе набраться не мог. Где там набираться. Утром встал с постели и в школу, а после школы пока уроки сделаешь, пока пообедаешь, и вечер наступит. А там телик посмотришь, или на компьютере поиграешь, уже и спать пора. А с утра всё с начала. Прихвастнул Мишка. Но ладно я ему всё прощаю.

Утром мы ещё спали, а мама ушла на работу. Когда мы встали, то на столе нашли записку. Мама писала, чтобы мы перекусили, чем бог пошлёт, а она скоро вернётся и сварит что-нибудь вкусненькое. Мы с Мишкой посмеялись над этой запиской, как будто мы с голоду помираем или не можем из холодильника вытащить молоко с вареньем. Мы так и сделали, незаметно выпили почти всё молоко и съели почти всё варенье. Как-то так само собой вышло, что одновременно с вареньем закончился и хлеб. Но это не беда, мама

будет идти с работы и принесёт хлеб.

Пока суть да дело, мы с Мишкой сыграли в шашки, потом перекинулись в картишки, потом ещё чем-то занялись, а мамы всё нет и нет.

«Интересно, – подумал я, – что-то мама задерживается, может, что на работе случилось». Только я подумал так, как раздался телефонный звонок. Звонила мама:

– Ребята, у меня непредвиденная ситуация, мне надо срочно в город. Вернусь, наверное, только завтра. Вы уж, пожалуйста, ведите себя, как подобает мужчинам. Продукты в кухонном столе, что-то в холодильнике. Позовите бабушку Зину, она сварит кашу или какой-нибудь суп. Плохо, что денег у вас нет, попросите у неё же, купите хлеба.

– Ладно, – ответил я, – ты не волнуйся, мы уже не маленькие. Вон Мишка говорит, что у него есть деньги. На хлеб хватит. А я сейчас сгоняю за бабушкой, пусть кашу сварит.

Я положил трубку.

– Зачем нам бабушка, мы, что не в состоянии кашу сварить.

– Я не в состоянии, я только чай могу

приготовить.

– А тебя никто и не просит, я сам всё сделаю.

И вот тут мне припомнился рассказ «Мишкина каша», я его недавно читал. «Надо же, – подумал я, – всё сходится: и мама уехала, и Мишка-хвастунишка приехал. Тот тоже хвастал, что варить умеет. Нет, я такого безобразия, как в рассказе написано, не допущу».

– А ты читал «Мишкину кашу»? – это я к Мишке.

А он как захохочет:

– Конечно, читал. Я целый день хохотал над ним. Вот чудик, кашу сварить не смог.

– А у тебя, как у того Мишки не получится?

– Не получится, сварю, пальчики оближешь. Где у вас продукты?

Мне очень не хотелось давать ему продукты, потому что я всё-таки сомневался в Мишкином кулинарном таланте. Я даже был уверен, что он варит так же, как я, то есть никак. Но продукты всё-таки ему отдал, а сам ноги в руки и напрямиком к бабушке Зое.

– Бабушка, – закричал я с порога, – мама в город уехала, сказала, чтобы я попросил вас обед сварить, кашу какую-нибудь или суп.

– А мать-то надолго отлучилась?

– Сказала, завтра приедет.

– Ну до завтра как-нибудь проживём. А вы что уже проголодались?

– Нет ещё.

– Вот и хорошо, я сейчас дома управлюсь и через часок к вам загляну.

Я замялся, не зная рассказать ли бабушке Зине о Мишке, что он сам взялся кашеварить, но потом махнул рукой и рассказал.

– Боюсь, что он все продукты изведёт.

Бабушка выслушала меня, поахала немного:

– Хорошо я тогда пораньше приду. Вот только цыплят накормлю, да козу подою.

Я довольный побежал домой. Мишка стоял на кухне возле плиты и что-то отчаянно, как мне показалось, перемешивал в кастрюле.

– Где это тебя, братец, носит? Я уже кашу сварил. Чуешь, как вкусно пахнет?

Я принялся и правда, запах на всю кухню ароматный, аппетитный, что хоть сейчас за стол полезай.

– Ты что, в самом деле варить умеешь?

– Умею. Мама мне разок показала, а потом я уже и сам с усам. Пусть каша немного постоит, распарится, ещё вкуснее станет. – Он взял полотенце, свернул его вдвое и накрыл кастрюлю. – Вот так лучше будет. А запивать чаем будем? Я молоко всё в кашу вылил.

– Ничего, – радостно воскликнул я, – и чаем обойдёмся.

– А если хочешь, давай кисель сварим. Я видел в шкафу крахмал лежит и сухофрукты. С ними знатный кисель получится.

– А что, ты и кисель можешь?

– Конечно. Я много чего могу.

– Ну ты, Мишка, даёшь.

– Даю, даю. Я вот сейчас кисель приготовлю, а ты давай живчиком в магазин за хлебом.

Я возражать не стал. Да и что возражать. Мишка уже обед приготовил, а я ещё ничего не сделал. Пока я бегал за

хлебом, пришла бабушка Зина, она торопилась, боялась, как бы мы с Мишкой не натворили какой беды. А как только она вошла в дом, Мишка воскликнул:

– А вот и бабушка. Надо сказать, вовремя подошла, сейчас обедать будем.

Он прямо, как хозяин, быстро накрыл на стол, поставил в тарелках кашу, налил в стаканы киселя. Бабушка сначала отнекивалась, но потом подумала и села с нами за стол. Ей, наверное, очень хотелось узнать, что там такого мог приготовить этот городской малец. Каша оказалась действительно вкусной, мама никогда такую не варила. А отличалась она от маминой тем, что Мишка положил в кастрюлю не одну какую-нибудь крупу, а сразу все, какие были у нас в заначке. Бабушка тоже удивилась:

– Надо же, я сроду такую вкуснятину не ела. И кто тебя надоумил крупу смешать.

– Никто, – засмеялся Мишка, – я сам придумал.

А в это время в дом заглянула Машка – внучка бабушки Зои. Мишка и её усадил за стол. Она отнекиваться не стала, а быстренько уплела свою порцию и

попросила добавку. Мишка выскреб из кастрюли остатки:

– Ох и повезло же тебе, Машка, вся сила осталась в кастрюле на дне. Я её тебе отдаю, ешь – не жалко, только расти быстрее.

Мы допили кисель, и бабушка заторопила Машку:

– Поторапливайся, у нас ещё дел невпроворот. Да спасибо скажи мальчикам. А тебе, Миша, особое. Счастливая жена у тебя будет, всегда сможешь ей помощь оказать.

Мишка пробормотал что-то в ответ и покраснел как рак.

Посуду мы мыли вместе, вернее он мыл, а я вытирал полотенцем. Я немного завидовал ему, не потому, что он сварил кашу и приготовил кисель, а потому, что на самом деле он оказался старше меня, если конечно, измерять возраст не по дням рождения, а по знаниям и умениям.

Как Димка хотел в кино сходить

Димка с самого утра то сидел у телевизора, а то просто валялся на диване. В

конце концов, это так надоело ему, что он подумал: «Не сходить ли в кино? А почему бы нет, сколько можно дома торчать».

– Мама, – закричал он, – я в кино хочу.

– А что кино интересное?

– Говорят, хорошее. Я схожу, а потом тебе расскажу.

– Сходи, конечно, а я потом с удовольствием тебя послушаю.

– Так ты дай денег.

– Ой, ой, Дима, а денег-то у меня нет.

– Как нет, – удивился и одновременно возмутился Димка, – ты же недавно зарплату получила?!

– Получила, – мать сокрушённо покачала головой, – а потом тебе ботинки купила, костюм и рубашку к школе, кроме того картошку, морковь, мясо, твои любимые конфеты, мороженое «Большой папа». Ну и смартфон, который ты просил. Да себе пару носок дешёвеньких.

Димка лёг на диван и сделал обиженное лицо, потом повернулся на бок, строго посмотрел на мать:

– Носки надо было не покупать, на улице-то лето, тепло, можно и без них обойтись.

Каша

Маленький мальчик лет пяти по имени Петя сидит за столом на кухне и негромко, но противно хнычет:

– Не хочу я эту кашу, не буду я вашу кашу, пусть другие едят. – И снова да ладом: – Не хочу я эту кашу, не буду её есть.

Кроме него на кухне ещё мама, которая суетится возле плиты, одновременно уговаривая Петю поесть:

– Съешь хоть одну ложечку. Перловая каша ох как вкусна. А ещё и полезна, особенно для таких как ты. Дети растут от неё, как на дрожжах. Знаешь, как богатыри её любят. От перловки и сила у них необыкновенная.

Мама очень любит Петю, а потому, как всякая любящая мама, пытается обязательно накормить его. Она зачерпнула маленькой ложечкой немного каши и попробовала втолкнуть её в Петин рот. Однако сделать это ей не удалось, потому что Петя завертел в разные стороны головой, стиснул зубы и своими руками стал отталкивать мамины.

В это время на кухню вошёл Петин

папа. Он тоже любил Петю, но не любил, когда тот хнычет, капризничает и отказывается от каши.

– Так-так, – недовольно сказал он, – сын опять ведёт себя неприлично. Что ж, пусть остаётся голодным. А вот меня, мать, накорми, потому что я опаздываю на работу и ещё потому, что очень люблю перловую кашу.

Он сел за стол и мигом очистил большую тарелку от каши.

– Очень вкусно, – похвалил он жену, взглянул на часы, развёл руки. – Что-то я сегодня замешкался, жалко, но чай пить не придётся. А ты, – он обратился к малышу, – переставай хныкать, ешь кашу и слушай маму.

А вот это папа сказал зря. Петя, почувствовав, что на него снова обратили внимание, тут же захныкал:

– Не хочу эту кашу. Не буду есть.

– Ой, ой, – замахал руками папа и чуть ли не бегом выскочил из кухни, столкнувшись при этом со старшим сыном Колей, который был взрослым и ходил уже в пятый класс.

– А что у нас сегодня на завтрак? –

бодро спросил он, усаживаясь за стол.

– Каша перловая, – в тон ему ответила мама.

– О, моя любимая каша! А что это наш мужик хнычет?

– Он кашу перловую есть не хочет.

– Что ж, пусть не ест, мне больше достанется.

Он тоже быстренько уплёл кашу и спросил:

– А добавки нет? Очень уж вкусная каша.

– Нет, – с сожалением ответила мама, – хотя, если хочешь, съешь Петину, он всё равно перловку не любит.

– Хорошо, – обрадовался Коля и в два приёма расправился с Петиной порцией. – А ты, брат, не хнычь, повода нет. Я за тебя управился.

Он тоже выскочил из кухни, потому что тоже боялся опоздать в школу.

Петя уже совсем было собрался успокоиться: каши-то больше нет, а значит, никто больше приставать не будет.

Но тут на кухню заглянула бабушка Нина, мамина мама. Она тоже любила Петю и не могла допустить мысли, что ребёнок из-

за чьей-то, мягко сказать, глупости может остаться голодным.

– А что это у внучека глазки на мокром месте, – спросила она, – кто тебя, Петенька, обидел? Скажи мне, я быстро накажу их, как следует.

Петя снова начал хныкать, вытирать ладонями слёзы и прикидываться несчастным ребёнком.

– Не хочу я вашей каши, – затаил он свою песню, чем вывел мать из терпения.

– Хватит, Петя, помолчи, нет больше каши, мужики всё съели. Вон посмотри, все тарелки чистые.

Однако на Петю этот аргумент не подействовал, он продолжал противно подхныкивать.

Но тут к месту или не к месту вмешалась бабушка:

– Не плачь, внучек, съели мужики свою кашу и пусть. А я зато манной каши наварила целую кастрюльку. Нам с тобой на весь день хватит.

Петя от такой новости чуть не упал со стула. На секунду он даже перестал хныкать, но когда осознал, что ждёт его впереди, то не просто захныкал, а заревел во весь голос

горько и безутешно. Манную кашу он вообще не любил, потому что ей взрослые тёти кормят маленьких детей. А ему страсть не хотелось быть маленьким.

Вафли

Бабушка вернулась из магазина и принесла вафли.

– А я вафли купила, – сказала она внучку Оле, – мама придёт с работы, и мы все вместе будем чай пить.

Оля уже большая девочка, пятиклассница, крикнула в ответ «Хорошо» и продолжала заниматься своими делами. Сегодня у неё мало уроков, но с минуты на минуту должны прийти девочки-одноклассницы. Они будут готовиться к школьному празднику – «Осеннему фестивалю». Мальчишки из их класса разыграют какую-то сценку, а вот какую – держат в тайне. Девочки тоже никому не говорят, с каким номером выступят на сцене. Это сюрприз. А чтобы никто раньше срока не проведал об этом сюрпризе, девочки решили в школе не репетировать, а собираться у кого-нибудь на квартире.

Выбор сразу же пал на Олю, а та попросила разрешения у мамы и бабушки. Они возражать не стали. А бабушка сказала:

– Вы тут занимайтесь, а я к подруге схожу, проведу, а то она что-то приболела.

Её подруга жила в соседнем подъезде, и бабушка часто засиживалась у неё до самого вечера. Старые люди, как и молодые, любят общаться друг с другом, вспоминать молодость, рассказывать о детях и внуках. А поскольку жизни прожили они долгие и интересные, то и разговорам у них не было конца.

Едва бабушка переступила порог, как заявили подруги. Они громко смеялись ещё громче разговаривали, слегка подталкивали друг друга. Щёки девчонок горели румянцем, глазки блестели, что ни говори, но на улице уже было прохладно, и они немного замёрзли. Олина лучшая подруга Маша Орехова выделялась среди всех: у неё и смех был заразительней и голос командирский. И вообще она вела себя как хозяйка дома, потому что в отличие от других девчонок она бывала в гостях у Оли почти каждый день. А когда она почему-то не приходила, бабушка сокрушённо

говорила:

– Что-то подруги твоей не видать. Уж не заболела ли?

Пока девочки раздевались, снимали обувь, она уже успела заглянуть во все комнаты, сунуть свой слегка покрасневший нос во все щели.

– А где бабушка?

– Ушла к подруге.

– А чем ты нас угощать будешь?

– У меня нет ничего.

– Ха-ха-ха, – засмеялась Маша, – стыдно подруг обманывать. Я видела, на столе вафли лежат.

Оле хотелось сказать, что это бабушкины вафли, но почему-то промолчала, наверное, подумала, что подруги не поверят и сочтут её жадной. А с жадными ребятами дружить не любят.

– А-а-а... вафли... я про них и забыла.

– Ура, – крикнула Маша, – девочки, налетай!

Вафельный хруст разнёсся по всей кухне и тут же оборвался. Как-то так получилось, что Оле даже не удалось попробовать бабушкин десерт, так он быстро закончился. Репетиция тоже прошла

быстро. Девочки пропели два раза песню, сидеть и болтать не стали. У каждой были ещё свои дела, поэтому они сразу же разбежались по домам.

Оля осталась одна.

– Скоро придёт бабушка и спросит: «А где вафли?» А я что отвечу, девчонкам скормила? А она скажет: «Мы ведь собирались вечером вместе чай пить». А мне и сказать нечего. Стыдно. Бабушка, может быть, ничего не скажет, а, может, ещё раз в магазин ходит, а, может, не ходит, а обидится на меня, подумает, что я их одна съела, а значит, поступила по-свински, не могла до вечера подождать. – Оля вздохнула: Были бы деньги, сбегала бы в магазин и ни каких тебе проблем».

Но деньги водятся только у мамы и бабушки. У Оли тоже иногда бывают, но она быстро находит им применение: то колу купит, то мороженое, то какую-нибудь безделушку. А вот сегодня, как нарочно, в кармане пусто, ни одного рублика. Хотя...

– А что если копилку столкнуть на пол, – подумала она и на секунду испугалась своей мысли, – а что мама скажет? Однако из-за этого сомнения мысль никуда не

убежала, не растворилась, а прочно обосновалась в Олиной голове: «Поросёнок, куда время от времени взрослые опускают монетки, керамический. От удара он разобьётся. А тогда можно у него позаимствовать немного денег, и пока бабушка не пришла, сгонять в магазин».

Она сняла поросёнка с полки, повертела его в руках и, охнув, уронила на пол. Поросёнок не успел даже хрюкнуть, как ударившись, разлетелся на мелкие кусочки. А монетки остались лежать небольшой кучкой, хотя некоторые, правда, раскатились в разные стороны.

Оля, чтобы не терять времени, оставила разбитую копилку на месте преступления, а сама, накинув курточку, стремглав выскочила на улицу. Обернулась она быстро. Магазин был под боком, очереди в нём не было, бабушка ещё не вернулась, так что операция удалась. Вафли лежали на столе, дожидались вечернего чая.

Разбитую копилку она убирать не стала. «Скажу, – решила она, – что разбила поросёнка случайно. Взяла его, чтобы посмотреть, много ли там денег, а он возьми и выскользнул из рук. Не успела ахнуть, а на

полу уже одни осколки».

Бабушка выслушала Олин рассказ, поохала, поахала и успокоилась. Мама тоже не очень расстроилась:

– Со всяким бывает. Давайте все вместе соберём осколки и монеты. Жалко, конечно, поросёнка, но в то же время чего его жалеть. Ведь копилка в доме – это мещанство.

Потом они пили чай и ели вкусные вафли. Бабушка с мамой разговаривали о чём-то своём взрослом, а Оля в душе радовалась, что всё получилось складно. И девчонок не обидела, и мама с бабушкой довольны.

На следующий день после уроков девчонки решили собраться на репетицию у Кати Парфиненко. Оля уже оделась, но сидела с бабушкой на кухне. Она ждала Машу, которая обещала зайти за ней, чтобы идти вместе.

Маша влетела в квартиру, как всегда со смехом и шумом.

– Ты чего сидишь? Там уже нас заждались, наверное. О, бабушка дома! Здравствуйте, бабушка. Спасибо вам, мы с девчонками вчера ваши вафли съели.

Вкусные. Только вот Оля почему-то нам чая не нагрела. А мы и без него обошлись и простили её.

– Ну съели и съели, молодцы, для этого их и покупали. А Оля у нас вообще-то гостеприимная девочка. Но вот почему она с чаем не разобралась – не знаю.

Вечером Оля сидела на диване и читала книгу. Вернее, делала вид, что читает, да она и не смогла бы читать, даже если бы очень этого захотела. В глазах у неё стояли слёзы, а ожидание разговора с мамой давило на грудь и голову, которая готова была от стыда развалиться на части, как тот поросёнок, что нарочно выпал из её рук.

Мама присела на диван, обняла Олю за плечи.

– Какая ты уже взрослая у меня, какая умная, – она притянула Олю к себе и поцеловала в макушку. – Ты правильно сделала, что угостила гостей. Этого не надо ни бояться, ни стесняться. Умница. А вот что ты свой добрый поступок поставила себе в вину, как будто ты совершила преступление, – неправильно. Даже если бы ты и совершила нехороший поступок, исправлять его другим нехорошим

поступком нельзя. В таком случае ситуация не исправляется, а усугубляется. Ведь чтобы исправить вторую ошибку, надо совершить третью. И конца края этому не будет. – Мама помолчала, потом добавила: – А чай мы могли бы попить с вареньем или с мёдом. Ничего страшного не произошло бы.

БРАТЬЯ

(Повесть)

Глава первая

Первое сентября – всегда суматошный день. Я уже пятый год испытываю это на себе. С утра то мама, то папа обычно подгоняют:

– Ешь быстрее, собирайся скорее, смотри не забудь чего.

Я конечно с ними соглашаюсь, как-никак всё-таки родители, а сам не тороплюсь. Я вообще очень медлительный (это мамины слова). Зато Славик у нас, он тоже идёт в школу и тоже в пятый класс, – живчик. Он даже минутки не может посидеть спокойно, всё куда-то торопится, за всё хватается, во все дырки хочет первым поспеть. Я иногда смотрю на него и диву даюсь: ну куда ты всё время спешишь, сядь, посиди хоть минутку, отдохни, сил наберись. А сам потом подумаю, подумаю, махну на него рукой, что зря время переводить, малыш ещё, подрастёт, поймёт, что за всем на свете не угонишься. Иногда

лучше подождать, когда то или иное само придёт.

Я его всегда малышом зову. Хотя мы и близнецы, но всё равно я родился на несколько минут раньше. Так мама рассказывала. А ей надо верить. Правда, Славик по этому поводу сильно не заморачивается.

В школу мы с ним никогда вместе не ходим. Я пока соберусь, он уже вокруг школы успеет пять раз обежать, всех своих друзей встретить, языки с ними почесать. А мне это не интересно. Нет, конечно, не подумайте, что я ни с кем не разговариваю, не общаюсь, просто всё надо делать в меру.

Вот и сегодня Славик успел со всеми поздороваться, а я только с Мишей Петровым, потому что он мой лучший друг, и он так же, как и я, не любит первосентябрьской суеты. Может, найдутся люди, которые не поймут нас с Мишей, но я и не оправдываюсь. Ну, скажите, чего суетиться. Ведь всё всем уже давно известно. Сейчас учителя начнут командовать, мы построимся на линейку, выступит директор Игорь Игоревич, первоклашки прочтут с горем пополам

какие-то стишки, затем десятиклассники подарят им ненужные подарки, прозвенит звонок, и мы пошагаем по классам.

Первым делом пожалуйста на классный час. У нас в пятом «а» будет новый классный руководитель, говорят, это Наталья Николаевна Черненко, она математик и физик. Никто из пятиклассников не знает, что она представляет собой, но, думаю, со временем мы сработаемся, потому что она ещё молодая, недавно из института, а значит, много чего знает и умеет.

Вы можете не поверить, но я уже заметил, как пройдёт первый классный час, таким и весь учебный год будет. В четвёртом классе, например, наша учительница Мария Михайловна заболела и вместо неё классный час проводила лаборантка. Видно было, что она к встрече с нами не готовилась, ничего интересного не рассказала. Ну что с неё возьмёшь, она сама только-только окончила школу и ей бы не нас учить, а самой за партой сидеть. Пошумели мы, подурачились, записали расписание уроков на неделю и разошлись. Так и весь год насмарку пошёл. Мария

Михайловна всю зиму проболела, нас передали другой учительнице. Я не скажу, что она плохо учила, нет, с этой стороны у меня претензий нет. Но классная жизнь была очень уж скучной. Все классные часы были бестолковыми, только планы составляли да отстающих прорабатывали. А что эти планы писать, если на них никто смотреть не хочет? Бесполезное прохождение времени. Ещё более бестолковое занятие – прорабатывать двоечников и троечников. Им что хочешь говори, они со всем соглашаются, а с самих все эти разговоры, как с гуся вода. Их ругают, а они ещё упёртее делаются.

Сам я учусь неплохо, троек нет, правда, и пятёрки тоже не часто бывают. Особенно не люблю математику, пение и физкультуру. Я считаю, что это вообще не нужные предметы. Сколько живу, ни разу не видел, чтобы кто-то из взрослых людей сидел дома и решал какие-нибудь уравнения с x ком. Вот было бы интересно, если бы наша математичка пошла на кухню варить обед и стала бы там вместо борща уравнения готовить. Пришёл бы её муж с работы, а она ему в тарелку эти уравнения и положила.

Ешь, мол, дорогой. Ну, чушь какая-то.

Ещё глупее петь песни на уроках. Хоть как ты меня обучай, я все равно лучше какого-нибудь артиста петь не буду. А для себя и без обучения спою, что захочу. То же самое и с физкультурой. Да что об этом говорить. Любой нормальный человек понимает, чем бегать и прыгать без толку на уроке, лучше отменить школьникам домашние задания и пусть они целыми днями гоняют футбол или зимой клюшками шайбу.

Ну и что вы думаете? Как я сказал, так и вышло. Линейка, директор, классный час – всё один в один, ничего нового. Наша новая классная, к сожалению, оказалась обычной училкой. Развела какую-то лабуду про честь класса, дисциплину, успеваемость. Слушать тошно.

Ой, думаю, что нынешний год ничего доброго не принесёт. Будем, как бурлаки, лямку тянуть, заунывные песни петь на уроке пения, прыгать через коня в спортзале и решать с утра до ночи дурацкие уравнения. Ничего нового. Из года в год одно и то же, одно и то же, аж говорить противно.

Домой шли с Мишкой Петровым.

– Ну и как тебе начало новой жизни? – это он мне.

– Какое там начало, продолжение старой. Всё катится по накатанной дорожке. Может быть, завтра что-нибудь решится в нашу пользу.

– Что-то я сомневаюсь.

Тут нас догнал Славик. Он уже успел сбегать куда-то и с ходу ввязался в наш разговор:

– А что вам не понравилось? Может, вы хотите, чтобы в первый день всем ордена на пиджаки повесили или золотые медали выдали?

– Отстань, Славка, ничего подобного мы не думали. Тебе хорошо, чем дольше сидишь на одном месте, тем быстрее бегаешь на перемене. Тебе всё хорошо.

– Ну нет, ты, брат, не прав, мне тоже не всё равно. Просто я сегодня узнал, что завтра все ученики могут записываться в спортивные секции.

– Ты, конечно, куда-нибудь...

– Не куда-нибудь, – перебил меня Славик, – а на лёгкую атлетику. Я твёрдо решил. А вы куда будете записываться?

– Вот пристал. Ещё ничего не известно об этом, а я уже должен тебе что-то сказать.

Глава вторая

Нашего Славку можно послушать, но верить его рассказам не обязательно. Он иногда может свои фантазии без зазрения совести выдать за истинную правду. Но тут он не соврал. На следующий день в класс пришла Наталья Николаевна.

– Ребята, – сказала она, – вот список спортивных секций и кружков по интересам, которые уже через несколько дней начнут работать. Напротив названия кружка или секции стоит фамилия преподавателя, который будет им руководить. Просьба к вам, сегодня же определиться, выбрать секцию или кружок по вашим интересам, а завтра в течение дня подойти к руководителям и записаться.

Ребята, конечно же, сразу заволновались, забросали Наталию Николаевну вопросами. Всё им было интересно, где, как, что и когда. Наталья Николаевна отбивалась от них, что-то объясняла, доказывала. И чем больше она

объясняла и доказывала, тем больше вопросов сыпалось на неё со всех сторон. Я её не слушал. В кружки я ходить не собирался, поскольку и без списка знал, что там будут кружки пения, рисования, танцевальный да драматический. Я себя в артисты и художники не готовил, потому эти занятия мне не подходили. И вообще, лучше бы ребята побольше внимания уделяли учёбе, чем разным там артистическим развлечениям.

В спортивную секцию записаться придётся. Я бы честно говоря и на это махнул рукой, но нельзя. В нашей школе заведено, что все ученики, начиная с пятого класса обязательно должны заниматься спортом. Хочешь ты или нет, но в секцию записывайся, посещай все занятия и старайся всегда быть первым. Если эти условия не выполняются, то снижается оценка по физкультуре.

Я бы и на это махнул рукой. Пусть будет четвёрка или даже тройка, лишь бы меня не дёргали, не таскали по соревнованиям. Но папа за это меня бы по головке не погладил. Он терпеть не может, когда дети, то есть мы со Славиком,

пытаемся увильнуть от занятий спортом. С самого раннего нашего несчастного детства он ежедневно по утрам заставляет нас делать утреннюю зарядку. Он и сам и мама становятся рядом с нами и тоже машут руками, делают наклоны и приседания.

Я интересовался в школе у многих ребят, делают ли они утреннюю зарядку, и как к этому относятся их родители. Представьте себе, из всех опрошенных только два человека занимаются этой ерундой. И эти два человека мы со Славиком. Я пытался донести эти сведения до папиного понимания, но он только строго посмотрел на меня и так же строго сказал:

– А ты, сынок, не пытайся увильнуть от обязанности быть сильным и здоровым. Зарядка нужна не сама по себе, а чтобы воспитать в человеке вот эти самые полезные качества. Пройдёт совсем немного времени и ты поймёшь значение физических упражнений. А то, что другие не занимаются зарядкой, это плохо, и нам брать с них пример совсем не к лицу.

Так что хочешь-не хочешь, а спортивную секцию выбрать придётся. В эту самую минуту Мишка выхватил у кого-

то листок, который принесла в класс Наталья Николаевна, и сунул его мне под нос:

– Выбирай кружок и секцию.

– Я, Мишка, в кружок ходить подожду, а вот секцию какую-нибудь выбрать надо. Славка вон бегать и прыгать любит, а мне это делать не хочется. Мне бы что-нибудь попроще. – Я взял листок и стал читать: – Лёгкая атлетика, лыжи, волейбол и пионербол, гимнастика, городки, шашки и шахматы. А ты, Мишка, выбрал что-нибудь?

– Конечно. Я буду ходить в драмкружок и на пионербол.

– Вот это ты размахнулся.

– А что размахнулся. В драмкружке не обязательно главные роли играть. Можно и просто так на сцене стоять. А пионербол мне нравится.

– А почему не волейбол?

– Да что ты. Там много сложностей, можно и пальца переломать, и коленки до крови разбить. Давай вместе в пионербол.

– Нет, Миша, я запишусь в шахматный кружок. Давай лучше ты со мной.

– Что ты, я и играть-то не умею.

– И я не умею, там и научимся.

- Я не научусь.
- Попробуем.
- Нет, я даже и попробовать не стану.

Так мы с ним и разошлись. Руководителем шахматного кружка был наш директор школы Игорь Игоревич. Я до сих пор удивляюсь, почему, выбирая секцию, я сразу не обратил внимания на то, кто будет учить нас шахматному делу. Скорее всего, под начало директора я бы не пошёл. Лучше бы играл с Мишкой в пионербол или бы даже бегал в трусах со Славкой по стадиону.

Папа, узнав, что его чада записались в спортивные секции, похвалил нас. Правда, когда я сказал, что буду ходить в шахматный кружок, он немного сморщил нос, но потом махнул рукой:

- Что ж и это неплохо.

Видимо, его утешило, что в его семье будут расти два сына: один сильный, другой – умный. Но это, конечно, только моё предположение.

Глава третья

Зря я беспокоился, Игорь Игоревич оказался классным парнем. На первом

занятии он не ломался, не выставлял себя великим шахматистам. Он сразу сказал;

– Шахматист из меня, ребята, никудышный, спортивного разряда нет. В соревнованиях не участвовал, шахматную литературу не читал. Но вы не сильно отчаивайтесь. Если кто-то из вас может играть, он будет совершенствовать мастерство. А тех, кто впервые сядет за шахматную доску, я играть научу.

А потом он рассказал легенду о мудреце, который придумал шахматы. Говорят, что эту игру придумал какой-то бедный индус. Он принёс шахматы своему правителю и научил того играть. Игра так понравилась правителю, что он решил наградить мудреца.

– Что бы ты хотел получить в награду?
– спросил он.

– Сущий пустяк, – скромно ответил мудрец. Ты видишь эту доску? На ней 64 клетки. Положи на первую из них одно рисовое зёрнышко, на вторую – два, на третью – четыре, на пятую – 16...

– Можешь не продолжать дальше, я понял. Слуги! – громко крикнул он. – Принесите бедному человеку мешок риса. Я

думаю, тебе этого хватит с избытком?

– Не торопись, государь. Пусть твои учёные доведут подсчёт необходимого зерна, чтобы расчитаться со мной, до конца. А уж завтра твои же слуги принесут его мне домой.

Всю ночь считали учёные, а когда закончили счёт, прибежали к правителю, в страхе упали перед ним на колени и взвыли:

– О великий государь, не вели казнить, мы честно сосчитали и поняли, что тот мудрец обвёл нас всех вокруг пальца. На шестьдесятчетвёртую клетку надо будет положить столько зёрен, сколько за год не собирают во всей стране.

Игорь Игоревич рассказывал интересно, и нам было интересно и даже приятно узнать, как бедный мудрец обмишулил правителя. Я, конечно, сразу подумал, что никакого зерна тот мудрец не получил. Богатые всегда жадные и думают только о том, как с бедного человека содрать последнюю рубашку.

А потом он раздал нам шахматные доски и показал, как надо расставлять фигуры и как они называются. Толик Сидоров и Валя Федина играть умели. Они

сразу же расставили фигуры и начали играть друг с другом. Игорь Игоревич не отвлекал их от игры, он занимался с нами. Он взял в руки самую маленькую фигурку, показал нам и спросил:

– Кто знает, как она называется?

Мы не знали, а Толик сразу выскочил:

– Это пешка.

– Правильно, а эта? – он показал вторую фигуру.

– Это конь, – разом закричали Толик с Вале́й.

– Молодцы, – похвалил их директор, – а вот эта?

– А это тура, – снова выскочил Толик.

– А вот и нет. Это вовсе не тура, а ладья. Если вы будете неправильно называть фигуры, с вами опытные шахматисты не станут даже общаться, не то, что играть. Потому я предлагаю вам с Вале́й отложить игру и послушать меня.

Они присоединились к нам, новичкам, и тоже стали слушать. А в конце занятия директор раздал нам тоненькие брошюры. Это были самоучители игры в шахматы. Все брали, я тоже не отказался. «Ладно, – подумал я, – может, когда-нибудь почитаю».

Да, я забыл сказать, что в шахматный кружок записалось всего десять человек: три девчонки из шестого класса и семь мальчишек из разных классов. Самый старший – семиклассник Олег Буйнов, а самый младший – это я.

Глава четвёртая

Когда я пришёл домой вся наша семья уже была в сборе. Мама суетилась на кухне, папа смотрел телевизор, Славик лежал на диване, наверное, отдыхал после тренировки. Я уверен, что он в первый же день работы секции убегался и упрыгался до чёртиков, даже если его никто не заставлял это делать. Просто он такой человек, всегда старается быть первым и никогда ни от каких тренировок не отказывается. Он даже, если ничего не умеет, всё равно выйдет первым и попробует сделать. Я не раз ругал его за такую бесшабашность. Как-то раз в спортзале один старшеклассник показывал, как надо крутить «солнышко» на перекладине. Конечно – это было здорово, но ведь он не первый день занимается гимнастикой и не сразу этому научился.

Как только он спрыгнул со снаряда, наш Славик, как дикая обезьяна, вскарабкался по стойке, ухватился руками за перекладину и начал раскачиваться. Хорошо, я был рядом, стащил его вниз, а то он точно бы начал крутить «солнышко». Что бы из этого вышло, я даже не знаю. Скорее всего, разбился бы до полусмерти. Родителям я об этом рассказывать не стал, но Славика отчитал как следует.

Папа, увидев меня, оторвался от телевизора, Славик сел на диване, из кухни выглянула мама.

– Слава богу, – сказала она, – дождались, мы без тебя ужинать не стали. У тебя всё в порядке?

– А что у меня может быть не в порядке?

– Не знаю, ты никогда так поздно не приходил.

– А мы в школе в шахматы играли.

– Так ты ведь не умеешь.

– А я и не играл. Я смотрел, как другие играют. Учился. Вот Игорь Игоревич и книжку дал «Самоучитель игры в шахматы».

Я показал книжку, но никто не

поспешил посмотреть и полистать её. Славику она, что шла, что ехала, а мама с папой потянулись на кухню. Мама там уже накрыла стол. Я тоже почувствовал голод и пошагал за ними.

Ужинали мы молча, а вот, когда принялись за чай, папа сказал:

– Давай, Серёжа, рассказывай про свою шахматную секцию.

Кстати я вам не говорил, что Серёжей зовут меня, маму Галиной Николаевной, а папу Николаем Васильевичем. А все вместе мы Терёхины.

– Да что там рассказывать, – хотел отмахнуться я, но папа мои отмашки не принял. Пришлось держать отчёт. – Я ведь ещё вчера говорил, что руководит кружком директор. Собралось нас десять человек: три девчонки и семь мальчишек, играть умеют только двое. Игорь Игоревич, правда, сказал, что он всех научит играть. Но я думаю, что научимся мы только передвигать фигуры.

– Почему же? – удивился папа.

– А потому, что он сам плохо играет. Он сам об этом сказал. И вообще после занятий он играл с Толиком Сидоровым и

проиграл. Представь себе учитель играет хуже ученика.

– Значит ничего интересного на первом занятии не было, – разочарованно протянул папа, а я-то думал, что мой сын выучится, станет известным шахматистом, а может, и чемпионом мира по шахматам. Как по-твоему, чемпион мира Сергей Терёхин – звучит!?

– Звучит. Только я не говорил, что там было не интересно. Наоборот, Игорь Игоревич рассказал о чемпионах мира. Как чемпионаты проводятся. Он много знает и рассказывает – заслушаешься. А вы знаете легенду об изобретателе шахмат, как он правителя с носом оставил?

Папа пожал плечами, Славка тоже, Пришлось им рассказывать эту древнюю историю. А потом папа сказал, что мудрецы не смогли бы за одну ночь решить эту задачу, тогда ведь не было никаких калькуляторов и решать им приходилось, как и вам в классе, в столбик.

– Да я бы один рассчитал, – выкрикнул Славик, – там и делов-то, умножить шестьдесят раз. Первые четыре клетки не в счёт, можно и уме сосчитать.

– А ты попробуй, сынок, – усмехнулся папа, – может, что-нибудь и получится.

– И попробую, – Славик сорвался с места, притащил ручку и тетрадь и стал усаживаться за стол.

– Не садись, сходи за калькулятором. Он тебе обязательно пригодится.

Славик послушался, принёс калькулятор, устроился за столом:

– Итак, на первую клетку кладём одно зерно, на вторую – два, на третью – четыре, на четвёртую – шестнадцать, на пятую – 256, на шестую – 65536, на седьмую – 4294967296, на восьмую... Тут Славиков голос затих.

– Так сколько на восьмую? – поторопил его папа.

– Не знаю, – проворчал Славик, – цифры в калькулятор не помещаются.

– Не беда, – засмеялся папа, – ты в столбик попробуй.

– Ну уж нет, пусть Серёгины мудрецы считают. Им за это деньги платят.

А потом я расспрашивал Славика о его секции. Он хвастал весь вечер и даже, когда мы уже завалились спать, всё нахваливал своего тренера, который пообещал

подготовить из них классных спортсменов.

Глава пятая

Дни летели за днями. Занятия в школе чередовались с занятиями в спортивных секциях. Тренер легкоатлетической секции сказал Славику:

– Я, Терёхин, больше всех надеюсь на тебя. Ты всё как-то на лету схватываешь. Что тебе ни подскажу или ни покажу – всё делаешь правильно. Думаю на районных соревнованиях ты можешь претендовать на призовые места в беге на 60 метров в зале и в прыжках в высоту. Так что давай в оставшееся до соревнований время займёмся с тобой только этими дисциплинами.

– Хорошо, – с готовностью ответил Славик, – я всегда готов.

Тренер потрепал его по волосам и даже пожал руку. Об этом мне сам Славик рассказал, не верить ему я не могу.

– Да, – ещё добавил Славик, – Геннадий Борисович сказал, что районные соревнования будут проводиться на весенних каникулах.

– А что он ещё сказал?

– Ещё много чего. По шахматам тоже будут соревнования.

– Это точно?

– Не знаю, Геннадий Борисович говорил...

– Ладно, сегодня на секции у директора спросим.

Но спрашивать не понадобилось. Игорь Игоревич сам завёл разговор на эту тему:

– Ребята, на весенних каникулах будет проводиться районная спартакиада. Участвовать в ней будут все школы, в том числе и наша. Посоревнуемся и мы, шахматисты. Я думаю за оставшееся время мы сумеем подтянуть игру.

– Игорь Игоревич, – закричали мы разом, а кто из нас поедет?

Он улыбнулся и пожал плечами:

– Не знаю. Накануне соревнований проведём свой турнир. Кто победит, тот и поедет. Всё будет по честному. Одно я знаю точно, что в состав команды должны войти три мальчика и одна девочка. А кто это будет, зависит от вас.

Мы, конечно, тут же забыли об игре в шахматы, а стали больше говорить о

шахматистах. Не знаю почему, но и я втянулся в этот разговор, хотя, клянусь всем своим состоянием, большого желания ехать на спартакиаду у меня не было. Одним словом, каждый стал предполагать, кто сможет, кто не сможет, а если сможет, то какое место займёт.

Олег Буйнов, как самый старший кружковец, авторитетно сказал:

– На первой доске будет играть Толик Сидоров, потому что остальные, как бы там не пыжились, по-настоящему играть не научились.

Против этого замечания никто возражать не стал, и даже Толька скромно промолчал. Хотя скромность тут была не уместна, действительно никто из нас ни разу его не обыграл, сколько бы мы не пытались наказать его. Даже Игорь Игоревич редко, когда обыгрывал его.

По такому случаю я как-то поспорил с папой.

– Как же так, – сказал я, – у нас получается, что тренер играет хуже, чем тот, кого он тренирует. Чему он в таком случае может научить. Правильнее должно быть так, чтобы Толька Сидоров был тренером, а

Игорь Игоревич его подопечным.

– Нет, сынок, – возразил папа, – в данном случае ты совсем не прав.

– А я думаю, что прав. Представь себе, приду я завтра в школу, соберу учителей в классе и начну им мозги вправлять о том, о сём, а сам знать ничего не знаю. А они будут смирёхонько сидеть и с открытыми ртами меня слушать. Чему я их научить могу, если сам неуч.

Папа засмеялся:

– Ты немного запутался в понятиях. Запомни, что тренер – это не учитель, это наставник, который расскажет, как ты должен тренироваться, какой образ жизни вести, как питаться, как и когда отдыхать, как набираться ума. Как ты говоришь, представь себе, что у Анатолия Карпова есть тренер, который играет лучше самого Карпова. Тогда, скажи мне, а зачем этот Карпов нужен, пусть его тренер и будет чемпионом мира. Ан нет, тренер играет в десятки раз хуже чемпиона мира, и он никогда им не станет, но зато он знает методы, с помощью которых Карпов и стал чемпионом. Ясно?

Ясно, конечно. Но простите я немного

отвлёкся.

– А на второй доске, – продолжал рассуждать Олег, – буду играть я.

– А почему ты? – стали возмущаться мы, – ты не лучше других играешь.

– Это пока, – прервал наши возмущения он, – до соревнований ещё далеко. А я старше вас всех и значит умней. Я скорее вас смогу научиться. А на третьей доске, – скороговоркой закончил он, – можете играть все, потому что вы толком играть не можете.

Мы немножко пошумели, повыступали, но Игорь Игоревич успокоил нас:

– Если будете на занятиях устраивать митинги, то точно никто из вас шахматистом не станет. Разбивайтесь на пары, берите шахматы и играйте. Только постоянные тренировки могут привести к победе, а если хотите, то и к чемпионству.

Играть так играть. Я хотел сесть с Толиком, но Лёня Белов опередил меня, и мне выпало играть с Олегом. Мы сыграли пять партий и, к своему стыду, я все пять раз оставался в дураках.

Когда я шёл домой, то всё время

думал об этих проклятых партиях. Сначала я хотел свалить вину на Олега, который нелестно отозвался о своих товарищах, в том числе и обо мне, потом на плохое настроение, но уже подходя к дому я понял, что всё дело заключается во мне. Просто я не полюбил шахматы: и к тренировкам и к теоретической подготовке до сегодняшнего дня относился без особого рвения. Есть – хорошо, нет – и ладно.

– Ну, погоди, Олег, – вдруг разозлился я, – с завтрашнего дня я начну читать шахматную литературу, решать задачи, заниматься физической подготовкой. Через месяц-два я побью тебя, как говорится, заткну за пояс.

Я был уверен в этом, хотя в тот миг и предположить не мог, что судьба готовит мне совершенно другой путь, который уже никогда не пересечётся с путём Олега Буйнова.

Глава шестая

По-моему, в природе всё правильно устроено. Хорошо, что ни одному живому существу, в том числе и человеку, не дано

знать, что с ним произойдёт в будущем. Сколько хочешь предсказывай, а вот выйдет по-твоему или нет бабка на кофейной гуще гадала. Да что там говорить о далёком будущем, на минуту вперёд не заглянешь. Иногда и на секунду. Бывало, заплнёшься, падаешь и не знаешь, что с тобой будет: или нос разобьёшь, или коленки поцарапаешь, а то и вовсе сломаешь чего. Пока не шлёпнешься, не поймёшь, какую шутку с тобой судьба сыграла.

Мы вот тоже не думали, не ждали, а судьба нам свинью подложила. Прихожу я домой, а там все в трауре. У мамы глаза красные, заплаканные то есть, папа хмурый, как будто с голоду помирает, а Славик на диване лежит, одеялом укрылся и делает вид, что охвачен глубоким сном.

– Да что с вами со всеми случилось, Славик натворил что-нибудь?

Славик с папой промолчали, а мама шмыгнула носом и жалобным голоском ответила:

– С нами-то ничего не случилось, а Славик вот ногу сломал.

– Ты что шутишь?

– Да какие тут шутки...

Она махнула рукой, всхлипнула и убежала на кухню.

Тут до меня дошло, что случай, как говорится, вонючий. Я быстро переоделся и подсел к Славику. Как я думал, он не спал, а просто сопел под одеялом, ещё толком не поняв, что с ним произошло.

– Не спишь?

– Нет, – он высунул нос из-под одеяла, – уснёшь тут. – Он приглушил голос, чтобы родители не слышали, – то жалеют, то ругают, а то молчат, только носами шмыгают.

– А как ты умудрился ногу сломать?

– Я и сам не знаю. Прыгал в высоту, раз пять прыгнул, всё в норме, как всегда. А тут разбежался, оттолкнулся, но как-то неловко, то ли поскользнулся, то ли запнулся, нога подвернулась, я шлёпнулся со всей дури. И вот...

– Больно? – мне до слёз стало жалко Славика. Я сразу же подумал, как он такой живчик будет целыми днями лежать в постели.

– Немного. А сразу почти ничего не почувствовал. Я даже сгоряча на ноги вскочил, вот тут боль и ударила по мозгам.

Я даже не помню, как закричал и снова повалился на пол. – Он замолчал.

– А потом, – поторопил я Славика.

– А что потом, – он обречённо махнул рукой, не вытаскивая её из-под одеяла. – Потом Геннадий Борисович подбежал, взял на руки и отвёз на своей машине в больницу. Там посмотрели, сказали перелом и наложили гипс. Вот он, – Славик откинул одеяло и показал гипс, а потом постучал по нему пальцем, – видишь какая зараза. По-моему, Серёга, это надолго.

Я смотрел на его ногу, и не находил слов, чтобы утешить брата, но в конце концов выдавил из себя какие-то ненужные слова утешения, что-то вроде «Славик, крепись, бывает и хуже». Я понимал, что эти слова не помогут, но всё равно продолжал бормотать их. Я боялся, если замолчу, то разревусь, как девчонка.

Глава седьмая

Когда на другой день я пришёл в школу, оказалось, что о несчастном случае со Славиком знали все. Ко мне подходили мальчишки и девчонки из разных классов,

каждый хотел узнать, как это произошло, как его самочувствие, и когда он сможет ходить в школу. Подходили и учителя, они жалели о случившемся, обещали помочь Славику не отстать от класса. Предлагали ходить к нам домой и заниматься с ним, если, конечно, это понадобится. Я сказал, что это вряд ли понадобится. Мы ведь учимся в одном классе, а значит, все домашние задания будем делать вместе, а если что-то будет непонятно ему, я сумею объяснить. Наталья Николаевна сказала на это:

– Ты уж, Серёжа, повнимательнее слушай учителей, глубже вникай в суть нового материала. Ты теперь будешь учиться не только для себя, но и для брата. А если тебе будет что-то непонятно, не стесняйся, обращай к любому учителю, каждый из нас с радостью поможет.

Первые три дня Славик и слушать не хотел об уроках, но потом мало-помалу начал заглядывать в учебники. Правда чаще я просто читал, а он запоминал. К моему удивлению память у него оказалась классной. Всё прочитанное схватывал на лету, хотя раньше ничего подобного за ним

не наблюдалось. Раньше он был как все, простым учеником. Я думаю, он просто мало внимания уделял учёбе, я тоже, наверное, попади на больничную койку, стал бы лучше заниматься. А Славик кроме учёбы пристрастился к книгам. Приду со школы, а он читает то Робинзона, то «Остров сокровищ». А однажды гляжу, в руках у него книжка о шахматах, та самая, что Игорь Игоревич дал мне на кружке. Я как-то забыл о ней. Честно говоря хотел почитать, да руки не доходили. Так она и лежала спокойненько в шкафу.

– Ого, у нас новый шахматист появился, – съехидничал я. – ты хоть что-нибудь в них понимаешь?

– А что в них понимать? Здесь всё написано для дошколят. Давай доску, я покажу, чему научился.

– Хорошо, – я принёс доску, – расставляй, а я пока переоденусь.

Пока я переодевался, он успел расставить фигуры, причём правильно. Даже ферзей поставил как полагается.

– Молодец, – похвалил я Славика, – а как фигуры называются выучил?

– Конечно. – Он начал показывать

фигуры и называть их. – Ладья, конь, слон, ферзь, король и пешки. Я даже знаю, как они ходят. Если не веришь, давай сыграем.

Я ухмыльнулся, и чтобы не обидеть брата согласился:

– Давай быстренько.

То, что я обыграю Славика в несколько ходов, было известно изначально. Ни один шахматист в мире не становился великим за один день. Я похлопал Славика по плечу:

– Не расстраивайся, брат, настанет время, и ты будешь выигрывать у меня. Только для этого надо постараться.

– Ладно, ладно, – остановил меня Славик, – не задирай нос, а давай-ка ещё разок сыграем.

Мы играли весь вечер, забыв про уроки, телевизор и книги. И эта игра, наверное, никогда бы не закончилась, если бы не мама. Она вошла в нашу комнату и строгим голосом спросила:

– А уроки вы сделали, шахматисты? Тебе, Серёжа, должно быть стыдно. Вместо того чтобы помогать брату, ты забиваешь ему голову всякими пустяками.

– Мама, – сказал я, – шахматы – это не

пустяки. Ими занимаются все великие люди. Славик, может быть, тоже станет великим шахматистом.

– Великим легкоатлетом он уже стал. Играть вам никто не запрещает, но уроки – в первую очередь. С двойками и на шахматах далеко не уедешь.

Глава восьмая

С того дня так и повелось. Я приходил из школы, мы со Славиком делали уроки и садились за шахматы. В первые дни я не проиграл ни разу, хотя замечал, что Славик с каждым днём играет всё лучше и лучше. Недели через две он меня общёлкивал – мама не горюй. Наконец я сказал ему:

– Всё, Славик, играть с тобой не интересно, ты мне хоть фору давай.

Он подумал:

– Ладно, я без одного слона играть буду.

Я обрадовался:

– Идёт.

Мы снова сели за шахматы. Славик снял с доски одного слона. Я сосредоточился, думал над каждым ходом

по пять минут, но, тем не менее, продул и эту партию.

– Нет, Славик, давай ты будешь без лады играть.

– Давай попробуем.

Ну здесь-то я постарался на совесть и, наконец, выиграл. Я радовался, как маленький, а Славик смотрел на меня и смеялся.

На кружке теоретических занятий не было. Игорь Игоревич сказал, чтобы мы больше играли друг с другом, набивали руку. К удивлению всех я обыгрывал одного противника за другим, и лишь Толик Сидоров сумел меня переиграть и то, потому что я нечаянно зевнул коня. Я попросил, чтобы он разрешил мне переходить, но тот упёрся и ни в какую. Я и так и этак, а он тогда закричал и позвал Игоря Игоревича. Игорь Игоревич подошёл к нам:

– Что за шум?

– Да вон Серёжка коня зевнул, а теперь привязался, чтобы я ход вернул. Это же нечестно?

– Конечно, нечестно, надо уметь проигрывать. Ты, Серёжа, не прав, на соревнованиях никто не позволит ход

забрать.

– Так мы же не на соревнованиях.

– Это верно. Но мы к ним готовимся, поэтому должны учиться вести себя, как это делают все шахматисты. Шахматы, друзья, учат не только мозгами шевелить, но и сосредоточенности, терпению, а также вниманию. Так что, Серёжа, у тебя есть ещё моменты, над которыми надо поработать. Кстати, за последние две недели ты стал играть заметно лучше, наверное, дома тренируешься.

– А мы со Славиком каждый день играем.

– Интересно. А где же он научился играть. Не ты ли с ним поработал?

– И я немного. Но в основном он сам выучился по книге, которую вы дали.

– Интересно, – снова сказал Игорь Игоревич, – и как у него дела, получается?

– Получается, – я у него уже не выигрываю, только, если он фору даст.

– Так-так, – вымолвил Игорь Игоревич, о чём-то задумался, помял ладонью подбородок и отошёл от нас. – Доигрывайте – и по домам.

Глава девятая

Прошло ещё несколько дней. Однажды в воскресенье я проснулся, как и обычно, поздно, выглянул в окно и оторопел. Ещё вчера мела метель, ветер сбивал с ног прохожих, забирался за воротник, промораживая любого и каждого до косточек. А сегодня светило солнце, свежий снег призывно блестел разноцветными огоньками, приглашая на прогулку.

– Славик, – радостно закричал я, – просыпайся. День такой чудесный. Чего дома торчать, собирайся, гулять пойдём.

– Гулять...гулять... – заворчал Славик, протирая кулаками заспанные глаза, – куда гулять... на костылях что ли?

– Не хочешь на костылях, я тебя на саночках катать буду.

– Нужны мне твои саночки...

– Тогда садись мне на горбушку и поедем.

Тут в комнату вошла мама. Она слышала наш разговор, поэтому сразу поддержала меня:

– Собирайся, собирайся. Ты, Славик,

уже закис дома. По комнате вон, как заяц прыгаешь. А на улице хоть возле дома постоишь, свежим воздухом подышишь.

Славик ещё поворчал немного, но всё-таки начал собираться.

– А завтракать? – притормозила нас мама.

– После прогулки, – в один голос закричали мы.

На улице вместе с солнцем хозяйничал небольшой морозец, который я практически не замечал, а вот Славик сразу же съёжился, было видно, что с непривычки ему такое воздействие на него со стороны природы не понравилось.

– А ты, Славик, не стой, давай будем двигаться, а то в сосульку превратишься.

– Не превращусь.

Славик опёрся на костыли и сделал решительный шаг. Я подошёл к нему поближе, чтобы в случае чего подстраховать. Мы уже прошагали метров сто, как вдруг кто-то окликнул нас. Я оглянулся. Это был Игорь Игоревич.

– Молодцы, ребята, – ещё издали похвалил нас он. – Нельзя сдаваться, надо всегда наступать, и тогда любые невзгоды

попятятся и, в конце концов, отступят. А я ведь не просто так здесь оказался. Я к вам шёл. Решил тебя, Слава, проведать, поговорить с тобой. А, кстати, я на машине. Она за углом стоит. Если хотите, доедем до школы.

Я, честно говоря, не очень воспылал таким желанием. А вот Славик обрадовался, он и про холод забыл. Я его понял, что ни говори, считай месяц, он там не был, тут и железный бы соскучился и отправился туда даже на костылях.

Игорь Игоревич подогнал машину, помог Славику забраться на заднее сидение, я устроился рядом с водителем, пять минут и мы уже в школе.

Школа была открыта.

– А там занятие в спортзале. Геннадий Борисович со своими тренируется, – пояснил директор. – Идёмте, посмотрим.

Спортзал в нашей школе классный. В нём можно в волейбол играть, баскетбол, минифутбол и вообще в любые спортивные игры. И для занятия лёгкой атлетикой есть условия. Геннадий Борисович, увидев нас, что-то сказал ребятам и подошёл к нам:

– Здравствуйте, здравствуйте, –

поприветствовал он нас, пожал руку Игорю Игоревичу, – молодцы, Терёхины, что пришли.

Он хотел ещё что-то прибавить, но тут Славиковы друзья, увидев его, кинулись обниматься, тормошить друг друга, громко кричать, смеяться, толкаться и вообще вести себя как малолетние детишки. Я знаю, от радости можно всяких глупостей натворить. Больше всего я испугался за Славика, как бы его невзначай не уронили на пол. Геннадий Борисович, вероятно, тоже подумал об этом и разогнал всю эту шумящую братию по своим местам.

Глава десятая

Геннадий Борисович продолжил занятие с группой, я уселся на скамейку и от нечего делать стал наблюдать за тем, что делается в спортзале. А там ничего особенного не происходило. Шла отработка техники прыжка в высоту. Мне это было не интересно, скачут как козы, кто-то выше, кто-то ниже, а кто-то и вовсе никак. Геннадий Борисович объясняет таким, показывает, а они стоят с умными лицами,

кивают головами, а как только дело дойдёт до прыжка, они или планку сбивают, или вообще под планку сигают. И как у Геннадия Борисовича нервы выдерживают. Я бы таким спортсменчикам накостилял бы по шее и домой отправил. А он спокойненько так снова да ладом им разжёвывает. Надо было мне с Игорем Игоревичем идти. Он позвал Славика в свой кабинет партийку в шахматы сгонять. Хотя сказать по совести мне и шахматы уже надоели. Славик дома из меня все нервы этими шахматами испортил. Пусть уж они там сами разбираются в деревянных фигурках.

А ребятишки всё прыгали и прыгали. Наконец Геннадию Борисовичу, видно, это до чёртиков надоело. Он махнул на них рукой, подошёл ко мне, присел рядом:

– Вот беда, Славик приболел. Вашего возраста у меня нет человека, которого можно было бы везти на районные соревнования. На него вся надежда была. – Он помолчал, а потом приобнял меня за плечи, – а может, ты попробуешь. Вы ведь с братом одной крови, в одной среде росли. Я думаю, у вас и общие задатки есть.

– Что вы, Геннадий Борисович, я и на уроке еле-еле на четвёрку прыгаю.

– То на уроке, там всё делается по обязанности, а здесь по вдохновению. Пойдём, прыгнешь. А я сразу скажу, стоит ли тебе заниматься или нет. Не бойся, я честно скажу. Если нет, то значит нет.

– А у меня и костюма спортивного нет. Я же не знал, что...

– Не беда, ты же не соревноваться будешь. Только куртку с ботинками сними.

Мы подошли к сектору для прыжков в высоту.

– Так, Серёжа, внимание. Ты наверное видел, как прыгают мои хлопцы. Кто-то «перекатом». кто-то «ножницами», а кто-то – это у меня старшие ребята – стилем «флоп». Тебе что-нибудь понравилось?

– Честно говоря, я не очень уловил. Просто думал, что меня это не коснётся.

– Хорошо, это не большая беда. В классе мы прыгали «перекатом», попробуй и ты так. Только запомни одно, что прыгаешь ты не только для меня и не только для себя, но, в первую очередь, за брата. Кстати, ты какую высоту брал?

– Метр, наверное.

– Хорошо, метр тебе и поставим.

Этот метр несчастный я перемахнул и сам не понял как. Толкнулся посильнее, взлетел, шлёпнулся на маты – и готово. Даже удивительно стало. Тем более Славиковы друзья побросали свои дела и столпились вокруг меня.

Геннадий Борисович подбежал ко мне:

– Всё нормально? У тебя знаешь какой запас был. Ты бы мог спокойно на пятёрку прыгнуть. Может, попробуешь?

Вот тут у меня что-то внутри ёкнуло и вспыхнуло синим огнём. Мне смертельно захотелось прыгнуть ещё, чтобы заработать «пятёрку» и чтобы болельщики хлопали в ладоши и кричали от восторга долго и громко.

Геннадий Борисович поднял планку, а я прыгнул и снова удачно.

Дома я начал рассказывать Славику, как я прыгал. Он слушал внимательно, а потом сказал:

– Молодец, только смотри ногу не сломай.

– Не бойсь не сломаю. Ты со своими шахматами мозги не вывихни.

Славик расхохотался:

– А что шахматы уже не твои? Ты что на кружок ходить не собираешься?

– А что мне там делать? Ты ведь лучше меня играешь. Как вы с Игорем Игоревичем сыграли, поди ты победил.

– Было дело. Но и он однажды меня обставил.

– А сколько же раз вы сыграли?

– Пять. Он сказал, что на шахматной олимпиаде я буду на первой доске играть.

– Так ты же ещё с Толиком Сидоровым не играл. Он тоже очень даже ничего. Если ему шлея под хвост попадёт, он хоть кому мат поставит.

– Про Толика я знаю, мне самому хочется с ним сразиться. Я тебя вот о чём попрошу: ты пригласи этого Толика к нам домой, а здесь мы уже выясним кто сильнее.

– А вдруг он не захочет прийти?

– Ты пригласи, настоящий шахматист ни за что не откажется. Мне Игорь Игоревич рассказал сегодня про одного знакомого деда, который в их селе жил. Он каждую субботу ходил к другу шахматисту в соседнее село за семь вёрст. Там они топили баню, забирались на полок и резались в шахматы. Если этот дед выигрывал, то

оставался ночевать у друга, если проигрывал, ночью уходил домой. После этого ждал неделю, готовился к матчу-реваншу и снова шёл в соседнюю деревню, потому что его друг пойти в наше село не мог. У него не было одной ноги, он таким пришёл с фронта. Вот это настоящие шахматисты.

– Ладно, – пообещал я, – постараюсь уговорить, хотя Толик не простой пацан. Он себе на уме и вряд ли захочет, чтобы кто-то обыграл его.

Глава одиннадцатая

Толик Сидоров учился в шестом классе, поймал я его на большой перемене. Он стоял с одноклассниками в коридоре возле окна и о чём-то спорил с маленьким рыжим пацаном. Разговор шёл на повышенных тонах. Я подошёл поближе и понял, что спорят они о шахматах. Оказывается этот рыжий пацан, зовут его Колька Демьянов тоже умеет играть, но на кружок не ходит принципиально, мол, там никто играть не может.

Толик конечно завёлся и высказал

Кольке всё, что он о нём думает:

– Что ты расхвастал, сам поди ещё название фигур не выучил, а туда же...

Тот естественно в долгу не остался и тоже подколол Толика. Так слово за слово они и поругались. Наконец пацанам, что стояли рядом с ними, надоело слушать эту бестолковую ругань.

– Да ну вас, – сказал Санька Селиванов, – хватит лаяться. Сядьте после уроков за шахматы, сыграйте и сразу поймёте, кто лучше, кто хуже.

Спорщики вроде бы успокоились и ко всеобщему удовлетворению согласились сыграть. Правда тут же возникло препятствие. Кружка сегодня нет, шахматы спрятаны в шкафу, а ключ у Игоря Игоревича, которого сегодня ещё никто не видел.

И тут меня осенила превосходная мысль.

– А давайте после урока к нам зайдём. Родителей дома нет, а Славик нам не помешает.

С Толиком мы были хорошими знакомыми, поэтому он сразу согласился. Колька же немного повыпендривался, но

пацаны прицыкнули на него и он тут же сдался.

После уроков мы всей гурьбой отправились к нам. Было нас не много, но и не мало, всего десять человек, со мной одиннадцать: два будущих чемпиона мира по шахматам, остальные просто любопытные. Им было интересно узнать, кто же одержит верх, из-за чего уже по дороге разгорелся спор ними, половина болельщиков утверждала, что победит Колька, вторая половина – Толик.

Славик обрадовался нашему приходу, а когда узнал о его цели, быстренько извлёк на свет божий шахматы, расставил фигуры, а потом взял одну пешку, зажал её в кулак и спрятал руки за спину.

– Кто будет выбирать?

– Пусть Колька выбирает, – великодушно разрешил Толик.

Колька указал на правую руку Славика, тот разжал кулак, в нём ничего не было. В левой была чёрная пешка. Это означало, что Колька играет белыми, а Толик чёрными.

Тот, кто никогда не играл в шахматы, может сказать, мол, какая разница, какими

фигурами играть – белыми или чёрными. А на самом деле играть белыми предпочтительней, потому что за белыми первый ход и значит на один ход больше.

Игроки уселись за стол, все остальные разместились вокруг него стоя, потому что на всех у нас просто не хватило бы стульев. Колька раздумывать не стал, сделал ход e2-e4, и игра началась. По договорённости матч состоял из двух партий, первая завершилась вничью, а во второй Толик разгромил своего соперника в пух и прах. Победителя похвалили, те, кто болел за него, особенно радовались, кричали: «Ура!», «Толян чемпион!» Толик тоже радовался, а я вроде как случайно подбросил идею:

– А ты, Толя, рано радуешься. Ты лучше попробуй с моим братом сыграть.

О том, что Славик умеет играть он даже и не слышал, поэтому только рассмеялся:

– С тобой я могу сыграть, ты на кружок ходишь, а со Славкой что играть, он ведь у тебя учился, значит, тебя не переплюнет.

Но в умы болельщиков уже было посеяно семя сомнения, они дружно

закричали:

– Играй, Толик, покажи ему.

Болельщиков можно понять, им, видимо, не хотелось уходить от нас. Дома что ни говори, нет такого раздолья. Какие родители позволят тусоваться в своей квартире десятку оболтусов. Толику деваться было некуда, и он снова сел за стол. Славик, я видел, немного волновался, он потирал руки и вытирал вспотевшие ладони о домашние брюки.

Игра была интересной и довольно быстрой. Славик почти не думал над ходами, а вот Толика эти ходы ставили в тупик, и он надолго зависал над шахматной доской, обдумывая очередной ход. Но как бы он не старался, Славик довёл партию до победного конца.

– Ну что, молодец, – сказал Толик, вставая из-за стола, – далеко пойдёшь, если милиция не остановит.

Кто-то засмеялся этой избитой шутке, а кто-то остался недовольным:

– Давай вторую партию.

Но Толик уже встал и направился в прихожую:

– Всё, ребята, я уже устал, есть хочу,

уроки ещё не деланы, и вообще домой пора.

Глава двенадцатая

Сегодня Славик наконец-то пошёл в школу. Он радовался встрече с классом и учителями, с друзьями, которые хотя и приходили навещать его у нас дома, всё таки не могли выражать свои эмоции, находясь в гостях. И вообще каждый человек знает, что навещая больного человека, поневоле подстраиваешься под его болезненное настроение. А теперь, когда Славик почти выздоровел, можно и посмеяться и подучиться.

Я тоже радовался. Во-первых, радовался, что Славик здоров, во-вторых, что теперь он сам будет набираться ума разума у учителей, а не через меня. Скажу честно, это – нелёгкое дело учиться самому и учить больного брата.

На большой перемене Славик зашёл в кабинет к директору и попросил записать его в шахматный кружок. Игорь Игоревич был готов к этому, поэтому и продержал Славика в своём кабинете до самого звонка на урок.

Я, конечно, попытался выпытать у него, о чём они там говорили, но Славик только отмахнулся:

– Не сейчас, дома.

А после уроков меня перехватил Геннадий Борисович:

– Ну что, Серёжа, не надумал перейти в легкоатлетический кружок?

Мне стало как-то не очень удобно, потому что я на самом деле об этом и не думал, хотя Геннадий Борисович меня уже спрашивал об этом раньше. Я замялся, не зная, что сказать.

– Ты, пожалуйста, подумай, Серёжа. Я буду ждать. Кстати, у нас кружок будет завтра, приходи. Только спортивный костюм не забудь.

– Хорошо, – сказал я и побежал догонять Славика, который, уже прихрамывая, пошагал по улице с друзьями.

Дома Славик рассказал, о чём он так долго беседовал с директором. Оказывается Игорь Игоревич предложил Славику занятия в кружке не по обычной программе, а по индивидуальной. А ещё он созвонился со своим другом, директором 24-й школы (наша школа № 15), спросил, есть ли у них

хорошие шахматисты. Оказалось, что есть, правда это ребята из старших классов.

– В старших классах в принципе и у нас есть ребята, которые могут хорошо играть. Я постараюсь, – это он уже Славику, – организовать два раза в неделю встречи шахматистов младших и старших возрастов. Тебе, Слава, надо больше играть и читать шахматную литературу. У меня немало такой литературы, сегодня я подберу несколько книг, а завтра принесу в школы.

А потом они успели ещё поговорить о шахматной грамоте, о большой пользе решения шахматных задач.

А потом мы перешли на мой разговор с Геннадием Борисовичем.

– Ты знаешь, Славик, я честно не знаю, что делать. Мне почему-то ничто не интересно.

– А это наверное потому, – сказал Славик, – что ты ничего до конца не освоил. В шахматах ты середнячок и в лёгкой атлетике ничего не добился. Тебе, брат, надо в конце концов определиться и выбрать что-то одно. А уж потом в этой виде совершенствоваться. Ну а если ни шахматы, ни лёгкая атлетика не нравятся, выбери

пионербол, будешь с Мишкой Петровым мяч через сетку перебрасывать, время убивать, может быть, чемпионом мира по пионерболу станешь.

Глава тринадцатая

Славиковы слова неожиданно подействовали на меня. Я никогда и подумать не мог, что он может так правильно рассуждать. Я почему-то считал себя более мудрым, наверное, потому, что родился всё-таки первым и значит был старшим.

В тот вечер я почему-то долго не мог уснуть, вставал, пил воду, зачем-то выглядывал в окно, светил фонариком на циферблат часов. Стрелки, как казалось мне, застыли на месте. Я сначала подумал, что заболел, потому что мне что-то мешало уснуть. Раньше такого не было. Спал и ел я всегда с большим удовольствием, и не было никаких причин, что могли бы мне помешать в этом. А тут просто напасть какая-то. Долго я так маялся, пока не пришло сознание, что не сплю я оттого, что не могу понять, чем я должен заниматься в

жизни.

Может быть, кто-нибудь подумает, что это враки, ни один пятиклассник не станет так переживать из-за непонятого будущего. Я соглашусь с таким человеком, но со мной-то такое случилось: лежу с закрытыми глазами, а в голове будто кто лекцию читает на тему «А чем ты, малец, заниматься думаешь? Что тебе больше по душе – шахматы, лёгкая атлетика или пионербол?» А я лежу и думаю, что мне ни одно занятие, ни другое, ни третье особо и не нужны. Я бы сроду на эти кружки не ходил, если бы отец не заставлял. Он считает, может быть и правильно, что заниматься спортом должен каждый человек. Без спорта нет здоровья. Вместо того, чтобы пить таблетки, лучше пропотеть, занимаясь утренней гимнастикой, ещё лучше, если не отвливать от уроков физкультуры и совсем хорошо – заниматься в спортивных кружках и секциях под руководством опытных тренеров.

Славику хорошо. Он почему-то умеет увлечься тем, на что обратит внимание. Начал заниматься лёгкой атлетикой, и все его разговоры завертелись вокруг этой темы.

Увлёкся шахматами и начал не просто играть, а изучать теорию, решать шахматные задачи.

А я вот почему-то так не могу. Я понимаю, что это от того, что мне просто не попало такое занятие, которое бы увлекло на все сто процентов.

Уснул я, скорее всего, далеко за полночь, а может быть, и вовсе ближе к утру. Однако проснулся сам и даже толкнул Славика, чтобы он просыпался. Удивительно, но я выспался, чувствовал себя бодрым, готовым на любые подвиги. Мне казалось, что надо мной не висят никакие проблемы, что всё уже решено, продумано, я никому ничего не должен и вообще волен строить свою жизнь самостоятельно, по своему усмотрению.

В комнату вошёл папа:

– Встали, спортсмены? На зарядку становись. Просьба не лениться и не халтурить.

Это коронные папины фразы. Он ничего нового не придумывает, а каждый день начинает именно так. Я думаю, мы бы его не поняли, если бы он сказал другие слова. Правда, когда Славик болел и не мог

делать утреннюю зарядку, папа обращался только ко мне: «Встал, спортсмен?», а дальше также как всегда.

После зарядки, когда Славик убежал умываться, я спросил папу:

– Пап, мне совет нужен.

– Давай, спрашивай.

– Посоветуй, пожалуйста, что мне делать. Ну не люблю я ни шахматы, ни лёгкую атлетику. Я не знаю почему, но мне вообще ничего не нравится. Я понимаю, что чем-то заниматься надо. Вон Геннадий Борисович зовёт в свою секцию. Говорит, раз Славик не может прыгать, приходи ты, занимайся вместо него. А Игорь Игоревич говорит, что место в команде на спартакиаде мне обеспечено. Вроде всё, как говорится, «на мази», а мне это никакого удовольствия не доставляет.

Папа улыбнулся:

– Не все люди, сынок, сразу выбирают правильный путь. Бывает – ошибаются, идут не по той дороге, но не бросают поиски, кто-то раньше, кто-то позже находят всё-таки себя, из них получаются достойные люди. А если ничего не хотеть и не искать, то ничего не отыщешь и останешься в конце концов ни

с чем. Будешь плакаться на свою судьбу, искать виновных в твоих неудачах. Мой совет: попробуй себя во всех дисциплинах – прыгай, бегай, играй в футбол и шахматы. Кто ищет, тот обязательно найдёт. Понял?

– Понял, спасибо.

После разговора с папой я твёрдо решил записаться в легкоатлетическую секцию и продолжать заниматься в шахматном кружке.

Глава четырнадцатая

До весенних каникул остался ровно месяц. А это значит, что и до спартакиады тоже остался месяц, если быть точным, то тридцать дней. Я ходил в шахматный кружок и легкоатлетическую секцию. Я старался и там и сям, но всё получалось не совсем так, как хотелось моим тренерам. В шахматах я не продвинулся ни на шаг. Лучше меня играли и Славик и Толик, и Олег Буйнов неожиданно продвинулся вперёд. Он, конечно, играл не лучше меня, но нередко обыгрывал, как маленького.

Славик на шахматный кружок не ходил, вернее, он ходил, но только в тот, где

играли старшеклассники. Он и там почти никому не уступал. Славик мне почему-то всегда представляется чем-то вроде танка: выбрал курс и прёт, не замечая по сторонам ненужных мелочей. Кто не успел спрятаться, того он переедет и оглядываться не станет.

Иногда он ходит со мной в легкоатлетическую секцию. Он не бегаёт и не прыгает, а просто сидит в сторонке и наблюдает за нами, как мы стараемся побить мировые рекорды. Геннадий Борисович в таких случаях подходит к нему, садится рядом, и они о чём-то беседуют. Я как-то спросил Славика, о чём они там говорят. А Славик ответил, мол, ни о чём: то о здоровье, то об учёбе, то просто о погоде. Я понимал, что Славик что-то скрывает от меня, скорей всего Геннадий Борисович при встрече со Славиком сожалеет, что лучший прыгун не сможет выступить на спартакиаде и что к великому сожалению ему не нашлось достойной замены. Была надежда на брата, то есть на меня, но и она испарилась, как утренняя роса.

Славик об этом мне не докладывает, боится, наверное, обидеть. И зря он боится.

Я и сам понимаю, что легкоатлет из меня получился самый заурядный. Выше меня прыгают по крайней мере пять человек. Я тоже стараюсь: технику прыжка изучил, мускулатуру ног развиваю, от тренировок не отлыниваю. Игорь Игоревич говорит, что мне времени не хватает, чтобы физическую форму набрать. Это потому, что в младших классах я спортом особо не увлекался. Ну иногда футбол во дворе гонял, утреннюю зарядку делал. Для здоровья это, конечно, не плохо, но для достижения каких-нибудь солидных спортивных результатов этого мало.

Однажды мы возвращались со Славиком домой из школы. У меня в этот день была тренировка, а Славик сидел в спортзале и ждал меня, чтобы вместе идти домой. По дороге он мне сказал:

– Я смотрю, как ты прыгаешь и удивляюсь. Ты иногда высоту берёшь с таким запасом, что можешь любого перепрыгнуть. А иногда на метровой высоте планку сбиваешь. А знаешь почему?

– Не знаю, Геннадий Борисович говорит, что форму не набрал.

– Я думаю, что форма здесь ни при

чём, ты просто не выкладываешься весь до конца.

– А вот это, Славик, ты ерунду городишь. Да я после каждой тренировки, как рыба мокрый, меня можно как тряпку отжимать.

– Это я заметил. Но кроме пота, нужна ещё спортивная злость. Прыгнул неудачно, не махай рукой, мол, спортивную форму не набрал, а так разозлился, что ни спать, ни мечтать, ни есть не станешь, пока не улучшишь результат. – Он помолчал. – Ты, конечно, можешь меня не слушать, я просто своё мнение высказываю.

Я ничего ему не ответил, но сам задумался, кто его знает, может быть, он и прав. У меня действительно бывает, не пойдут прыжки, я на тренировке вроде бы и пытаюсь что-то сделать, а приду домой и обо всех своих неудачах тут же забываю. Видно и правда желание победить не сидит во мне и не управляет моей волей.

Глава пятнадцатая

Ровно через неделю спартакиада. Сегодня воскресенье, но мы со Славиком

идём в школу. Там на кружках и секциях будет решаться вопрос, кто же из нас поедет на олимпиаду. Сказать по совести, я хоть и хорохорился перед друзьями и Славиком, в душе всё-таки хотел попасть на эти соревнования. Правда я понимал, что скорее всего мне это не светит, потому что и в шахматном кружке и в легкоатлетической секции были спортсмены получше, чем я.

В шахматных соревнованиях на спартакиаде от каждой школы примут участие по две команды. В первой будут играть ученики пятых восьмых классов, во второй – девярых – одиннадцатых. В каждой команде четыре человека, три мальчика и одна девочка. Это условие спартакиады и с ним всё ясно. С моей точки зрения и фактический состав команды тоже ясен. На прошлой неделе мы провели собственный турнир, в котором я занял третье место, потому что Славик в нём не принимал участие. А это значит, что на самом деле я четвёртый и в команду не попадаю.

Что интересно, но и в прыжках в высоту я тоже четвёртый. Как ни старался, какие задачи не ставил перед собой, ничего не получилось. Таким образом я оказался в

пролёте, хотя и строил из себя человека, которому всё равно. Я даже не хотел сегодня идти в школу, но папа сказал:

– Стыдно быть пофигистом, не болеть за честь школы. А вдруг ты зачем-нибудь понадобишься. Ты ведь не знаешь, что может произойти.

Папу я послушался, но без особой охоты пошагал вместе со Славиком. Игорь Игоревич задерживать нас не стал, потому что он сам куда-то торопился. Просто он извинился, что не сможет сегодня провести полноценное занятие и озвучил то, о чём мы уже догадывались.

– На первой доске, – сказал он, – будет играть Терёхин Слава, на второй – Сидоров Толя, на третьей...

Я понимал, что это буду не я, но почему-то мне страшно захотелось, чтобы это был я, а не Олег Буйнов, который переиграл меня в последнем турнире. Он набрал на полтора очка больше, чем я, и имел полное право на участие в спартакиаде.

– На третьей, – продолжил директор, – сыграет Олег Буйнов, на четвёртой Валя Федина. Я думаю, вы согласитесь со мной, что на сегодняшний момент – это лучшие

шахматисты в младшей группе. Но это не всё на соревнования поедет и ещё один мальчик в качестве запасного игрока. Предлагаю кандидатуру Серёжи Терёхина. Возражения будут?

Возражений ни у кого не оказалось, в том числе и у меня. Пусть даже запасным, но я всё-таки еду на спартакиаду и, может, даже сгожусь на что-нибудь.

В спортзале всё повторилось с удивительной точностью. Геннадий Борисович отобрал лучших прыгунов в высоту, лучших бегунов на 60-метровку, а меня предложил в качестве запасного участника. Я аж подпрыгнул от такого поворота событий. Славик тоже рассмеялся и сказал:

– Ну ты, брат, даёшь, во всех дисциплинах нарасхват.

Я понял, что он немного съехидничал, но не обиделся, как-никак младший братишка, а что с ребёнка возьмёшь.

Глава шестнадцатая

Наш районный центр – небольшой городок, мы часто бываем в нём, то что-то

купить надо, то родителям по работе требуется но дворец спорта в нём хороший, можно сказать, классный, недавно построили. Мы со Славиком в нём ещё не бывали. Да и наверное другие наши пацаны и девчонки сюда не заходили.

Геннадий Борисович на минуту куда-то исчез, а потом появился и повёл нас по дворцу.

– Легкоатлеты остаются здесь, садитесь на скамейки и ждите меня. Ты, Серёжа, – это он мне, – тоже жди здесь.

Он снова убежал, а потом подошёл уже с Игорем Игоревичем. Они о чем-то негромко говорили, потом директор махнул рукой и чуть ли не бегом побежал к своим шахматистам. Как я понял, Геннадий Борисович в чём-то пытался убедить его, но тот упирался, хотел, наверное, применить свою власть. Но, в конце концов, махнул рукой, делайте, мол, что хотите.

Я подумать не мог, что разговор шёл обо мне. Я знаю, что все прыгуны и все шахматисты были на местах, никто от соревнований не отказался, травмы тоже никто не получал. Значит, моё дело – сиди на трибуне, жди, когда вся эта суета

закончится, а там в автобус и до дома.

Впрочем, если честно, я вообще ни о чём не думал, просто такой нужды не было. И когда Геннадий Борисович подошёл ко мне, я посчитал, что ему тоже делать нечего, расставил своих спортсменов по местам, а сам, чтобы никому не мешать решил посидеть со мной.

Однако дело приняло совсем не то направление.

– Серёжа, – сказал он, – у нас маленькое недоразумение. Коля Семенихин должен бежать шестьдесят метров, но в спортзале его нет. Он обещал приехать сюда с папой, но видимо что-то случилось. Не знаю что. Но бегуна у нас нет. А если мы не выставим участника, с нас сразу же снимут пять баллов. А это много. Я предлагаю тебе пробежать за Колю.

– Геннадий Борисович, но я ведь не тренировался, вообще ни разу не бегал.

– Не большая беда. Ноги есть. На переменах бегаешь, как оглашенный. Я же не на десять километров предлагаю бежать. Тут ты и вздохнуть не успеешь, а уже финиш. Соглашайся.

– А вдруг я хуже все пробегу?

– Как пробежишь, так и ладно. Пусть лучше будет ноль очков, чем снимут пять.

Я на минутку задумался. А потом решил: «Чего тут думать. Здоровье нормальное. Бегать умею. Что для меня эти шестьдесят метров? Ничто, пустяк».

– Хорошо, – согласился я.

– Вот спасибо, удружил так удружил.

Бежал я в первом забеге. Рядом со мной было ещё пять мальчиков. Трое выше меня на голову, двое пониже. Светленький с большими ушами был такой худой, что глядеть на него страшно.

– Ну уж этого я обязательно обгоню, – решил я. Другие тоже показались не сильнее меня.

Геннадий Борисович помог мне установить колодки для низкого старта.

– Давай, Серёжа, не тушуйся. Мы за тебя бодем. Давай газу.

Газу я, конечно, дал, только не в ту сторону. Пока я устраивался на колодках, пока смотрел на соседей, как они ведут себя, раздался выстрел стартового пистолета. Все мальчишки рванули с места, а я почему-то не сразу сообразил, что надо бежать, а когда сообразил, то мои соперники уже пробежали

половину дистанции. Я охнул и рванул за ними, но было уже поздно. Я оказался последним. Геннадий Борисович похлопал меня по плечу:

– Не расстраивайся. Бежал ты очень хорошо, просто засиделся на старте. До следующей спартакиады ты научишься этой премудрости. Я думаю, что тебе мало соперников найдётся.

А мне всё равно было стыдно. Я до сих пор считаю, что опозорился на всю школу. Кстати, тот мальчишка с большими ушами прибежал первым. По-моему он и победил. Я, правда, уже не смотрел лёгкую атлетику, а пошёл болеть за наших шахматистов.

Глава семнадцатая

Домой мы добрались только к вечеру. Мама быстро усадила нас за стол, мы ещё быстрее умяли котлеты и почти все пироги, а потом собрались присесть к телевизору, но папа начал допытываться у нас, как прошли соревнования, кто победил, кто проиграл.

Я сказал, что проиграл в чистую, не смог пробежать, как следует. Славик

заступился за меня.

– А Геннадий Борисович сказал, что из Серёги хороший бегун получится. Он это при всех сказал. Просто у него старт не отработан. А этому ведь тоже учиться надо.

– А у тебя с шахматами?

– И у меня тоже не очень. Команда оказалась на восьмом месте. А было всего двенадцать.

– А ты сам?

– А я на третьем. Городские мальчишки здорово играют.

Спать мы легли рано, не как обычно, но уснуть не могли ни тот, ни другой. То нам было жарко, то холодно, мы сбрасывали одеяла, потом снова натягивали их на себя, ворочались с боку на бок, перекладывали подушки – всё напрасно, сон не приходил. Видно, ему было не до нас.

– Знаешь, – сказал вдруг Славик, – я почему-то считал, что смогу победить всех. Ведь в нашей школе я обыгрываю даже старшеклассников. И там всё шло хорошо, а вот в конце то ли устал, то ли возгордился, ну и проиграл. Вот и папе соврал, никакого у меня не третье место, а четвёртое. Я завтра ему об этом скажу.

Он замолчал, мне тоже нечего было сказать. Мы снова долго ворочались, перекладывали подушки. Наконец я встал.

– Схожу, попью. Что-то в горле всё пересохло.

Славик не отозвался, хотя я знал, что он не спит, а переваривает спартакиаду, может быть, ругает себя, может, ищет себе оправдание, а может, думает над тем, как правильно подготовиться к следующим соревнованиям.

А я для себя всё решил. С завтрашнего дня я начну серьёзно заниматься спортом. Не может быть, что я не смогу обойти того маленького ушастенького пацана в следующий раз. Да я жилы из себя вытяну, а переиграю его. Вот такую страшную клятву я дал себе.

Солдат и Чёрт

Давно это было. Тогда наши деды и прадеды ещё на свет не явились, их отцы и деды в крепости жили, солдаты в те годы по четверти века службу несли, а черти свободно по городам и по весям шастали. То души грешные высматривали, то просто так по улицам гуляли.

Летел как-то один чёрт над землёй, смотрел по сторонам, нет ли на белом свете чего интересного, и вдруг увидел: на поле брани раненый солдат лежит и не просто лежит, а кровью истекает. А неподалёку от него на травке ангел сидит, дожидается, когда солдатова душа на тот свет попросится, чтобы её в рай забрать. Ведь всякому известно, что солдат, погибший в бою, защищая свою страну, без всяких проволочек под светлый лик божий идёт. испокон веков так водится.

– Ну нет, – подумал чёрт, – без борьбы

я эту душу не отдам.

Опустился он возле солдата, подсел к нему поближе:

– Что, солдат, в рай собираешься?

– Куда бог определит, – еле слышно прошептал тот.

– А давай к нам в ад. Там заживёшь в своё удовольствие.

Промолчал солдат.

– Да ты не сомневайся. Я ведь не просто на твою душу виды поймел. Я же тебе ещё и помочь хочу. Заключим договор лет на двадцать. Ты в эти годы палец о палец не ударишь, а жить будешь припеваючи. Хочешь, тебя купцом сделаю, хочешь – боярином, а не понравится – помещиком, министром, а то – и генералом.

– Так я ж помираю. Моей жизни один клочок остался.

– Ну это пустяк, ты не беспокойся. Вот посмотри, кровь твоя уже не течёт, вот уже и рана зарастает, к вечеру и вообще здоровым будешь, правда, если только договоримся с тобой. Так что, по рукам?

Видит солдат, что дело и впрямь на поправку идёт, помирать уже совсем не хочется, но и жить по прежнему надоело.

Вот уже двадцать пять лет он то воюет, то марширует, а то в карауле стоит. Слава богу, что хоть крыша над головой есть. А вот уволят со службы и податься некуда. В деревне родной уже никто не ждёт, мать и отец давно в могиле лежат. В городе поселиться негде да и жить не на что. Чтобы с голоду не помереть, надо работать денно и ночью. А сможет ли он. Ведь во всю жизнь нигде не работал, ни чему не научился, только маршировать да воевать может. Грамоте и той не научен.

Махнул рукой:

– Шут с тобой, бес, по рукам. Слышал я, что надо будет ещё какие-то бумаги подписать. Подпишу и их, только вот поживу две недели в новом обличье, и если понравится, тогда уж, пожалуйста. А через двадцать лет можешь мою душу к себе тащить. Но если в эти две недели мне новая жизнь не понравится, ещё одну испробую. Имей в виду, пока не найду себе житьё по нраву, никакого дела с вами, чертями, иметь не буду.

Обрадовался чёрт, что удалось ему солдата в свои силки поймать. Хвалит его:

– Молодец, солдат, правильно решил,

а теперь говори, кем ты хочешь свой век доживать?

– А хочу я стать генералом, – объявил солдат. – Военную службу видал, знаю, что генералы на поле боя не бывают, больше в своих палатках сидят, коньяки пьют, перепёлок едят да пирожными закусывают. Стану я тоже генералом. Поживу по-генеральски, а потом, если всё без обману будет, можешь бумагу составлять, могу её хоть кровью подписать.

– Хорошо, – согласился черт, – будь по-твоему, не пугайся только перемен, станешь генералом.

Махнул он рукой, свистнул по чертовски, налетел вихорь, затряслась земля, белый свет на минуту превратился в злую тьму, потерял память солдат, а когда пришёл в себя, долгое время не мог поверить, что всё это наяву.

А кто бы из нас поверил в такое. Открыл он глаза и видит: сидит во дворце неопикуемой красоты, а вокруг мебели штучного производства из заграницы доставленные, люстры хрустальные, стены в камнях драгоценных, и слуги вокруг бегают, стараются хоть чем-нибудь угодить. Одни

чаши с вином подносят, другие – кушанья заморские подают, третьи – кровати пуховыми перинами застилают, четвёртые – сапоги снимают, тапочки на ноги обувают.

– А где, – крикнул солдат, – супруга моя драгоценная?

– Здесь, мой дружок, – раздался хрустальный женский голосок, – бегу к тебе, прости меня, что на минуту отлучилась.

Доволен солдат, вроде жизнь налаживается, ещё немного и двадцать лет можно дурака валять, ни о чём не заботиться.

Накормили слуги солдата, напоили, в мягкую постель спать уложили, а утром, едва он глаза протёр, депеша из царского дворца пришла. Призывает его царь-государь во дворец вместе с женой на бал. Не явиться нельзя, а явиться позор на себя навлечь: ведь ничему из того, что все царские гости делать будут, он не научен. Ни танцевать, ни раскланиваться, как надо, ни, как говорится, слово по-учёному молвить. Но деваться некуда, против царской воли не попрёшь. Велел жену позвать. Так, мол, и так, собирайся в царский дворец на бал. Та, конечно

обрадовалась, побежала одеваться, собираться да накрашиваться. Солдат тоже парадный мундир нацепил, ордена привесил, а у самого поджилки трясутся, не знает, что во дворце делать.

Однако когда прибыли на место всё как-то само собой разрешилось. Оказалось, что среди дворцовой знати немало знакомых, которые радостно приветствовали его, да и он с удовольствием пожимал руки своим знакомцам. Правда, он никак не мог вспомнить, когда успел познакомиться с ними. Но тут заиграла музыка, все гости да и сам царь-батюшка разбились на пары и начали танцевать. И опять солдат не ударил лицом в грязь, оказалось, что он и танцевать может и с дамами обращается учтиво.

До самого утра развлекался солдат, а когда вернулся домой, новую депешу получил.

Приказывает ему государь через два дня явиться в армию, готовить воинов в поход против турков. Надо всё самолично проверить: амуницию и продовольствие солдатское, выучку армейскую, а также пушки пересчитать, да заявку царю представить, если чего не хватает.

Солдат и отдохнуть не успел и жизнью генеральской не наслаждался, а забот уже полный рот, успевай только прожёвывать. Приехал он в армию, к его приезду выстроились вояки в одну шеренгу для смотра. Офицеры в струнку вытянулись, солдаты, как каменные статуи на месте замерли. Вспомнил солдат недавнее своё житьё, подумал: «Знали бы они, перед кем замерли, перед кем в струнку вытягиваются». Стыдно ему стало, что ни говори, а он честным человеком был, махнул рукой и послал солдат отдыхать, а сам сел в карету и отправился домой чёрта ожидать.

Через десять дней чёрт как из табакерки явился, нарисовался рано утром с заготовленной бумагой, на которой солдату надо было свою подпись поставить. Со своей стороны чёрт уже постарался расписаться, как положено, кровью.

– Ну что, солдат, понравилось тебе генеральское житьё?

– Нет, черток не понравилось, не по душе мне оно.

– Как не по душе, я ведь всё для тебя сделал? Дом тебе дал – не дом а дворец,

жену – красавицу, умницу, добрую, заботливую, в высшее общество ввёл, с царём и важными вельможами познакомил, службой нужной для государства и прибыльной для тебя обеспечил. Что же тебя не устроило?

– А не устроило одно. Я отдохнуть перед смертью хотел, а тут на тебе, то на балы царские, то на службу. Не надо мне такой радости.

– Ну, ладно, давай я тебя купцом сделаю.

– Давай купцом. Может купеческое житьё слаще будет.

Махнул чёрт рукой, свистнул по-чертовски, налетел вихорь, затряслась земля, белый свет на минуту превратился в злую тьму, потерял память солдат, а когда пришёл в себя, видит, что сидит он в высоком тереме. А вокруг всё чисто да богато, жена его с дочками за столом сидят, чай пьют, пирогами заедают. Увидели солдата, кинулись к нему, обнимают, целуют, за руки берут, к столу подводят.

– Садись, батюшка, чайком побалуемся, а попозже и ужин поспеет. А ты чайку попей, да отдохнуть пойдешь, а не то

дела да заботы с ума сведут.

А солдат и сам уже чувствует, что забот у него на троих хватит: торговые дела хуже пошли, видно приказчики не расторопные попались или, что ещё хуже, воровать приноровились, цены на заморские товары чуть не вдвое выросли, а тут ещё на соседней улице какой-то заезжий купец свою лавку открыл. Не столько торгует, сколько цены сбивает. А ещё надо бы на ярмарку съездить, товаром запастись, да боязно без присмотра лавки оставить. А кроме себя и послать некого. В доме одни девки, был бы сын, так опора была бы.

Лёг солдат в кровать, а уснуть не может.

– И на шута мне такое житьё, буду чёрта ждать.

Через неделю он тут как тут.

– Ну что, солдат, понравилось тебе новое купеческое житьё?

– Нет, не понравилось. Я ведь говорил тебе, что не хочу никаких забот, хочу отдохнуть от них перед смертью. Неужели нет таких должностей, таких званий, когда всех забот, что валяться на пуховиках, любиться с женой да питаться в своё

удовольствие.

– Боюсь огорчить тебя, солдат, но нет на свете таких должностей, все люди должны работать, чтобы пропитание себе добыть. Одна разница между ними: пропитание у всех разное. Зря ты от хорошей жизни отказываешься. Хорошо ты будешь работать или плохо твоё – все двадцать лет с тобой останутся.

– Да я в общем-то от хорошей жизни и не отказываюсь, просто стыдно мне людям в глаза врать. И царь батюшка, и вельможи, и жена красавица, и солдатики думают, что я вправду генерал или там купец какой, а на самом деле – обычный солдат из лапотных мужиков. Как подумаю, что всю жизнь придётся с этим жить, потом покрываюсь. Так что, чёрт-батюшка, освободи меня от такой милости.

Взял солдат чёртову бумагу, изорвал её, а клочки по сторонам раскидал.

– Ох и глупый же ты, солдат, сразу видно, что ничего ты в этой жизни не разумел. Ты думаешь, что в царском дворце собирается высшее общество? Чушь, там такие же, как ты, мужики, только они все как один давным-давно души свои продали.

И жена твоя, чтобы сладко пожить в генеральских хоробах, подписала кровью нужную бумагу. Да и вообще посмотри внимательно по сторонам: купцы, вельможи, цари, генералы, попы, министры – все богатеи не своей жизнью живут, все до одного чертям души продали.

– А ты не врешь, чёрт?

– А зачем мне это.

– Ишь ты, – удивился солдат, – да неужто по всей земле такое творится?

– По всей, по всей, – подтвердил чёрт. Всякий мало-мальский начальничек с радостью душу закладывает, чтобы подольше в начальниках пожить, да денегат накопить. За деньги они и честь, и совесть закладывают. А мы, черти, всячески стараемся помочь им в этом деле.

– Так что же теперь на всей земле не осталось людей, что души свои в чистоте сохранили?

– Остались, конечно, но о них и говорить не стоит. Они ни в аду, ни в раю особым спросом не пользуются.

– Да что же это за люди?

– А такие, как ты. Одни землю пашут, другие дома строят, иные уголь добывают, в

солдатах служат, одним словом простые работяги, которые всю жизнь гнут свои спины на всяческих мироедов: кормят их, одевают, обувают, от добрых людей защищают, жизни свои не жалеют, оберегают добро их от чужеземцев. Жалкие это людишки, а ведь и они могли бы жить в роскоши, продай чертям свои вшивые душонки. Так что, солдат, подумай, как ты дальше жить будешь: в богатстве и холе, либо в ремках и неволе.

Сел солдат на землю, обхватил голову руками, задумался: «Бог обещает хорошую жизнь после смерти, а чёрт при жизни. Что выбрать?»

Проходят дни, годы, века, а солдат всё думает и думает, пытается решить чёртову задачу, а ничего придумать не может. То ли солдат глупый, то ли у этой задачи решения нет.

Паучок

Жил на свете маленький паучок. Он был таким маленьким, что ни одна птичка не замечала его, и даже хищные жуки не обращали на него внимания. «Стоит ли с ним возиться, – думали они, – если он такой заморыш. Что с него возьмёшь: ни мяса, ни сала, только кожа да кости».

Жил паучок один одинёшенек, не было у него ни братьев, ни сестёр и вообще никого. Правда иногда мимо него пробегали какие-то пауки, но все они были чужими, потому даже на секунду не хотели останавливаться возле нашего паучка, чтобы побеседовать с ним, поинтересоваться его самочувствием, ну или предложить кусочек пирожка. Трудно жить без родных и близких.

Однажды в солнечную осеннюю погоду, которую люди называют «бабьим летом», решил паучок поискать родственников или хотя бы друзей, которых у него тоже никогда не было. Выглянул он из-под листочка орешника, под которым снимал квартиру, покрутил головой из стороны в сторону, надеясь увидеть хоть

кого-нибудь, с кем можно подружиться. Как нарочно, поблизости никого не оказалось, только далеко под кустом шелестела рыжими листьями маленькая мышка.

– Ты кто такая, – крикнул ей паучок. – Ты что-то потеряла?

Но мышь, видимо, не услышала слабый голосок Паучка и молча продолжала ковыряться в листьях.

– Наверное она не услышала, – сообразил Паучок и быстро спустился на длинной паутинке к самой земле.

– А ты кто такая? – снова спросил он у мышки.

Теперь мышка услышала паучка и повернула к нему голову, а увидев его страшно удивилась.

– А ты кто такой?

– Я паучок.

– А я мышка.

– Ой как здорово, – неизвестно чему обрадовался малыш, – а давай мы станем с тобой дружить.

– Я бы рада, – с сожалением ответила мышь, – да только мне некогда. Я к зиме готовлюсь, орешки с земли собираю и в своей норке складываю. А как холода

настанут и землю закроет снегом, буду в тепле сидеть да орешки грызть. Я под этим кустом уже всё обшарила, видишь, ничего не нашла. Теперь самое время к другому кусту бежать. Так что прощай, паучок.

Мышка махнула хвостиком, только её и видели. А паучок снова остался один. Правда ненадолго. Откуда ни возьмись на той же веточке, где скучал Паучок, появился муравей. У него был сосредоточенный и озабоченный вид. Он метался из стороны в сторону, словно пытался найти что-то давно утерянное. Паучок обрадовался ему:

– Здравствуй, Муравей, давай с тобой дружить. Если ты что-то потерял, я помогу тебе отыскать это что-то.

– Ничего я не терял, и дружить мне некогда. Я делом занимаюсь, ищу пропитание. Скоро зима, а у нас в муравейнике запасов ещё недостаточно. Так что извини, я тороплюсь.

Помахал он на прощание усиками и тоже скрылся. Вздохнул Паучок и уже совсем было собрался спрятаться под листком, как увидел ползущего по ветке червяка. Обрадовался Паучок, будет и у него друг. Червячок тоже увидел Паучка,

остановился.

– Ты что тут делаешь? – спросил он.

– Я ничего, сижу и жду, хочу друга найти. А ты куда ползёшь?

– А я место укромное ищу. Я ведь не простой червяк, я – гусеница. Сейчас спрячусь где-нибудь, совью себе кокон и буду спать до весны. А весной проснусь, выберусь из кокона и превращусь в бабочку красивую-прекрасивую. Буду летать с цветка на цветок, пить нектар и любоваться природой. Только тебе этого не понять, ты никогда не будешь летать, потому что у тебя нет крыльев. А если бы были, ты в миг бы нашёл себе друзей.

Сказала так гусеница и поползла дальше, искать себе укромное место.

Задумался Паучок. Слова червяка задели его за живое. «Так вот где можно друзей найти, в воздухе, надо только окуклиться, чтобы отрастить крылья, а потом порхать на них с одного цветка на другой, встречаться с друзьями, разговаривать с друзьями, пить с ними нектар, греться на солнышке и любоваться природой.

Размечтался Паучок и не заметил, как

подул лёгкий ветерок, оторвал от ветки паутину, которой паучок был привязан к ней, и понёс её по воздуху вместе с ним.

– Ой, ой, – испуганно закричал Паучок, – я, наверное, сейчас упаду и разобьюсь о землю. Помогите!

– Ну что ты кричишь? – услышал он вдруг чей-то голос. – Ты что никогда в своей жизни не летал на паутинке? Наверное, нет, ведь ты такой маленький.

Паучок приоткрыл закрытые от страха глаза и увидел, что рядом с ним летит такой же, как он сам, паучок, правда немного покрупнее. Паучок обрадовался, что он не один, вспомнил слова гусеницы, что в воздухе всегда можно найти друга. Ему ещё было страшно, но он заговорил с попутчиком.

– А ты куда летишь?

– Да не ты, а мы. Давай дружить. Вместе летать веселей и не так страшно.

– Давай, – обрадовался Паучок, и страх совсем покинул его. А чего бояться, теперь у него есть друг, который не оставит его одного, с которым можно болтать о чём угодно и любоваться природой. Она хоть и готовится к зиме, но всё ещё красива. От

переполнившего восторга он громко засмеялся. Только сейчас Паучок понял, что в полёте и заключается всё паучье счастье. Он смеялся, а рядом смеялся его новый друг.

А по земле шли люди. Они видели летящих на длинных паутинах паучков и говорили друг другу:

– Паутина полетела, значит, тепло ещё постоит, успеем к зиме подготовиться.

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДА САШУРА

Предуведомление

Среди безбрежных вод Тихого океана разбросано великое множество маленьких, порой даже микроскопических островов. Их так много, что ни путешественники, ни географы, ни составители лоций до сих пор не смогли пересчитать их и нанести на карту. Время от времени открытия все же свершаются. Какой-нибудь неопытный капитан сойдёт с курса и заплывёт в такие дебри этих самых невеликих островов, что сам потом диву даёт, куда, мол, меня занесло и как теперь из этой чащобы выбираться. Бывали случаи, что и не выбирались, приходилось высаживаться на какой-нибудь уютный островок и проводить на нём десятки лет. Многие моряки находили там свой последний приют.

Так вот. Однажды небольшой парусник «Сомнительный», рыская в Тихом океане в поисках приключений, попал именно в такую вот ситуацию. Капитан

сбился с курса, моряки были не совсем опытными людьми, чтобы подсказать ему, помочь в нелёгком навигационном деле. Всё, что ни предпринималось растерянными людьми, приводило к одному и тому же плачевному результату – бесплодному блужданию среди островов, островков, атоллов, рифов и одиночных скал, выпирающих на поверхность со дна океана.

Посоветовавшись, команда решила причалить к какому-нибудь острову, задержаться, пока не закончится сезон бурь, а потом снова искать выход из этой поганой истории.

Они выбрали довольно-таки большой островок, обильно покрытый тропическими растениями, и смело вошли в бухту, которая своими очертаниями напоминала подкову, и бросили в ней якорь. Бухта показалась матросам райским уголком.

Впрочем, разговор пойдёт не о бухте и не об острове, а о том, что остров оказался обитаемым. Моряков с песнями и танцами встретили на берегу аборигены. Скорее всего, им не приходилось встречаться с англичанами или голландцами, которые обязательно бы установили над ними

протекторат и подняли бы над самой высокой точкой острова свои никчёмные флаги.

Аборигены с радостью приняли наших людей, разместили моряков в лучших домах самых зажиточных островитян. Без дела моряки не остались. Многие увлеклись рыбалкой, благодаря им вся команда всегда была с рыбой, кто-то занялся изучением растительного и животного мира острова, а кто-то... Правда, про этих кто-то говорить во множественном числе нельзя. Это был один кто-то, а именно мичман Панин, который сразу ушёл вглубь острова и занялся сбором сказок, легенд и прочей чепухи. Многие смеялись над ним, говорили, что это занятие не приносит нормальным людям никакой пользы. Правда, мичман Панин не обращал на таких критиков никакого внимания.

Прошло много лет, корабль «Сомнительный» правдами или неправдами всё-таки сумел выбраться из лабиринта непроходимых островов и скал, затерянных в Тихом океане. Добрались они и до порта своей приписки – Санкт-Петербурга. Много было встреч с моряками, много чего порассказали они. Но – увы – не все

рассказы понравились людям. Что из того, что рыбаки вылавливали по пуду, а то и по два рыбы. У нас на заливе при особом старании тоже ловят не меньше. А что растения и животные там диковинные, так тоже ничего особого нет, в любом чужом краю этого чуда не измерить и не изучить. И только мичман Панин увлѣк многих. Даже Академия наук заинтересовалась его докладом. Дело в том, что никто ещё не слышал о народе САШУРА, а тем более не знал, что и он имеет свой фольклор. Вот именно вокруг записок мичмана и поднялся спор. Одни говорили, что это открытие в области этнографии и филологии, другие объявляли Панина шарлатаном. Как бы там ни было, но записки его так и не были опубликованы ни в научных журналах, ни в жёлтой прессе.

Мичман Панин пытался встретиться с учёными и доказать им свою правоту, но все его потуги оказались тщетными, он запил и вскоре умер, оставив, правда, свои записки мне.

Я связываться с учёными не стал, поскольку побоялся участи мичмана, и решил за свой счёт опубликовать их.

Вначале я хочу познакомить вас со сказками и легендами народа Сашура. Я прошу прощения у читателей за то, что мичман Панин не систематизировал представляемый вам материал. Я решил оставить всё, как есть. Может быть, со временем специалисты заинтересуются фольклором народа сашура и смогут всё систематизировать и классифицировать, а также опубликовать в достойном виде. А пока, что есть, то есть.

Откуда люди пошли

Никто не знает когда начинался наш мир и никто, уже не узнает об этом, поскольку даже боги не живут на свете столько времени. Тогда не было в природе ни тьмы, ни света, ни земли, ни воздуха, ни солнца, ни луны. Вообще ничего не было. Только вершитель судеб Гора-Курган обитал в своём жилище, ничего не зная, ничего не видя и ничего не слыша. Долго он жил один. Но однажды надоело ему одиночество и безделье, захотелось сделать что-нибудь, чтобы хоть немного развлечься.

– А не пустить ли на свет народ какой-

нибудь, пусть живёт да радуется. А имя ему дам – сашура.

Поковырялся вершитель в носу, в ушах, набрал то, что набрал, и начал человечков лепить. Не один век старался. Вышли из под его рук красивые, смелые, быстрые, ловкие люди, замечательные охотники и рыбаки. Смотрит на них Гора-Курган, радуется, жалеет, что век их не долгим будет, хочешь-не хочешь, а помирать придётся.

Но не всё ещё потеряно. Собрал он однажды людей и сказал им:

– Славно я поработал, но можно бы и лучше. Беда, малость материала не хватило. Пусть кто-нибудь из вас даст капельку своей крови, и я сделаю вас бессмертными.

Обрадовались сашура, согласились, но потом каждый подумал: «С какой стати я должен кровь отдавать, пусть кто-нибудь другой это сделает».

Ждал Гора-Курган каплю крови, но так и не дождался. Рассердился вершитель на людей:

– Не видать вам никакого бессмертия из-за непомерной жадности и хитрости. А для того, чтобы вы об этом случае не

забывали, пусть рядом с вами поселятся комары и другие кровососы, будут они до скончания веков вашу кровь сосать. Чем больше высосут, тем короче ваш век.

Откуда на землю дождь со снегом приходят

Далеко-далече на самом краю земли, на высокой горе сидит великан Гума. Ноги его в землю упираются, а голова в облаках прячется. Ходить великан никуда не ходит – земля не держит, летать не может, плавать не умеет. Сидит он на этой горе, думу думает, мечтает о завтрашнем дне, вспоминает прошлое.

И всё славно было бы, если бы не комары да мухи. Не дают ему проклятые покоя. Каждый кровопивец так и норовит ущипнуть, кровушки горячей испить. Конечно для великана комар или муха пустяк, пыль дорожная, но когда эти пустяки в стаи сбиваются тут и у великана нервы не выдерживают:

– А ну, мелюзга, – по-доброму просит он кровососов, отстаньте от меня, летите в

поля да в леса, ищите себе пропитание в другом месте.

Но не понимают злыдни доброго слова, ещё пуще налетают на богатыря, надеются сообща великана одолеть. И тогда тот начинает бороться с этой нечистью другим методом. Дунет влево и на сотни вёрст чисто от забияк, дунет вправо – и там никого нет. И чем больше комаров да мух, тем сильнее дует великан. А от этого дуновенья гуляют по всей земле ветра: то северный, то южный. Гонят эти ветра не только кровососов, но и облака с тучами. Попадут злыдни в холодную тучу и выпадут на землю снегом, а из тёплых туч сыпется вниз мелкий дождик.

Луна

Вы думаете, Луна всегда была единственным спутником? Ничего подобного, раньше таких лун вокруг Земли вращались десятки, а может, и сотни. Куда ни кинь – везде луна по небосводу крадётся: то большая, то малая, то светлая, то тёмная, то красная, то синяя, а то и вовсе разноцветная. Посмотреть на них, голова

закружится, а в глазах рябь поднимется, как в ветер на море.

Вначале крутились они вокруг Земли каждый сам по себе, вроде и не мешали друг другу. Только потом стала зависть одолевать их, каждой хотелось получше выглядеть, подольше на небе покрасоваться, побольше похвал в свой адрес получить. Вот и начали они толкаться, ругаться, ненавидеть друг друга. И только одна из них – нынешняя Луна – вела себя прилично: не толкалась, не ругалась, младших не обижала.

Понятно, что обиженные стали к ней за помощью обращаться, жаловаться на хулиганок, плакаться в платок. А Луна непременно пожалеет да пригласит к себе в гости какую-нибудь простушку, посидит с ней за чаем, а потом возьмёт молоток и стукнет подругу-соперницу по голове. Та рассыплется на мелкие кусочки, точь-в-точь как тарелка, ударившись о камень. Луна соберёт осколки и выбросит их подальше от Земли. А они там, вдалеке, превращаются в звёзды, от обиды плачут, моргают глазами, а некоторые в отчаянии срываются с насиженного места и падают вниз на верную погибель.

Так постепенно Луна расправилась со всеми товарками и осталась на небосводе одна-одинёшенька. И тогда душа её успокоилась, ведь теперь, только её называют красавицей, любят ей и даже посвящают стихи.

Солнце и Луна

В давние предавние времена, когда горы и деревья ещё не успели вырасти, встретились Солнце с Луной и сразу же полюбили друг друга. Полюбили и решили пожениться, работа, мол, у нас общая, трудная, вдвоём, что ни говори, легче круглые сутки Землю греть и с темнотой бороться.

Как решили, так и сделали: вышли вдвоём на небосклон. Солнце от радости сверкает во всю мочь, шлёт лучи в самые тёмные уголки, старается со всем живым поделиться своей радостью. Луна тоже за ним тянулась, светила как надо, но потом поняла, что в солнечных лучах её никто не замечает. «И чего я надрываюсь, – подумала она, – пусть муж работает, а я расслаблюсь, отдохну немного».

Прошло много, очень много лет, солнце работает, не жалея сил, а Луна купается в лучах его славы, но сама палец о палец не ударит, чтобы помочь мужу.

Так, может быть, продолжалось и до нашего времени, если бы однажды не произошло затмение. Солнечное лицо затянуло тенью, и на землю среди белого дня упала непроглядная ночь. «Ну, это не большая беда, сейчас из-за туч выглянет Луна, и снова станет светло», – подумало Солнце. Подождало оно немного, а потом ещё немного, но уже подольше прежнего, а Луна всё не появлялась. Кинулось Солнце Луну искать, а та завалилась среди облаков и спит беззаботно, только пузыри пускает.

Рассердилось Солнце: «Вот ты как договор блюдёшь?! Глаза мои на тебя смотреть не хотят». Толкнул жену под бок, а та от толчка покатила по небесам и укатилась на другую сторону Земли.

С тех пор живут они врозь и работают всяк сам по себе. Солнце днём светит, а Луна – ночью. А когда солнечные затмения случаются, тьма хозяйничает на земле и пугает всё живое. Солнце всегда жалеет об этом, а Луна и бровью не ведёт, пусть, мол,

бывший муженёк сам разгребает свои проблемы.

Откуда столько островов на земле

Создал Гора-Курган людей и расселил их по всей земле. А вся земля состояла тогда из одного большого острова. Всего вдоволь было на нём. В лесах дикие звери водились, птицы гнёзда вили, на полях бескрайние стада антилоп паслись, с гор стекали быстрые речки с прозрачной водой, в озёрах плескались бесчисленные стаи рыб, на тучных полях созревали различные злаки и овощи, на деревьях росли сладкие плоды. Живи да радуйся, плодись да размножайся.

Вот этим последним делом люди и занялись вплотную, а на остальное внимания не обращали. Жили они так, не тужили до тех пор, пока не расплодились, как тараканы. Загляни под любой куст, там сашура спит, отвали камень – там сашура прячется. И столько их развелось, что уже на небо полезли. Ещё немного и они бы друг на дружке кататься стали. Тогда северные сашура – нордики стали убивать южных – зюдиков, а восточные – остики – западных –

вестиков. Но чем больше сашура били друг друга, тем больше женщины рожали детей. Те подрастали и становились воинами вместо отцов. Нордизюдики стали убивать остивестиков и наоборот, и всё больше и больше становилось людей, которые убивали друг друга и отнимали друг у друга их земли.

Смотрел на них Гора-Курган век, другой, надоело ему смотреть на это безобразие. Взял он в руки землю и разорвал её в клочки, так и появилось в мире множество островов, на которых расселились нордики, зюдики, остики и вестики отдельно друг от друга. С тех пор на земле наступил мир. Кому было охота плыть на чужой остров, чтобы завоевать его. На своём имелось немало дел, которые надо было переделать.

Откуда леденцы пошли

Сидел Гора-Курган, думал о судьбах человечества сашура. Вроде бы всё предусмотрел, но радостей почти никаких народу своему не доставил. Охотиться научил, но разве это радость, не будет охоты

– не будет пропитания, землю пахать научил, но и это не радость. Немало пота надо пролить, чтобы кусок хлеба заработать. Повелел мужчинам и женщинам вместе спать, но это только лишние хлопоты людям прибавило – стали дети рождаться, а с ними заботы и разочарования.

– Нет, – решил Гора-Курган, – надо что-то особое придумать. Посмотрю я по сторонам, может, что-то радостное увижу, людям передам.

Посмотрел – ничего хорошего: грязь кругом, пожары, буреломы, змеи ядовитые ползают. Тьфу ты, глаза бы не смотрели. Решил звуки земные послушать, может, найдутся такие, что сашуру осчастливят. Развесил уши, а там, то буря шумит, то горы рушатся, то волны морские тоску навевают.

– Ну, может быть, хоть запахи на земле обрадуют меня и мой народ?

Принюхался, пахнет чёрт знает чем: протухшей рыбой, застойной водой, человеческими экскрементами и серой, извергающейся из вулканов.

Высох язык у него от переживаний, высунул его и угодил прямо в пчелиное гнездо. Слизнул он мёд – вкусно показалось,

прикрыл глаза от удовольствия, но тут пчёлы-злодейки жалить стали. Загорелся язык, словно его перцем намазали. Гора-Курган туда, сюда, увидел проплывающий мимо айсберг, лизнул его, чтобы охладить язык и замер от счастья.

– Вот чего не хватало вам, милые сашура, простых леденцов, – закричал в восторге Гора-Курган, – ешьте теперь мёд и лёд и запивайте чем-нибудь остреньким.

Так с тех пор и повелось, мёд сашура ела с чаем, а лёд стала добавлять во что-нибудь остренькое. А это остренькое на каждом острове производили по своему особому рецепту, ведь общего для всех Гора-Курган тогда не дал.

Почему зайцы косые

Заяц присел на пенёк и задумался:

– Хорошо, когда на улице светло. Можно лечь на зелёную травку и любоваться всем, что бог дал. Вон у нас лес какой: густой, высокий, зелёный – настоящая тайга. А поляны? Так это клумбы цветущие. Красотень! А на небе облака

плавают, как рыбы в голубом океане.

До вечера он только тем и занимался, что размышлял о красоте мира. А вечером пришёл домой, где жена его ужинать поджидала. Сел Заяц за стол. И за столом светло, потому что жена не только все блюда выставила, но и свечку зажгла, чтобы кто-нибудь из них случайно ложку мимо рта не пронёс.

Долго столовались они. Наконец Заяц вытер губы, отряхнул с себя крошки, зевнул широко и сладко:

– Намаялся я сегодня что-то. Спину ломит, ноги гудят, не пора ли и на покой.

– Пора, пора, – поддержала его жена, – вон и на улице уже темно, хоть глаз коли. Иди, дорогой, укладывайся, постельку я уже постелила. А я пока свечку задую.

Зайца долго уговаривать не надо, быстренько одежонку сбросил и юркнул под одеяло. А заботливая Зайчиха дождалась, когда муж уляжется, дунула на свечку и уже в темноте забралась к мужу под бочок.

Только-только собрался Заяц уснуть, как в окно заглянула Луна и в Зайцевом домишке стало светло, как днём, хоть иголки с булавками собирай.

– Вот ведь беда, – проворчал Заяц, – прямо в глаза светит, где тут уснёшь. И как это Луна не понимает, что свет нужен днём, а ночью от него одни только неприятности.

Он повернулся с одного бока на другой, раз да два, но это не помогло.

– Жена, – толкнул он Зайчиху, – иди дунь на Луну, погаси её, а то сна никакого нет.

– Да как же я дуну на неё, она вон какая большая.

– Как, как, да так же, как на свечу. Дунь хорошенько, она и погаснет.

– Смешной ты, Заяц, где это видано, чтобы зайцы на Луну дули. Я о таком чуде ещё не слыхивала.

– Ох и беда с тобой, – Заяц вылез из-под одеяла, – придётся самому дунуть.

Вышел он на улицу. Прямо над ним повисла круглобокая Луна, смотрит на Зайца, строит ему смешные рожицы. Развлекается, значит.

– Хватит тебе светить, – крикнул Заяц, – ночь уже на дворе, – и дунул на Луну.

А та ноль внимания на Заячью выходку.

– Ишь ты какая пендитная, – поворчал

Заяц и дунул во второй раз в сторону Луны.

И снова она не обратила внимания на рассерженного зверька.

– Ах так, ну ладно, – ещё пуще разошёлся Заяц, – тебе это даром не пройдёт. И он дунул с такой силой, что даже глаза на лоб закатились. С той поры Заяц и окосел, и его потомки тоже стали косыми. А Луна как светила по ночам, так до наших дней и светит, и вроде никому сильно не мешает.

Как горы на земле возникли

Гора-Курган, когда землю создавал, всю поверхность выровнял, песочком посыпал, ни ямки, ни бугорка нигде не оставил, красота вокруг и благодать. Это, чтобы людям и зверям удобно было на ней жить. Не надо ни по горам лазить, ни на холмы взбираться, ни по оврагам ползать. Иди в любую сторону, ни за что не запнёшься, никуда не провалишься, на тысячи вёрст в округе никакой препоны не встретишь.

Так, может быть, мы и жили до сих пор в райских условиях, если бы у Гора-

Кургана не родился сынок. Пока он маленьким был да в пелёнках нянчился, никому не мешал, а вот как подросток чуточек да на улице гулять начал самостоятельно всё и началось. Как всякий ребёнок, малыш Гора-Кургана полюбил в песке играть. Бывало сядет на землю и ну песок в кучи сгребать. Раз гребанёт рукой холм возникнет, два раза – гора. За день столько нагребёт, что ни человек, ни зверь пройти не могут. Гора-Курган поначалу наводил порядок, разравнивал эти кучи, а потом рукой махнул. У него своих дел не мерено, до ребёнка ли. Пусть шалит, пусть играет, лишь бы отцу не мешал.

Постепенно таких куч становилось всё больше и больше, а сами они всё выше и выше, песок овеялся ветрами, обмывался дождями и постепенно превращался в камни. Так вот из-за ребячьей шалости и родительского недогляда появились на земле горы.

Откуда гроза взялась

Жили на земле люди тихо и мирно. Мужчины землю пахали, скот водили,

охотились, рыбачили, женщины, как водится, детей растили, хозяйство вели, в огородах ковырялись. Солнце им днём светило, Луна – ночью, дожди поля да огороды поливали. Не жизнь, сплошное удовольствие.

Но вот с какого-то времени, а с какого никто уж не помнит, навалилась на землю напасть, и пришла она с неба, а кто наслал её, никто не знал и ведать не ведал.

А напасть не простой была, а грозной. Как только дождь начинался, так в небе что-то греметь начинало и сверкать, как будто кто-то огромным кресалом громадные искры высекал. Тогда страшно становилось людям, прятались они по разным закуткам и целыми днями оттуда не выглядывали. И прозвали они эту напасть грозой.

Как-то после очередной грозы собрались люди и стали думать, как бы от этой беды избавиться. И так рассуждали они и этак, и ссорились, и мирились, пока, наконец, не нашёлся один мудрый старик.

– Прежде, чем избавляться от чего-нибудь, надо узнать хоть что-то о том, от чего избавляться будем. А раз гроза с неба идёт, надо послать туда человека. Пусть

узнает, что это за гром такой и что это за искры по небу летают.

Нашёлся один смельчак, вызвался сходить на небо, узнать, кто грозу вызывает. Обрадовались люди, пожелали этому смельчаку доброго пути и скорейшего возвращения. Только вот ведь незадача, никто не знал, в какую сторону идти надо, чтобы на небо попасть. Долго мужики спорили по этому поводу, но единого мнения не выработали. А человек, который вызвался идти на небо, так и просидел всю свою жизнь дома. Его, правда, за смелость земляки сильно уважать стали и даже в разговорах выделяли особо среди других людей. Когда же он совсем постарел, а старики, что посылали его на небо, уже умерли, все, кто моложе, стали думать, что он всё-таки побывал на небе. Да и как этому было не поверить, если он, как только начиналась гроза, говорил:

– Гром гремит. Это Гора-Курган чихает, простыл, наверное. А вот и молнии по небу гуляют. Это глаза Гора-Кургана сверкают. Недоволен он чем-то, это тоже, наверное, от болезни.

Лень несусветная и Вечный трудяга

Померли Лень несусветная и Вечный трудяга. Умерли, почитай, в одно время. Секунда в секунду. Люди, как и положено, пустили их души в дальнее плавание, чем дальше, тем лучше. Плыли эти души разными путями, а встретились в одном месте, пред глазами Гора-Кургана. Поглядел он на них:

– Рассказывайте, кто такие, откуда прибыли, чем при жизни занимались? Не для красного словца спрашиваю, а для дела. Я души в одну кучу не сваливаю, а хорошие к хорошим отправляю, а плохие, тут уж не обессудьте, – к плохим.

– Я Вечный трудяга, – говорит тот, что поплоче, – с Земляного острова. С рождения и до смерти на земле трудился: пахал, сеял, хлеб выращивал и хлебом тем людей кормил. Не было у меня ни праздников, ни выходных.

– Это хорошо, – похвалил его Гора-Курган, – а ты кто такой? – обратился он к тому, что потолще.

– Я Лень несусветная, с Весёлого острова. За всю жизнь палец о палец не

ударил, то спал, то ел, то опять спал, правда, по полдня тебе Гора-Курган молился, благодарил тебя за жизнь хорошую, вино за твоё здоровье пил. Вся жизнь у меня по твоей милости праздником была.

– А ты, вечный трудяга, молился мне, пил за моё здоровье?

– Мне, Гора-Курган, некогда было молиться, и вино я не пил, работал с утра до ночи.

– А это уже плохо, – проворчал Гора-Курган. Жил ты на земле плохо, иди, значит, к плохим душам, а ты, Леня несусветная, иди к хорошим. Уж коли на земле тебе было хорошо, так пусть и здесь хуже не будет. Работать каждый дурак может, а вот помолиться мне да выпить за моё здоровье – тут надо ума палату иметь.

Почему у зайца хвост короткий

Когда-то у всех зверей хвосты одинаковыми были, такие же, как сейчас у лисы. Заяц тоже щеголял с хвостом длинным да пушистым. Он и спал на нём, и укрывался им. Многие подруги считали, что он очень хорошо смотрится с этим хвостом

и мечтали замуж за него выскочить.

Гулял Заяц как-то по лесу, хвостом комаров отгонял, а тут навстречу ему Лиса.

– Здравствуй, Заяц.

– Привет, Лиса.

– Куда это ты идёшь?

– Пропитание ищу. А ты куда?

– И я туда же. Плохо одной жить, каждый день надо куда-то бежать, еду искать, минутки посидеть некогда. Уже и забыла, как отдых выглядит.

– Не говори, Лиса, сам целыми днями только о животе и думаю.

– А давай, Заяц, вместе жить. Вдвоём веселей, поболтать вечером можно, когда надо, позаботиться друг о друге, и за пропитанием через день бегать. Один день ты, другой – я. Пока один еду добывает, другой лежит-полёживает, отдыхает в своё удовольствие.

– Молодец ты, Лиса, здорово придумала. Я согласен, хоть сейчас переходи в мой дом.

Привёл Заяц Лису в свою избушку, показал, что где лежит, что стоит. Рассовали они лисицино приданое по уголкам.

– Значит так, Лиса, сегодня ты лежи,

отдыхай, а я за продуктами сбегаю, а уж завтра я нежиться в постели буду.

– Правильно, Заяц, ты настоящий друг.

Убежал Заяц, нашёл чужой огород, сорвал с грядки несколько морковок, скрутил кочан капусты и радостный побежал домой, подругу кормить.

– Смотри, Лиса, что я принёс. Вот тебе морковка, вот капуста. Всё сочное да свежее, всё вкусное да пахучее, только что с огорода. Иди к столу.

Встала Лиса с кровати, увидела заячью добычу и глаза выпучила:

– Ты что, косой, меня этой дрянью кормить вздумал? Не мог уточку или курочку принести? Я что по твоей милости должна на голодный желудок спать ложиться? Ну уж нет, такого не будет. Всё равно я кого-нибудь съем!

Кинулась Лиса за Зайцем, стала его по комнате гонять, вот-вот схватит. Испугался Заяц, понял, что в большую беду попал, кинулся к окну, которое на его счастье открытым стояло, прыгнул на подоконник, но тут Лиса подроспела, ухватила его за хвост. Заяц заверещал со страха да так

рванулся вперёд, что у Лисы в руках только хвост остался. С той поры все зайцы без хвостов бегают и не боятся, что какая-нибудь лиса их за хвост схватит.

Почему сашуры обычай сменили

Сашуры, такой уж у них был обычай, никогда не женились, у них женщины выходили замуж. Сказать проще, они сами выбирали мужей, и никто им в этом был не указ. Хотят красивого выберут, хотят сильного, а то на богатом останоят выбор. А мужики хочешь, не хочешь со всем соглашались.

Подошёл как-то срок одной девушке замуж идти. Была она красивой, дородной, на каждом пальце по кольцу, в ушах серёжки по килограмму, в носу тоже кольцо в ладонь шириной. Сама полная, мягкая, как подушка, соблазнительная, на шее бусы, на руках и ногах браслеты. Всё вокруг блестит и сияет, глаза слепит. А она сидит на перине посреди комнаты, бананы ест, женихов поджидает. А те, как мошкара на мёд, слетелись со всех островов, весь двор заполонили, все молодые, красивые, каждый

мечтает обеспечить молодой счастье на всю оставшуюся жизнь.

Заходят женихи в дом по одному, смотрит на них невеста, спросит о чём-нибудь, и нос воротит. Не нравятся ей эти молокососы. Не такого мужика ей надо. А что надо, никому не говорит и говорить не собирается. Выбор мужа – её дело, таков обычай. Почти всех женихов отвергла. А они предлагали ей красивые одежды, украшения, высокие терема, много земли и скота, богатые плантации, но не прельстили её эти блага. Зачем они, у неё и так добра не пересчитать.

А тут как раз и подвернулся тот самый жених, о котором она мечтала. Не молодой, не старый, не красивый, не страшный, не бедный, не богатый, проще сказать: ни в чём не бедствует, но и излишка нет.

– Выходи, красавица, за меня, я тебя не обижу и другим не позволю, никто на тебя поглядеть не посмеет, не то, что урон какой нанести. Комар мимо тебя не пролетит.

– Тебя-то я и ждала, – заулыбалась невеста, – тебя в мужья беру.

Привёл её жених домой:

– Походи по дому, посмотри. Вот эта комната моя, а вон та твоя будет.

Заглянула она внутрь. Комната не понравилась, маленькая, без окон и мебели ни какой, одна кровать стоит. Хотела она спросить, а почему для неё такая неудобная комната, как муж толкнул её в спину, а сам быстренько захлопнул дверь и запер её на замок.

Кинулась жена к двери, ну стучать. А муж ей:

– Не стучи. Я слово дал охранять тебя, оберегать от всяких невзгод, обещал, что чужой глаз не увидит тебя, что комар мимо не пролетит. Слово своё держу.

Так и прожила до самой смерти незадачливая женщина под замком. Никто, кроме мужа, её больше не видел.

Правда, с той поры другие родители перестали доверять своим дочерям такое ответственное дело. Сами стали им пару подыскивать. Девицы покочевряжились немного, но со временем смирились.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАССКАЗЫ	5
Жизнь насекомых	5
Рыбалка	13
В поликлинике	18
Три счастья	25
Рыбак	29
Любовный треугольник	39
Целитель	46
Рой	60
Детективная история	67
Степан	76
Мыслелёт	87
Термос	105
История с пивом	107
Химики	111
БАСНИ В ПРОЗЕ	115
Концерт в лесу	115
Копилка	119
Волк и Баран	121
Диван и табуретка	123
Пиво	125
Вода и огонь	126
Мышь	127
Червяк, Рыбак и Карась	129
Дед Мороз	130

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ	132
Пикник	132
Мишкина каша	133
Как Димка хотел в кино сходить	140
Каша	142
Вафли	146
БРАТЬЯ (повесть)	154
СКАЗКИ	221
Солдат и чёрт	221
Паучок	233
МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДА	
САШУРА	239
Предупреждение	239
Откуда люди пошли	243
Откуда на землю дождь со снегом приходят	245
Луна	246
Солнце и Луна	248
Откуда столько островов на земле	250
Откуда леденцы пошли	251
Почему зайцы косые	253
Как горы на земле возникли	256
Откуда гроза взялась	257
Лень несусветная и Вечный трудяга	260
Почему у зайца хвост короткий	261
Почему сашуры обычай сменили	264

